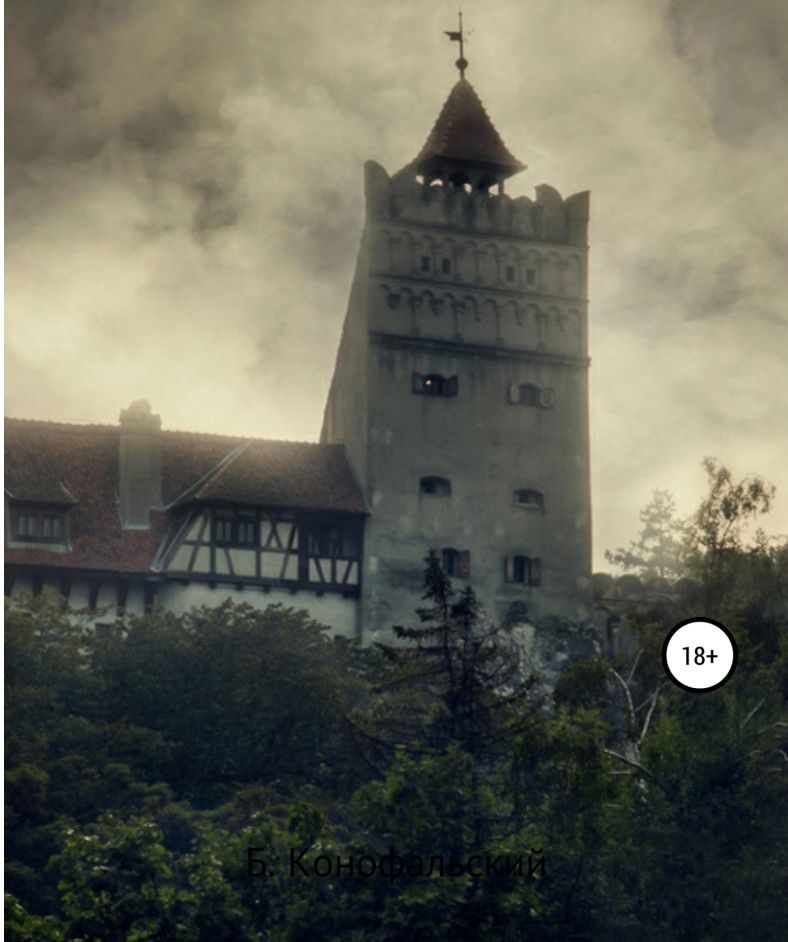

Инквизитор

18+

Б. Конофальский

Борис Конофальский

Инквизитор

Серия «Путь инквизитора», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38976130

SelfPub; 2024

Аннотация

Классический рыцарский роман. Мрачная готика, мистика, детектив. Начало шестнадцатого века, средняя Германия. Отставной солдат возвращается домой после девятнадцати лет непрерывных воин. Он мечтает о тихой, мирной жизни, но, проезжая через владения одного феодала, получает предложение, от которого не может отказаться. Ему нужно навести порядок в феоде, а это сделать непросто, уж больно влиятельные и сильные люди и существа не заинтересованы в порядке. Но солдат волевой и смелый человек, ради награды он готов рисковать.

Борис Конофальский

Инквизитор

Инквизитор

Книга первая

Солдат

**«А коли доброму человеку не дано
достоинство по рождению,
так берёт он себе его железом».**

Жан Фруассар

Пролог

Солдат у епископа

**Я шёл домой в свой край родной,
Шатер, покинув братский,
И в старом ранце за спиной
Был весь мой скарб солдатский**

Р. Бёрнс

Монах делал вид, что молится. Его костлявые пальцы в оловянных перстнях перебирали четки. На самом деле он не

молился, он внимательно следил за солдатом. Густав Адольф фон Филленбург, епископ Вильбурга и Фринланда, приказал присмотреться к нему. Но присматриваться было не к чему. Солдат добрых полчаса стоял, не шевелясь, глядел в стену перед собой. Казалось, он может стоять так весь день. Но монах присматривался, как велел епископ, он знал, что это не простой солдат. Солдаты не носят шёлк, солдаты не носят мечи с золотом на эфесах, солдаты не носят сафьяновые кавалерийские сапоги до колен с дорогими шпорами. Если бы монах не знал, что это солдат, он бы принял его за благородного.

Слуги приносили блюда с жареной курицей и рисом, с черной кровяной колбасой, с белой ливерной. По зале распространился запах пряной, вкусной еды. Солдат даже не шелохнулся, не покосился на еду. Казалось, ничего не производит на него впечатления. Казалось, что он каждый день бывает в личных покоях епископа, каждый день ходит по желтым паркетам, прикасается к дорогой мебели, кладет руки на красные скатерти, видит образа в серебре, золотой крест и смотрит в огромные застекленные окна от потолка до пола. Солдат даже не обращал внимания на агрегат, стоящий в углу, из которого доносились разнообразные механические звуки и под которым качался маятник, он не глядел на удивительную вещь – на часы.

Монах еще раз отметил про себя, что если это и солдат, то

он весьма непрост. Если бы он был действительно простым солдатом, то он бы разглядывал залу с открытым ртом, ведь одно блюдо из серебра с курицей и рисом сопоставимо с годовым жалованием солдата.

На самом же деле все было не совсем так. Кое-что действительно произвело на солдата большое впечатление. И это были не часы, и не серебряная посуда. И то, и другое он видел уже не раз. Он даже ел с серебра. Мало того, он был грамотен и мог различать время, но вот такие окна... Да, окна произвели на него впечатление. В комнате было светло, как на улице. Ни свечи, ни лампы, ни факела не были нужны, и это было удивительно. Но он не проявлял удивления. Взглянул, оценил, отвернулся.

Тем временем слуги почти бесшумно приносили новые блюда: серый паштет, листья соленой капусты с фиолетовой мочёной морковью и яркими красными ягодами, пирог непонятно с чем, вино в великолепном стеклянном графине, судя по цвету, не местное. Они поставили посередине стола две тарелки, одну в другую. Солдат не понял для чего это. Рядом положили несколько ножей разных видов и вилки. Рядом поставили еще тарелку, но поменьше.

Солдат был голоден, но на эту еду он не рассчитывал. Он был почти уверен, что епископ никогда не пригласит его к столу. Хотя в его жизни бывало всякое. Он сидел за сто-

лом с благородными людьми, но уж точно не с епископом. Слуги принесли блюдо с рыбой, рыба была простой, речной. Еда простолюдинов. Монах встал у окна продолжая теревить четки. Стрелка на часах, казалось, замерла, а слуги носили и носили какие-то блюда на стол: соусы нескольких видов, резаный окорок, маринованный чеснок, два вида хлеба. Хлеб был горячий, только из печи. Когда они перестали носить, то встали у стены и замерли. Солдат понял, что скоро придет и сам епископ Густав. Так и случилось, вскоре он действительно появился. Шумно сопевший и шелестевший дорожными одеждами, грузный, в огромной широкополой шляпе стоимостью в целое состояние, он появился сразу, как только влетевший в залу лакей распахнул двери. Чопорная тишина и пустота мгновенно закончились. Епископ заполнил собой все пространство. В комнате появился хозяин. Он сразу сел за стол, а лакей снял шляпу с его головы. Монах встал за его спиной, сделал жест пальцами, и все слуги кроме одного покинули залу. Епископ осмотрел стол и только после этого взглянул на солдата.

– Это о тебе мне писал аббат Дерингхоффского монастыря?

– Надеюсь, что так, – отвечал солдат, поклонившись достаточно низко.

Епископ посмотрел на него внимательно. Про себя он делал вывод: «Из простых, но хочет выглядеть благородным». Солдат тоже смотрел на него внимательно и тоже делал вы-

воды.

«Попу за шестьдесят, жирный любитель излишеств, скорее всего тупой и капризный».

– Как тебя зовут? – Спросил епископ.

– Ярослав Волков, – ответил солдат.

– О, ты из этих... из восточных?

– Мой отец был с востока, а мать урожденная Руудсдорфа, господин.

Монах тут же подскочил к солдату и зашипел в ухо:

– Ты должен обращаться к епископу «монсеньор».

– А не схизмат ли ты? – Спросил епископ, указав вилкой на одно из блюд.

Слуга тут же кинулся накладывать еду из блюда в тарелку епископа.

– Нет, монсеньор, – ответил солдат. – Матушка привела меня в лоно истинной Церкви.

– Да благословлена будет мать твоя, спасшая тебя от ереси.

Солдат хотел ответить, но в этот момент один из слуг внес в залу большое блюдо с жареной свининой. Свинину только что сняли с огня. Большие куски свинины с салом, горячий жир, наполнили комнату дурманящим ароматом. Солдат невольно вздохнул. Епископ заметил это. Он стал выбирать себе куски мяса, обжигался, но вилкой не пользовался. Монах подошел к нему сзади и тихо произнес:

– Монсеньор, хочу вам напомнить, что доктор Фибер не

рекомендует вам есть больше одного куска.

– Я помню, – сухо ответил епископ, бросая себе в тарелку большой кусок горячего мяса, а чуть подумав, еще один.

– У вас будет изжога, – напомнил монах.

– Ну, так сделай мне воды с мелом, – сказал епископ, с хрустом разламывая свежайший хлеб.

– Я, конечно, сделаю, но вам нужно есть меньше жирного.

– Оставь меня в покое, слуга Люцифера, – рывкнул епископ и ударил рукой по столу так, что звякнули тарелки. – Вина мне кто-нибудь нальет?

«Ну, так и есть, капризный барин» – подумал солдат.

Монах обиженно поджал губы, стал перебирать четки. Слуга кинулся наливать епископу вино. Тот отпил полстакана сразу с не малым удовольствием.

– А как же ты стал солдатом? – Неожиданно спросил он и вцепился в кусок свинины зубами.

– Мой отец сгинул, – сказал солдат, чуть помолчав, и добавил: – Я остался с матерью и сестрами. У нас были долги, дом отец заложил.

– Понятно, отец заложил дом и сбежал.

– Это маловероятно, – ответил солдат.

– Маловероятно? Почему же?

– Он и его компаньоны собрали денег, снарядили корабль, чтобы ехать на восток за пушниной. Ни команды, ни купцов, ни корабля больше никто не видел. Скорее всего, их захватили телезские пираты или разбил шторм.

– Ты сказал «маловероятно», такие слова говорят грамотные, – произнёс епископ, жуя мясо и глядя на собеседника.

– Я обучен грамоте, монсеньор.

– С каких это пор в солдатах учат грамоте? У нас и монахи на три четверти неграмотны. У нас некоторые отцы Церкви, прости Господи, читают с трудом. А ты солдат и вдруг грамотный.

– Повезло, – коротко ответил солдат.

– Что это за везение такое? Поведай же.

– Я поступил на службу в роту лучников, в отряд графа фон Крюнендорфа. В сражении при Сен-Сьене был ранен, рейтары де Брюиза сначала растоптали ландскнехтов, а затем и нас... Меня там ранили.

– Погоди-ка, погоди, Сен-Сьен, Сен-Сьен... – Наморщился епископ. – А где это?

– На левом берегу Марты, южнее Бернандина.

– Святой крест, а когда же это было?

Солдат неожиданно для себя понял, что это вовсе не простая беседа.

– Семнадцать. – Он на секунду задумался. – Нет, шестнадцать лет назад.

– Вот оно как, – он внимательно смотрел на солдата, потом снова увлекся рыбой. – Значит, ты пошел служить, а сколько лет тебе было?

– Нас выгнали из дома, когда мне было четырнадцать, мать пошла в корчму, убирать и помогать готовить. За это

хозяин разрешил ей и моим двум сестрам жить в конюшне. Мне там места не было, и я узнал, что фон Крюенендорф собирает людей. Деньги, которые он предлагал, показались мне огромными. Я был уверен, что за пять лет службы смогу купить матери дом.

– И что, купил?

– У меня до сих пор нет дома.

– Ну, ладно, что там с рейтарами де Брюиза, которые тебя немного поломали? И кто же тебя грамоте обучил?

– Читать меня еще отец научил, а все остальное сам. Ранение было тяжелым, я валялся в телеге целую неделю с другими ранеными. У меня была сломана ключица, рука и ребра. Все с левой стороны. Через неделю начал ходить, один единственный из телеги. Все остальные умерли. Ходил с трудом, поэтому меня хотели выгнать из роты. Лейтенант Брюнхвальд взял меня к себе за один талер в полгода.

– Лакеям обычно платят больше, – заметил епископ.

– Нет, лакей у него был. Он взял меня вестовым, конюхом, чтецом и всем остальным, кем только можно.

– Помощником лакея, – заметил епископ. – А что, это за Брюнхвальд? Он не из Леерзиндских Брюнхвальдов?

– Скорее всего, из них, но его никто не называл «фоном». Думаю, он был из бастардов.

– Был? – Епископ на секунду перестал жевать.

– Да, был, через четыре года, при штурме Дрофера его убил арбалетчик. Болт пробил кирасу, вошел в грудь на па-

лец, прямо в сердце. Он умер у меня на руках.

– А ты остался без хозяина?

– Да, но к тому времени я уже умел читать, считать и писать. Знал кое-какие законы. Последний год я вел всю его переписку и писал все его приказы. А он только прикладывал свой перстень.

– Так ты стал его писарем?

– Не совсем, что бы писарем. Лейтенант был бесшабашной храбрости человек. И вечно лез в самую кашу. А мне, к сожалению, приходилось следовать сразу за ним. Так что в палатке я был его писарем, а в бою оруженосцем. Таскал щит и алебарду.

Епископ, видимо, наелся, он лениво ковырял ложкой взбитые сливки с ягодами. Теперь он не казался солдату истеричным барином. Солдат видел, что перед ним сидит тонкий интриган, мастер политики, обмана и лукавства.

– И куда же ты пошел после смерти Брюнхвальда?

– Никуда не пошел. У Брюнхвальда был контракт с фон Крюенендорфом. Я так и остался у графа в полку. Он определил меня писарем в кавалерийскую роту.

– И как тебе было в кавалерийской роте?

– Весело. Они там все воровали.

– Воровали? И что ж они воровали?

– Все, что только можно. Лошадей ставят на выпас, а фураж списывают. Коновалов вызывали каждый день. Как будто половина лошадей в роте больны.

– А они не болели?

– Конечно, болели, но не так часто, как приходили коновалы, не так часто, как это оплачивал граф.

– Ха-ха-ха-ха, – засмеялся епископ. – Воровали! Какая прелесть!

– Прибавьте к этому перековку, которой не было, и ремонт сбруи, который был не нужен.

– Ты не только грамотный, ты еще и в лошадях разбираешься?

– У лейтенанта Брюнхвальда было четыре коня. У меня пятый. Четыре года ими занимался я.

– И что ж было дальше, ты пошел к графу и сказал, что его обворовывают?

– Нет, граф сам догадывался, а я не стал это отрицать.

– И что было дальше?

– В этот вечер меня пытались зарезать.

– Ах-ха-ха-ха, – снова засмеялся епископ. – Какая прелесть, люди не меняются, *hoc est verum*.

– *Malum consilium*, для нападавших, – произнес солдат, – к тому времени я уже многому научился у лейтенанта Брюнхвальда за четыре года непрерывных сражений.

Епископ перестал жевать, отложил ложку. Он едва мог скрыть удивление.

– *Scitis lingua patrum nostrorum?* – Спросил он.

– *In mensura facultatem*, – ответил солдат.

Епископ обернулся к монаху:

– Что скажешь?

– Скажу, что в этой фразе «in» не употребляется, достаточно просто сказать «mensura facultatem»

– Да не это я имел ввиду, – епископ махнул на монаха рукой. – Скажи, друг мой, а кто же тебя обучил языку знаний? Опять сам?

– Нет, монсеньор, на этот раз учитель был. Это был монах фелинганского монастыря. Фон Бок в очередной раз не заплатил своим наемникам, они начали грабить на востоке от озера Фелинга, хотели разграбить сам город Фелинга, но там все было разграблено до них. И тут им попался монастырь. Вынесли все ценное, а монастырь подожгли, мы выбили их оттуда, и из огня удалось спасти четыре сотни книг. Барон забрал их себе. Приказал мне их продать. Но в тех местах людей с деньгами не было. Мы возили их с собой. А за нами увязался один монах, брат Сульвио. Он все время ныл и просил их вернуть, бубнил, что это большая ценность. Я захотел узнать, что же в них такого ценного. А три четверти этих книг были написаны на языке древних. Брат Сульвио сначала читал мне их по ночам, а потом стал учить меня этому языку. За год я стал читать сам.

Епископ помолчал и произнес:

– Аббат писал мне, что ты редкий человек. Вижу, что он не ошибся, – он опять помолчал, а потом предложил, указав на стол. – Хочешь что-либо поесть? Присаживайся.

Сам епископ встал:

– Бери, что хочешь.

Солдат не шелохнулся. Он не ел со вчерашнего дня, но сесть за стол после того как из-за него встал хозяин, значило признать себя слугой или лакеем.

– Благодарю вас, – сухо ответил солдат. – Я не голоден.

– Ну, как знаешь, – также сухо произнес епископ. – А почему же ты ушел из своей профессии?

– Ну, мне показалось, что я уже исчерпал всю удачу, отпущенную мне. Почти двадцать лет мне везло. Везение не может быть бесконечным.

– А как ты об этом узнал? – Епископ подошел к окну. Он не смотрел на солдата.

– При штурме Эшре. Наш командир, герцог де Приньи...

– Молодой герцог? Герцог Альбер? – Перебив солдата, спросил епископ.

– Именно, герцог Альбер, его отец, к которому я нанимался, уже год как умер, решил похвастаться своей гвардией перед дружками, сановными особами и сказал, что сам с нами первый войдет в пролом

– А ты был в его гвардии?

– Я был правофланговый корпорал гвардии, охрана штандарта Его Высочества Биофра, графа де Фрэ, графа де Ганши, герцога Альбера де Приньи, его глашатаем и чтецом его приказов.

– Поэтому ты отказался от моего стола? – Спросил епископ. – Ты сидел за столом с герцогом и рассчитывал, что

тебя пригласит за стол епископ?

Солдат едва заметно поклонился.

– Ладно, – епископ снова уставился в окно. – Так почему ты ушел из армии герцога? Молодой герцог был болван?

– Вы не далеки от истины. Герцог вошел в пролом первым и первым получил удар копья. Затем полдня мы занимались тем, что пытались вытащить его из города, а горожане занимались тем, что пытались его зарезать. Ближе к вечеру я тоже получил удар копья в ногу. В результате сей блестящей атаки из ста семидесяти двух гвардейцев осталось пять десятков. Два десятка убитых, остальные ранены.

– То есть молодой герцог тебя не впечатлил?

– Юнец, ищущий славы, худший командир из всех, какие могут быть.

– Значит, это был твой последний штурм?

– Да, если еще учесть, что беарийский арбалетчик со стены вклепил мне болт прямо в шлем.

– Он ранил тебя?

– Нет, болт порезал кожу на виске, застрял между головой и шлемом, но уже в этот день я понял, что мое везение заканчивается, и что пора заканчивать с этим ремеслом.

– Тем не менее, ты прекрасно выглядишь после стольких лет в армии.

– Non sine fortuna, – ответил солдат.

Епископ усмехнулся и посмотрел на монаха, а тот скептически поджал губы.

– Tu quoque severus, он ведь просто солдат, а не ученый.
Монах промолчал.

– Хорошо, а у кого же ты еще служил?

– У фон Бока два года, у фон Рюгенталья. Полгода мне платил курфюрст Ренбау, пока его не разгромили у Мюлле. Вот, в общем-то, и все мои командиры.

– Ну, хорошо, – епископ помолчал, подумал, – А что ж ты совершил такого удивительного для барона фон Рютте?

– Ну, я, – начал солдат, – помог ему навести порядок в его земле.

– Секундочку, – перебил его епископ. Епископ подошел к столу и налил вина в два бокала. Один предложил солдату, а из второго отпил сам. – Что за дрянь? Вино мне возят все хуже и хуже.

Солдат отпил и решил, что вино вполне себе приличное.

– О чем мы говорили? – Спросил епископ.

– О бароне фон Рютте.

– Ну и что именно ты сделал для барона?

– А разве аббат вам не написал?

– Аббат мне пишет едва ли не каждый день. Мало ли что, но мне написал. Он написал, что барон очень щедро наградил тебя. И как щедро?

– Вполне, – скромно сказал солдат.

– И сколько же он тебе обещал за работу твою?

– Семь цехинов.

– Семь цехинов? – Епископ Густав поднял брови.

– Именно.

– Семь цехинов! А знаешь ли ты, сколько местные бароны собирают со своих земель в год?

– Не имею представления.

– А я имею! Местные бароны в год собирают 15-20 цехинов в урожай, и это зажиточные бароны. Большинство едва собирает десять. Так вот мне интересно, что же ты за подвиг совершил, что прижимистый Рютте отдал тебе половину своего дохода?

– Мне он не показался прижимистым.

– Тебе не показался, а я его знаю с детства. Я вместе с ним рос. Он всегда был тупым, спесивым и драчливым, а когда вырос, то стал еще и жадным. С мужика дерет последнее, за дочь приданое дает смехотворное. Сына, наследника, держал в черном теле, сыну едва удалось у него коня выклянчить. Так что давай, рассказывай, за что жадный Рютте дал тебе гору золота.

– Монсеньор, это долгая история.

– Долгая история, говоришь? До воскресной мессы я свободен, – епископ подошел и уселся в кресле. Слуга принес ему две подушки, а под ноги поставил скамеечку.

– Ну, рассказывай, – сказал епископ. – За что барон заплатил тебе семь цехинов?

Глава первая

Путник

**И слово шло за словом,
И распря их росла,
Сначала брались за кубки,
Потом за железо взялись.
Наутро не все протрезвели,
Рассвет осветил мертвецов,
Что из битв выходили живыми
И пали от глупых слов.**

**Бургундская баллада
Аноним XIII век.**

– А где мост? – Спросил солдат.

– Так нету, – ответил мужик вежливо и с недоумением,
мол: «Что ж вы господин не видите, что моста нет?».

– Был. Я три года назад здесь проезжал.

– Так был. Да, был. Только вот дожди с февраля месяца
как пошли, так и идут. А в апреле его и смыло. И севернее
мост тоже смыло.

– А лодка где-нибудь тут есть?

– А как же! Есть лодка, есть. У местного мельника. Только
маленькая она, вас перевезет, а коня не перевезет.

Солдат посмотрел в воду. Течение было очень быстрым.
Переплыть с конем было нереально.

– И мост строить никто не собирается?

– Никто не собирается, – заверил мужик. Он связывал
мокрый хворост в пучок. – А кому собираться? Старый граф
еще зимой помер. Да, схоронили. А молодому графу не до

этого.

– Воюет?

– Не-е, поскудствует... празднует, гуляет.

– Понятно, – солдат немного помолчал, – а там, за рекой, какой-то город был.

– Почему был? Есть. Байренгоф. Стоит город, стоит. Только вам туда ехать не надо.

– А что?

– А чума там.

– Чума?

– Ага, мрут людишки, пол города осталось от бывшего.

– Не уж-то столько померло?

– Кто помер, кто разбежался. Язва – одно слово.

– Язва – это беда, – согласился солдат.

– Язва – это полбеда.

– А что ж еще?

– Дезертиры.

– Вот как?

– Ага, ага, лютуют. Мы на тот берег даже не суеться. И хорошо, что мосты паводком смыло, и вы, господин, подумайте хорошенько, прежде чем туда лезть. А вам куда нужно?

– В Лютцхоф.

– В Лютцхоф? – Мужик задумался. – Это я не знаю, где такое.

– А что ж дезертиров никто не ловит?

– Я ж вам говорю, старый граф помер, а молодому только

пятнадцать годов, не до того ему.

– Ясно, а всё-таки, как мне попасть на тот берег?

– Три мили вверх по реке пороги. Вода там быстрая, но конь у вас добрый, пройдет. Только вот убьют вас там.

– Думаешь?

– Ага, думаю. Обязательно убьют. Меч у вас дорогой, конь у вас дорогой, что ж не убить-то? Там и за простого мужицкого конька убивают. А за вашего красавца и подавно убьют. Да что там конь, за один ваш плащ с мехом убьют, или за сапоги.

– Какие мрачные перспективы.

– Чего? – Не понял мужик.

– Ничего, – ответил солдат. – Страшно, но мне нужно в Лютцоф. Придется ехать.

– Ну, храни вас Бог.

– И тебя, друг.

Дождь, дождь, дождь. Некогда мелкая река – полноводна. Даже на порогах вода доходила коню почти до брюха. Медленно, с трудом, солдат перебрался на другой берег и повернул на север. В чумной город резона ехать не было и, тем более, не было резона встречаться с дезертирами. Уж кто-кто, а солдат прекрасно знал, что из себя представляют эти парни. Дорога сразу за рекой ушла в лес. Стена леса справа, стена леса слева, а сама дорога больше походила на обмелевшее русло небольшой реки. И дождь.

Добрый плащ, который он захватил как-то после одного небольшого сражения в обозе побежденных, полностью промок. С капюшона за шиворот то и дело скатывались капли. Спина и плечи стали зябнуть, рука – старая его боль – начала ныть. Но ни крова, ни тепла даже не предвиделось.

– Эх, найти бы хоть что-нибудь дотемна, – сам себе сказал солдат.

Ему очень не хотелось ночевать в мокром лесу. Совсем не хотелось.

– Тут можно сгинуть, брат, – сказал он коню. – Исчезнуть, как будто и не было. Два, три дезертира с арбалетом – и все. Даже костей не найдут. Да и кто искать-то будет?

Конь не отвечал, шел шагом спокойным.

– Всякое мы повидали, а такой глуши не видели, сколько уже едем, и ни единого человека, ни дома, ни следов от копыт или колес, ни кострищ, одни лужи.

А день потихоньку полз к закату. Настроение портилось, а тут вдруг конь тихонько всхрапнул. Солдат сразу осадил его и остановился.

– Ну, чего ты? Что почуял?

Конь покорно стоял, шевеля ушами. Солдат послушал, взгляделся вдаль, даже на секунду стянул с головы мокрый капюшон – ничего, только мокрый лес и дождь. Солдат пустил коня шагом вперед. Он знал, что конь просто так храпеть не будет, это был добрый боевой конь. И тут до солдата долетел едва уловимый запах. Это был дым, тяжелый дым от

сырых дров. Где-то неподалеку были люди. Только что это были за люди? Солдат решил не спешить, и, не смотря на непрекращающийся дождь, капюшон не надевал. В нем было плохо слышно. Проехав еще немного, он уже не сомневался, что кто-то хотел согреться в этом сыром лесу. А еще он почувствовал сладковатый и тошнотворный запах. Запах войны. Этот запах ничего хорошего не сулил. Поэтому солдат снял с луки седла шлем с подшлемником, надел его, затем вытащил меч и опустил его вниз, к ноге, под плащ. Он похлопал коня по шее и тихо сказал:

– Поехали тихонечко, и не вздумай храпеть. Если что, вернемся к порогам.

Но проехав немного и приглядевшись, он понял, что возвращаться не придется. На развилке дороги стояла виселица с двумя повешенными, а в десяти шагах от нее дымил костер. У костра сидело два солдата. Нанизав на палки большие морковки, они их жарили. Именно этот запах, сладкий запах жареной моркови солдат перепутал с запахом разлагающихся трупов. Рядом, на треноге из палок, висел щит с гербом. Белое поле из верхнего угла в нижний – широкая голубая полоса. На полосе черная орлиная лапа. Солдат помнил сотню гербов и еще пару сотен мог узнать, но этого герба он никогда не видел. Герб успокоил его. Герб – это всегда порядок. Не останавливая коня, он вложил меч в ножны и снял шлем. Солдат был уверен, что перед ним не дезертиры, не мародёры. Ни те, ни другие никогда не будут носить чьих-либо гер-

бов. Он двинулся к ним. Увидев его, люди вскочили с земли, похватали копья, надели шлемы и двинулись к нему. Это были простые, не молодые уже стражники какого-нибудь мелкого дворянина в поношенных, засаленных стеганках и старых сапогах. Шлемы и наконечники копий они давно не чистили.

– Стой, дальше хода нет, – сурово сказал один из них. Он был повыше и, наверное, поэтому был старшим. – Именем барона фон Рютте, я запрещаю вам ехать дальше.

– Это почему еще? – Спросил солдат.

– Далее земли барона фон Рютте, и он велел никого не пускать.

– А ты знаешь, что говорит дорожное уложение Фердинанда Святого о прохождении через владения?

– Нет, – честно признался стражник.

– А сказано там так: «А кто препятствовать будет проходу через земли свои купцу, монаху или другому доброму человеку или требовать мзду за проход через земли свои у купца, монаха или другого доброго человека – того считать разбойником, не смотря на титул». У тебя есть титул?

– Нет у меня никакого титула, и про уложения я ничего не знаю. Только вот с юга чумные сюда прут, да дезертиры. Вон, – он кивнул на виселицу. – Эти тоже без разрешения пройти хотели.

– Так это ты их повесил?

– Коннетабль приказал, мы повесили.

– Не похожи они на дезертиров. Обыкновенные мужики.

– Не знаю, мы их схватили, приехал коннетабль и приказал повесить для наглядности. Мы и повесили.

– Суровый у вас коннетабль.

– Суровый, так что мы вас не пустим.

– Неужели? – Солдат посмотрел на него пристально. Перед ним встала дилемма: повздорить с местным бароном, либо в ночь возвращаться к реке.

– Ну уж нет, – сказал он, – извини, брат-солдат.

Быстрым движением он схватил копьё ближайшего, а каблуком сапога ударил его точно в лоб. Тот выпустил копьё и плашмя упал в мокрую траву, а солдат ловко перевернул копьё древком вверх и с размаху врезал им по шлему второго стражника так, что аж древко треснуло. Второй охнул и сел рядом со своим старшим.

– Поеду, посмотрю на вашего коннетабля, – сказал он, отбрасывая сломанное копьё в сторону и прищпоривая коня.

– Мы ему обо всем доложим, – заорал вслед старший солдат.

Лес плавно превращался в болото, а дорога в неглубокую канаву. Умный конь не хотел идти в воду, аккуратно шел по обочине, и вскоре лес совсем закончился, и за болотом, в серой дымке мелкого дождя, появилось поселение. А еще дальше за ним он разглядел почти размытый сливающийся с серым небом замок. «Может, зря я отлупил олухов этого ба-

рона, — подумал солдат, — барон может взбеситься, а с другой стороны, что мне еще оставалось делать, не возвращаться же, в самом деле, к порогам. Надо проскочить быстренько его земли, переночевать где-нибудь в тихом месте у любого мужика, отогреться, высушиться, а на рассвете ехать дальше». Но он понимал, что такое вряд ли возможно. В таких забытых Богом медвежьих углах даже торговец нитками будет событием.

У околицы деревни пара тощих коров грызли какой-то кустарник. Ветер доносил запах дыма, навоза, квашеной капусты. Дома — убогие хибары. Много заброшенных, как и везде. Провалившиеся крыши, падающие заборы, пустые окна, дома без людей, как и везде. В одном из дворов солдат увидел босого мужика, тот деревянными вилами ворошил гнилое сено у забора. Занятие его было бессмысленным, но мужик старался. Еще не старый, широкоплечий, с крепкими руками и усталым лицом.

— Эй, — окликнул его солдат. — У тебя переночевать можно? Я дам тебе крейцер.

— У меня? — Удивился мужик. — У меня негде, господин. У меня шестеро детей, и скотину я дома держу. Вы не выспитесь.

— Скотину дома? Летом?

— Дожди, господин, скотина болеет. Держу дома, чтобы хоть чуть отогрелась.

— Как называется ваша деревня?

– Малое Рютте, господин.

– Рютте, ну конечно, – произнес солдат. – Я смотрю, у вас даже кирхи нет.

– У нас нет, а в Верхней Рютте есть. Там и кирха есть, и коновал, и кузнец. А у нас только харчевня для поденщиков, да для прочей голытьбы.

– Ясно, – сказал солдат. – А Верхняя Рютте там? – Солдат указал в сторону замка.

– Ага, – кивнул мужик. – В миле от замка.

– Ясно.

Он тронул коня и поехал по деревенской дороге.

– Господин, – кричал мужик, выбегая со двора на улицу. – Так ежели соизволите, я освобожу вам лавку у очага, а скотину загоню на ночь в хлев. – Солдат не ответил и продолжал ехать дальше. – Всего за пол крейцера, – кричал мужик вслед.

Лужи, ветхие заборы, кривые хибары, почти безлюдная улица закончилась площадью, главной постройкой которой было большое приземистое бревенчатое здание. Перед которым, вокруг огромной лужи, толпился народ. Там была пара телег, на которых сидели бабы и дети. Они мокли под дождем, но не уходили. Чего-то ждали. Солдат сразу заметил два наконечника копья над головами людей. Вздохнул. Он сразу понял, что тихонько проскользнуть и найти неприметный теплый ночлег ему не удастся.

Так и получилось. Расталкивая простолюдинов, из толпы

вышел человек в добротных, отлично вычищенных доспехах. У него не было ни плюмажа, ни цветов местного барона, ни герба, но манера себя вести выдавала в нем главного. Он уверенно направился к солдату и за несколько шагов до него заговорил:

– Сударь, мне нужна ваша помощь.

Это был совсем мальчишка лет шестнадцати.

– Я надеюсь на ваше благородство и понимание. – Продолжил он, подходя ближе.

– Чем я могу вам помочь? – Сухо спросил солдат.

– Меня зовут Хельмут Рутт, я коннетабль барона фон Рютте. Прошу у вас рыцарского одолжения.

– Меня зовут Яро Фолькоф.

– Как? – Переспросил мальчишка.

– Яро Фолькоф, – повторил солдат. – И я не рыцарь.

– Вот как? – Тон мальчишки сразу изменился. – Тогда почему ты разговариваешь со мной, сидя на лошади, когда я стою перед тобой пеший? Ты ведь не граф, не курфюрст и не князь церкви.

Солдат молча слез с коня, потянулся, размял ноги и спросил:

– Что вам нужно?

Мальчишка, бесцеремонно разглядывая его, вопроса не слышал.

– Если ты не рыцарь, то откуда у тебя такой меч, – коннетабль ткнул пальцем в эфес меча солдата. – Откуда такой

конь, откуда такой шлем?

– Этот меч мне подарил герцог Биофр де Приньи, за то, что я вытащил его из свалки в сражении у озера Боло, и тем самым спас его от плена или от смерти. А коня мне выдали по штатному расписанию в гвардии его сына, герцога Альбер де Приньи.

Коннетабль молчал, выпучив глаза. Все сказанное солдатом произвело на него огромное впечатление. Он был совсем мальчишкой.

– Ещё вопросы у вас есть, или я могу ехать?

– У озера Боло... У озера Боло вы дрались со свеями?

– Да.

– Я слышал, свеи непобедимы.

– У озера Боло они были разбиты.

– Так вы гвардеец?

– Да, я был правофланговый карпорал, охрана штандарта и глашатай Его Высочества Биофра, графа Де Фре, глава Де Ганши, герцога Де Приньи и потом его сына Альбера да Приньи.

– Вы, наверное, были во многих сражениях и битвах? – Спросил мальчишка с придыханием и благоговением.

– Сражений и битв в моей жизни было больше, чем мне хотелось бы. – Сухо ответил солдат. – Мне не хотелось бы отнимать время у столь занятой особы. Поэтому я, наверное, поеду. Если у вас, конечно, больше нет вопросов.

– Вопросов у меня к вам тысяча, но я хочу задать вам их

после дела. Я прошу вас быть моим гостем. Но сначала нам нужно будет уладить один вопрос. И, надеюсь, вы мне с ним поможете.

– Господин коннетабль... – Начал было солдат.

– Дело пустячное, – сказал коннетабль, но по тону было ясно, что он так не думает. Тон был почти умоляющий. – Три дезертира буйствуют в харчевне, второй день пьянствуют. Имеют дочку трактирщика и ещё одну бабёнку. Замужнюю, – мальчишка посмеялся, но солдат почувствовал фальшь в этом смехе. – Мужики волнуются, а я не могу допустить, чтобы мужики волновались, барон будет недоволен.

– Друг мой, я после ранения, я еще плохо хожу, – отвечал солдат. – Из меня не бог весть какой помощник. Так что, извините, но ...

Коннетабль схватил его за руку, заглянул в глаза, он был совсем мальчишкой, он произнес:

– Я дам вам денег.

– Денег? – Солдат удивился.

– Что, думаете, у меня нет? У меня есть деньги.

– Да дело не в деньгах. Я...

– У меня есть марка.

– Марка?

– Имперская марка, я вам ее отдам, если вы мне поможете. Давайте отойдем, за лошадь встанем.

Видимо, он не хотел, чтобы его люди и деревенские мужики это видели. Отойдя за коня, коннетабль сунул руку под

кирасу и достал кошель. Там была всего одна монета. Крупная, толстая, черная от старости, серебряная имперская марка.

– Вот, держите, – он сунул ее солдату в ладонь.

– То есть, за то, чтобы скрутить трех дезертиров вы готовы заплатить кучу серебра? – Спросил солдат.

– Да, – просто ответил коннетабль и так посмотрел на солдата, что тому стало его жалко. Это был не суровый коннетабль, опора лендлорда, закон феода, это был испуганный мальчишка, которому нужно решать взрослую задачу.

– Ладно, – сухо произнес солдат. – Я вам помогу, только давайте без вранья. Что за люди в харчевне?

– Не знаю, – ответил мальчишка. – Я их не видел, но у них хорошие лошади.

– Вот как? Дезертиры на хороших лошадях. И сколько же их?

– В конюшне четыре лошади.

– Вы же сказали, что дезертиров трое?

Мальчишка не ответил.

– Ладно, пойдемте, посмотрим.

Коннетабль чуть ли не подпрыгнул от радости и пошел впереди него, звякая доспехами. И еще издали крикнул двум своим людям:

– Воины, этот рыцарь нам поможет!

Люди коннетабля заметно подтянулись, а народ, особенно дети, загалдели.

– Вон оно как, рыцарь! Настоящий!

Солдат поморщился, ему все это не нравилось, он с коннетаблем дошел до конюшни, а в конюшне ему стало нравиться еще меньше.

– Это их лошади? – Солдат указал на лошадей.

– Они, – ответил коннетабль.

– Послушайте, коннетабль, а вы знаете, что любая из этих лошадей стоит дороже этой вашей харчевни? Берите этих лошадей, отгоните их в замок, барон вам только спасибо скажет. И пусть они потом эту харчевню хоть сожгут.

– Я боюсь, что они сожгут всю деревню, – ответил коннетабль.

– Ну, так заколотите дверь сами и подожгите ее.

– Нельзя, – мальчишка стал еще печальнее. – Там две молодые женщины. Мужики меня возненавидят.

– О, так вы волнуетесь о женщинах? А на южной дороге вы приказали повесить двух мужиков, за просто так.

– Так они же чумные. Пришли из чумных мест.

– А, чумные, тогда понятно.

– Мне барон приказал вешать всех, кто придет с той стороны, ну вот я...

– Да понятно, – прервал его солдат. – Вы мне вот, что скажите, вы видели этих, – он кивнул на лошадей, – их хозяев.

– Угу, – кивнул молодой человек.

– И что, страшные?

– Угу.

– Ясно.

– Ну, так что, поможете? – Почти жалобно спросил коннетабль.

– Видите эти кольца на уздечке? – Солдат подошел к лошади, ткнул пальцем в уздечку.

– Да, – ответил коннетабль.

– Это кольца для украшений, сюда вставляют ленты, так ламбрийцы украшают своих коней перед боем. В эти кольца они вставляют ленты цвета своего полка.

– Ламбрийцы? – Упавшим голосом спросил коннетабль.

– Да, ламбрийцы, знаете, кто это?

– Наемники.

– Самые дорогие и самые лучшие наемники на свете. Их там четверо?

– Да, я видел четверых, когда они въезжали в деревню.

– И нас четверо. Если, конечно, считать двух ваших стражников. У хибары два окна, судя по всему. У каждого поставим по человеку. Хибару подожжем, если, конечно, будет гореть. Мы с вами встанем у входа и будем рубить, всех кто выскочит.

– Но...

– Да помню я, там женщины, поэтому драться с ними мы не будем, а будем их уговаривать отпустить баб. Согласны?

– Согласен. – Кивнул юный коннетабль

– И не вздумайте их чем-нибудь спровоцировать. Если мы их взбесим, они убьют нас всех. И людям своим скажите,

чтобы не лезли на рожон.

– Не полезут, – кивнул коннетабль.

– А вот когда отпустят баб – будем думать, что делать дальше.

– Хорошо.

Они вышли из конюшни на улицу. Солдат снял тяжелый от воды плащ, и кинул его на седло. На секунду задумался и вытащил из огромного холщового мешка кирасу. Бригантину решил не брать. Решил, что в кирасе будет спокойнее. Так же он стал доставать из мешка наплечники и наголенники. Стал одеваться. Коннетабль не постеснялся выступить в роли оруженосца. С креплением лат он был хорошо знаком. Когда с застежками и ремнями было покончено солдат надел подшлемник. Коннетабль протянул ему шлем.

– Нет, сначала горжет.

– Вы и горжет будете надевать?

– Буду, – ответил солдат, надевая горжет. – Десять лет назад мой друг перед заступлением в дозор, где мы обычно спали, поленился надеть горжет, а еретики сделали вылазку. Вылазка была пустяшной, они просто проверяли, на месте ли мы, и драки почти не было, но был один удар копья, всего один.

– И вашему другу копьё попало в горло?

– Нет, копьё попало в наплечник и сломалось, а вот щепка от копья попала ему в горло, небольшая щепка, в мизинец толщиной, вошла в горло, а вышла из-под уха. Мы позвали

лекаря, и он вытащил щепку, но моего друга пришлось положить на живот, так как из горла все время шла кровь, а ночью он умер, – солдат застегнул горжет, который закрыл горло и нижнюю челюсть, – а вот теперь шлем.

Он надел шлем, достал из мешка тяжелый топорик на короткой ручке, очень удобный в свалке, засунул его за пояс на спине, достал длинный стилет без гарды из ножен, засунул его в правый сапог, в специальный карман для ножа, топнул ногой, поправляя наголенник и сапог. Надел на левую руку легкий треугольный кавалерийский щит.

– Ну все, готов, – сказал солдат.

– Пойдемте? – Сказал коннетабль. Его едва заметно потрясывало от волнения.

– Нет, все-таки надену еще поножи.

– У-у, – только и смог произнести коннетабль, но добавлять ничего не стал, стал помогать застегивать поножи.

Когда все было готово, солдат спросил:

– Ну, где ваши люди?

– Там, – указал рукой в сторону телеги, стоявшей почти в луже, возле которой толпились люди.

– Эй, ты, – солдат указал в мужика пальцем. Это ты предлагал ночлег за крейцер?

– Я, господин, – оживился мужик подбегая.

– Тебя зовут Яков?

– Ёган, господин.

— Ну да, как же иначе, присмотри за моим конем и вещами. Если что-то пропадет, я отрублю тебе пальцы. Понял?

— Понял, ага-ага.

— Если меня убьют, в сумке на седле, бумага, там имена моей матери и моих сестер. Они живут в Руудсдорфе. Коня и снаряжение отдашь им. Себе за услуги возьмешь двадцатую часть. Двадцатая часть — это половина десятины. Понял?

— Нет, господин, не понял, — испуганно ответил крестьянин. Солдат его уже не слушал. Отворачиваясь от него, он крикнул:

— И не вздумай своровать хоть пфенниг. Коннетабль, пойдемте, где ваши люди?

— Эй, вы, — крикнул мальчишка, — ко мне.

Стражники, шлепая по грязи и лужам, подбежали. Это были не молодые уже мужики, прожившие жизнь с копьём в руке и со шлемом на голове. Усатые, худощавые, но крепкие.

— А почему вы без щитов? — Спросил солдат. — Где ваши щиты?

Те молча уставились на коннетабля. Коннетабль тоже молчал.

— Ладно, значит, оба встанете вторым рядом. Первым рядом встанем мы с коннетаблем. Ты за мной, а ты за коннетаблем. Сразу выставите копья вперед, только не суй мне его подмышку, возьми чуть правее, будешь сторожить меня справа, а ты коннетабля слева. Из-за нас не вылезать. Вперед не лезете, нам не мешаете, и колите при первой возможно-

сти. Если у них щиты, колите в ляжки и пах, про голову – забудьте. И смотрите по сторонам, среди них должен быть лучник, да, должен быть, хоть один. Солдаты опять косились на коннетабля, но тот молчал.

– Все ясно?

– Ясно, господин рыцарь, – отвечал один из бойцов.

– И не вздумайте бежать, увижу, кто побежит – сам убью.

– Значит, драка будет? – Спросил один из стражников.

– Я постараюсь этого избежать. Нам нужно забрать у них баб.

– Значит, будет драка, – произнес второй.

– Думаешь?

– Ну, а кто ж по пьяни баб отдаст?

– Посмотрим. Читайте молитву, кто знает, и пошли.

– Коннетабль, а сколько вы сможете собрать людей, если мы заберем у них женщин?

– В замке сержант и два человека, но барон их брать не позволил. Шестеро на заставах охраняют дороги.

Солдат остановился, коннетабль и его люди остановились тоже.

– Что с вами, коннетабль? Волнуетесь?

– Ну, я... не то, чтобы... нет, я готов сразиться.

– Это ваше первое дело?

– Ну, я пока что только конокрадов ловил, дезертиров отгонял, дебоширов из трактира в подвал сажал. А вот так... чтобы вот с такими... ну, это первый раз у меня.

– Да не волнуйтесь вы, я думаю, сегодняшний день мы переживем.

– Да?

– Да. Вежливо попросим вернуть баб. Вернут – мы уйдем. Не вернут – мы тоже уйдем. Пойдем собирать людей. И чем больше соберем, тем меньше у них будет охоты с нами драться. Ясно?

– Ясно, – сказал коннетабль.

– Ясно, – сказал один из людей коннетабля.

– Ну, тогда с Богом, – произнес Ярослав Волков и толкнул дверь в харчевню.

В харчевне было на удивление светло и тепло. В очаге горели дрова, абсолютно голая, простоволосая женщина, большой деревянной ложкой перемешивала что-то в большом котле на огне.

– Ой, – сказала она и присела на корточки, чтобы скрыть наготу.

Солдат осмотрелся, еще одна голая женщина лежала на полу между лавкой и столом. Над ней, за столом, сидел длинноволосый дезертир. Он был бос, и свои босые ноги поставил прямо на женщину. Еще один дезертир лежал на лавке у стены, а двое других уже стояли посреди харчевни. Один здоровенный детина так же был бос, и кроме штанов на нем был дубленый тулуп, обшитый синим атласом, вещь была дорогая, но детине явно не по размеру. Он на нем едва бы застег-

нулся. Дитина, словно хворостиной поигрывал вполне себе увесистой секирой. На втором была дорогая, двойной кожи подкольчужная рубаха, добрые сапоги, и он сжимал копье. На его левой руке у мизинца и безымянного пальца не хватало фаланг. У того, что сидел за столом, через всю левую часть лица шел шрам, а у здоровяка не было половины левого уха. Тот, что лежал на лавке, встал, потянулся, взял не спеша копье, и тоже вышел на середину

«Да, – подумал солдат, – народец резаный-рубленный, как бы коннетабль с его людьми не сбежали, глядя на них» – и произнес:

– Здравы будьте, братья-солдаты.

– И тебе, брат-солдат, здоровым быть. – Отвечал тот, кто был в кожаной рубахе с заметным южным акцентом.

– Вдоволь ли у вас хлеба, братья-солдаты? – Спросил Волков.

– Горек хлеб солдатский, – заговорил тот, что встал с лавки, у него была рассечена верхняя губа, и не было зуба, он пришепетывал. – Из крови и грязи хлеб солдатский и его у нас вдоволь.

Он тоже говорил с акцентом. У солдата сомнений не было, это были ламбрийские наёмники.

На этом церемониальная часть была закончена, и тот, что был в кожаной рубахе, спросил:

– А что это вы так долго под дождем стояли? Стеснялись зайти, а, брат-солдат?

– Не хотели вас тревожить, брат-солдат.

– А что за люди с тобой, брат-солдат? – В каждом слове ламбрийца помимо акцента слышалась едкая насмешка. – Один, кажется, балаганный арлекин и два церковных попрошайки. Зачем ты их сюда привел?

Сидевший за столом лохмач весело заржал, двое других ламбрийцев тоже засмеялись.

– Нет, брат-солдат, это люди барона, – ответил Волков. Он окончательно убедился, что шанса победить этих людей в бою у них не было. Несмотря на то, что они без доспехов, несмотря на то, что они чуть пьяны, они зарежут всех за минуту.

«Сначала коннетабль, который стоит, разинув рот и выпучив глаза, он и мечем взмахнуть не успеет. Затем один займется мной, а остальные быстренько зарежут двух деревенских вояк, а потом всё... Мне конец, – думал Волков, – надо отсюда убираться».

Подтверждая его мысли, щербатый зашел справа, с той стороны, где нет щита, и встал в трех шагах.

– А-а, так это люди барона, – произнес ламбриец в кожаной рубахе. – Что-то мало у барона людишек.

– Так это не все, – ответил Волков.

– Ах, не все? А ты, брат-солдат, случайно не коннетабль?

– Нет, коннетабль он, – кивнул Волков на мальчишку. – Знаете, братья-солдаты, мы, пожалуй, пойдем.

– Куда же вы? – Засмеялся ламбриец в коже.

– А как же бабы? Мы же хотели забрать у них баб. – Произнёс коннетабль.

– Бабы? – Переспросил Волков и прошептал тихо. – Черт с ними, с бабами. Самим бы живыми уйти.

И тут он услышал звук, который не мог перепутать ни с чем. Чик-чик-чик-щ-щ-ёлк. Он не видел, что делал за столом лохматый ламбриец, но он прекрасно знал. И он ему крикнул:

– Брат-солдат, а не арбалет ли ты там натягиваешь?

– А хоть и арбалет, – задорно ответил лохматый из-за стола.

– А зачем тебе, брат-солдат, арбалет?

– А зачем ты, брат-солдат, вошел сюда с обнаженным мечом? – Сразу спросил лохматый арбалетчик.

– Мы уже уходим, – ответил Волков.

– Да уже нет, теперь то обождите, – ответил «кожаный» сухо и коверкая слова.

– Успокойтесь, братья-солдаты, – произнес Волков. – Давайте разойдемся без крови. – Он оглядел ламбрийцев: ни тени улыбок, и хмеля как не бывало. Сосредоточенные, готовые. Волков понимал, что сейчас может все начаться, и сказал: – Оружие у всех острое. И один только Бог знает, кто выйдет отсюда живым.

– Мы тоже знаем. – Ответил ему здоровяк в тулупе на совсем плохом языке.

– Так кто из вас коннетабль? – Снова спросил кожаный.

– Я коннетабль, – ответил мальчишка храбро, – и мы пришли забрать наших женщин.

– Так, значит, это ты? – Кожаный был как будто удовлетворён.

И тут лохматый, что сидел за столом, тихо свистнул. Сразу после этого ламбриец в кожаной рубахе ударил древком копья в пол. И всё началось, завертелось, без слов и предупреждений. Тонко тенькнула тетива арбалета, болт глухо звякнул о шлем и вошел в него почти до оперенья. Волков даже не успел подумать, в кого попало, а мальчишка коннетабль, выронив меч, сложился и упал на колени, а потом ткнулся лицом в пол.

– Режем! – Рывкнул кожаный и двинулся на Волкова.

Все всегда складывается не так, как планировалось. Ну, почти всегда. Солдат вроде и приготовился к тому, что может произойти, но оказался совсем не готов. И вот, мальчишка коннетабль мертвый на полу, а щербатый ламбриец наносит удар справа, как раз туда, где нет щита. На секунду, на долю секунду растерялся Волков и думал только о том, выдержит ли кираса такой удар. И только когда закричал стражник барона, тот, что стоял за его спиной, он понял, что удар предназначался не ему. А дальше... Ну, а дальше все пошло как обычно. Сами собой включились рефлексy, выработанные годами бесконечных схваток, сражений и битв. И тут было все просто: тебя колют копьем – руби руки.

Щербатый не успел вытащить копье из оседающего страж-

ника барона, когда Волков без замаха быстрым секущим ударом разрубил ему левую руку. Он бы ее отрубил, не будь у щербатого под рубахой красивых наручей из кожи, украшенных бронзовыми накладками.

— А-а, — заорал щербатый, оставив копье и трупе стражника. Он отпрыгнул, схватил правой рукой почти отрубленную левую и повалился на пол, заливая его кровью. Теперь предводитель ламбрийцев, тот, что был в дорогой кожаной рубахе, стоял перед Волковым. Это был сильный опытный мужчина, проживший большую часть своей жизни на войне. Он умело сжимал копье и готов был нанести удар.

У того, кто вышел со щитом и мечом против копья, всегда будет возникать вопрос: куда копейщик нанесет удар в пах или в лицо? Холодные и спокойные глаза ламбрийца не выражали ничего кроме сосредоточенности и внимания. Он не спешил. Не наносил удары. А куда ему было спешить? Секунды идут, тетива арбалета натягивается, нужно просто подождать, пока щелкнет фиксатор, пока на ложе ляжет болт. Он это понимал, и Волков это понимал. Поэтому Волков сделал шаг и выпад. Ламбрийец легко парировал и тут же нанес удар. Волков просто кишками почувствовал, что удар придется в пах. Так и вышло. Волков щитом отвел удар, и наколенник копья звякнул о поножи. А меч солдата рассек воздух очень близко от лица и плеча копейщика. Снова пауза. Снова напряженное внимание обоих. Секунда. Две. Три. И вдруг отчетливо слышимый щелчок. Тетива натянута. Болт

уложен на ложе. Арбалетчик снова свистнул.

«Значит, свистом он сообщает о своей готовности, а кожаный сейчас даст добро на выстрел».

И тут же ламбриец в кожаной рубахе ударил копьем в пол. Волков сразу отпрянул назад. Он слышал, как тенькнула тетива, отправляя снаряд в его сторону. Он ждал, что снаряд мелькнет мимо него... и тут же получил сильный удар копья в лицо. Этот удар убил бы его на повал, разломил бы челюсть, прошел бы через горло и рассек бы позвоночник сразу под черепом, если бы не горжет, прикрывающий горло и нижнюю часть лица. Горжет выдержал удар, и наконецник копья звякнул, скользнув в сторону.

Рефлекторно, не целясь, Волков по-дурацки отмахнулся мечом в ответ. Это был не удар и не выпад. Он не рубил и не колол. Просто махнул и слегка, самым кончиком, достал лицо ламбрийца. Достал самым кончиком, не сильно. Но меч у Волкова всегда был заточен до состояния бритвы. Большинство его коллег считало это излишним, но он всегда точил и точил своё оружие. Чистил и точил. И теперь этот слабый, неточный взмах рассек лицо ламбрийца от скулы до нижней челюсти так, что через щеку можно было вставить в рот палец, а кровь из раны потекла ручейком, заливая дорожку, двойной кожи, красивую, подкольчужную рубаху. «Какие бы вы не были опытные и сильные, а доспехи-то надо было надеть», – думал Волков. И тут он снова услышал щелчок, снова тетива была натянута. Солдат буквально чувствовал, как

лохматый арбалетчик кладет болт на ложу. Он инстинктивно поднял щит повыше, чтобы прикрыть голову, а глава ламбрийцев выплюнул добрую порция крови и заорал на ламбрийском:

– *Да попади ты уже в него, дьявол тебя задержи!*

Волков снова сделал шаг назад и чуть подприсел, чтобы щит прикрывал как можно большую площадь тела, но арбалетчик попал в него, а не в щит. Болт звякнул о поножь и пробил его. И хоть и потерял силу, но вошел в бедро на палец. Волков практически не почувствовал боли, он сделал еще шаг назад и вовремя. Потому что ламбриец в коже нанес ему сильный удар копьем в грудь. Закрыть щитом он не успел. И не сделай он шаг назад, такой удар пробил бы кирасу. А так, наконечник просто толкнул его в грудь. Волков устоял, а ламбриец ударил его еще раз в пах. Этот удар Волков отбил щитом в сторону и сам сделал выпад. Ламбриец с трудом, но увернулся.

А в это время последний живой из людей барона был уже безоружен, здоровенный ламбриец в тулупе на голое тело сломал ему копье, как будто это была хворостина, сбил с головы шлем и теперь стражник без копья, в подшлемнике он просто висел на руке здоровяка, не давая тому сделать замах топором.

– Рыца-а-арь, подсобите! – Орал стражник. – А то сгину!

Здоровяк пытался высвободить оружие, мотал стражника как тряпку, стуча им о стены и опрокидывая лавки. Но

стражник вцепился в руку здоровяка, понимая, что тот сразу его убьет, как только высвободит.

– Рыцарь, подсобите!

– Держись! – Только и мог крикнуть солдат. Волков ничем не мог ему помочь. Он следил за кожаным и ожидал нового выстрела из арбалета. А кожаный начинал выдыхаться. Из, казалось бы, пустячной раны кровь текла и текла, заливая левую руку, плечо, грудь. Но ждать, пока он выдохнется совсем, было нельзя. Арбалетчик натягивал тетиву.

Не чувствуя боли, Волков двинулся на кожаного. Он знал, просто знал, что кожаный встретит его ударом в лицо. Так и вышло. Щитом Волков отвел копье в сторону, а сам рубанул наотмашь, справа налево низким выпадом. И попал, рассек ногу ламбрийца чуть выше колена.

– Стреляй! – Заорал тот, делая шаг назад. – Стреляй, разорви дьявол твою мамашу!

Волков не ждал, пока арбалетчик выстрелит, он снова сделал выпад, а ламбриец снова встретил его ударом копья. И солдат его пропустил, но удар уже был вялым и неточным, не то, что первые удары. Копье только звякнуло о кирасу. А вот Волков рубанул его от души. Снова просто секущий удар справа налево. К таким ударам опытные фехтовальщики относятся с презрением, называя его солдафонским. Но по раненому и не защищенному латами врагу то, что нужно. Меч рассек левую руку выше локтя.

– Стреляй! – Заорал ламбриец, роняя копье.

Волков закрыл голову щитом и присел. И в ту же секунду болт пробил щит и вышел на полпальца с внутренней стороны.

«Чертовски хороший арбалет» – подумал солдат.

И тут же сделав шаг к ламбрийцу, прямым уколом в грудь убил его. Быстро, коротко, прямо в сердце. А в это время здоровяк все-таки вырвал у стражника барона и руку с топором и с оттягом рубанул им бедолагу. Кровь брызнула на стену фонтаном. Стражник захрипел, обмяк и повалился на пол, а здоровяк рубанул еще раз, чтоб наверняка. И теперь они смотрели друг на друга. И оба все понимали. У человека с топором мало шансов победить человека с мечом и щитом, и почти нет шанса победить человека в доспехах. Но у человека с топором есть дружок с арбалетом, а у человека в доспехах дыра в ноге и полный сапог крови. А еще человек в доспехах должен повернуться к человеку с топором лицом, после чего его щит не сможет защитить его от арбалетчика. Все оставшиеся в живых в харчевни были опытными людьми. Все всё понимали. Секунды шли. Здоровяк восстанавливал дыхание. Арбалетчик снова натягивал тетиву, а кровь из раны в ноге текла в сапог Волкова, и ему надо было что-то делать.

В шлеме и подшлемнике плохо слышно, еще хуже слышно, если под шлем надеть горжет. Но щелчок замка арбалета Волков слышал прекрасно. Надо было что-то делать. И он сделал единственное, что мог. Перехватив меч в левую руку,

он выхватил из-за спины из-за пояса топор. И, вложившись в бросок, швырнул его в арбалетчика. Тот не ожидал ничего такого и закрылся от топора арбалетом. Арбалет выстрелил, и болт впился в потолочную стропилу. И тут же солдат заметил краем глаза движение. Он машинально поднял щит и получил страшный удар в него. Дорогой рыцарский трехслойный, клееный, оббитый толстенной кожей и окантованный медью щит треснул пополам. Такого в принципе не могло быть, но теперь это было два щита, связанных между собой кусками кожи и медного канта. Сразу пришла старая боль в левой ключице. Старинная, родная и привычная, с которой он не расставался долгие годы.

А здоровяк замахивался топором опять, держа топор двумя руками. Вряд ли какой шлем выдержал бы такой удар. И уж точно никакая голова.

Отклонив голову в сторону, Волков поднял над головой обломки щита и поддержал их рукой с мечом. Это все, что он успел сделать, прежде чем топор опустился на него. Часть силы удара щит и меч погасили, но даже после этого тяжелая железяка с треском опустилась на левое плечо кирасы. Волков аж присел от тяжести удара. Меч улетел за спину и звякнул о пол. «Вот теперь точно мне конец» – подумал он, приходя в себя и глядя, как верзила снова поднимает свой топор. Машинально, плохо слушающейся левой рукой, на которой все еще болтались обломки щита, он вцепился в правую руку ламбрийца, в которой тот зажимал топор, а правой рукой

попытался схватить его за горло. С таким же успехом можно было попытаться схватить за горло быка-трехлетка. А ламбриец левой рукой взял его за горжет, чуть приподнял и впечатал в стену. Он прижал его к стене, но не мог рубить топором. Поэтому своими железными пальцами он полез Волкову под шлем и не то хотел выдавить глаза, не то просто раздавить череп или заткнуть нос и рот. Сила этого человека была огромна. Волков буквально задыхался, его шлем слетел вместе с подшлемником, но ему не хватало воздуха. И перед глазами уже поплыли черные круги, из последних сил он держал правую руку здоровяка, своей левой, которой тот держал топор, а в голове пульсировала только одна мысль:

«Надо дотянуться до сапога. Надо дотянуться до сапога. Надо дотянуться до сапога. Это последний шанс».

Он согнул ногу в колене и нащупал стилет. Рукоять оружия привычно легла в руку. Он вытащил его из сапога и сразу же ударил здоровяка под левое ребро, снизу вверх, к сердцу. Каленая, заточенная, четырехгранная сталь вошла в тело без сопротивления, но ничего не произошло. Ламбриец продолжал его душить. Волков ударил еще раз. И еще. И еще. Его рука была уже залита кровью по локоть, и только тут здоровяк отпустил его и, обмякнув, завалился на пол. Волков отлип от стены и повалился на него. И тут же в то место, где он стоял, впился арбалетный болт. Ламбриец умер без стонов и криков. Раз и все. А Волков пытался отдышаться, лежа в обнимку с трупом здоровяка. Пытался отдышаться и

не мог. Он знал, что надо вставать, что уже возможно сейчас к нему идет арбалетчик. Он подойдет и просто выстрелит в лицо. Либо просто возьмет копье, топор или даже его собственный меч и зарежет его как ребенка. Но сил встать не было. Красное марево плыло перед глазами. Хотелось просто дышать, дышать, дышать. Но жить ему хотелось еще больше. С трудом перевернувшись на живот, он осмотрелся. Его меч лежал между лавкой и столом, и он не видел арбалетчика. Скорее всего, тот тоже его не видел. До меча тоже нужно было дотянуться. Вытащить топор из-под мертвого ламбрийца сейчас он не смог бы. И все, что у него было – это обломки щита и стилет. Стилет, конечно, вещь нужная, но лучше дотянуться до меча. И ту он услышал женский крик.

– Он тикает! – Кричала баба, та, что во время драки лежала около очага и подвывала от страха. Волков видел ее. – Вон он! – Она указывала пальцем.

Солдат поднял голову и посмотрел в ту сторону, в которую указывала баба. Он увидел зад и ноги человека, который вылезал в окно. Собрав последние силы, Волков встал, поднял меч, хромя и шатаясь, пошел к окну, но не успел. Арбалетчик вылез на улицу. Солдат огляделся. В харчевне были две одуревших от страха бабы, храпящий ламбриец с разрубленной рукой, валявшийся в луже крови и он. Все остальные были мертвы. Волков скинул обломки щита, взял умирающего ламбрийца за ногу и потащил к выходу. Таким и увидели его крестьяне, стоявшие на улице. Шатающегося от усталости,

залитого кровью с ног до головы и с болтом, торчащим из левой ноги. Он бросил умирающего ламбрийца около лужи и посмотрел на крестьян. Те смотрели на него с ужасом и осеняли себя святыми знаменьями.

Шел дождь.

И тут мальчишка, конопатый и грязный, стоявший у угла харчевни, звонко заорал:

— Рыцарь, господин рыцарь, вон дезертир, к пруду побежал.

Тут же загалдели другие мальчишки, и весь народ потянулся к углу харчевни.

— Бежит, собака, лови его!

Мужики кинулись за ним следом. Волков не побежал за ними, хромая он пошел к своему коню. Мужик, которому он приказал сторожить вещи, произнес:

— Глаз не отводил, все в целостности.

Солдат молча снял с седла мокрый плащ, кинул его мужику через плечо, скинул мешок с доспехами на траву, морщась от боли, залез в седло.

— Следи за вещами, — сказал он мужику и дал коню шпоры.

Ламбриец бежал по размокшей дороге, он был бос, а за ним неслись мальчишки, словно гончие, поднявшие кабана. Приближаться к нему побаивались, но не отставали ни на шаг. Мужики и бабы держались чуть поодаль. Волков обогнал их всех, догнал дезертира у пруда. Тот запыхался, устал, и остановился у воды, он улыбался.

– А ты лют, брат солдат, – произнес дезертир, улыбаясь. – Ох и лют.

Это был настоящий арбалетчик. Не высокий, жилистый, лохматый.

Арбалетчиков ненавидели все, особенно рыцари, рейтары и жандармы, да и ландскнехты, и пикинеры тоже. Уж больно смертоносны были их подлые болты, прилетающие неизвестно откуда и иногда пробивающие любую броню.

– Может, отпустишь меня? – Спросил арбалетчик.

– Пошли со мной, – сухо ответил Волков.

– Ага, чтобы твои мужики меня кольями забили? – Усмехнулся ламбриец.

– Тебя никто не тронет, я отведу тебя к барону, – сказал солдат.

– Ну да, хрен редьки то послаще будет, – засмеялся арбалетчик. – Твой барон меня повесит, а то и колесует за коннетабля. Не хочу ни висеть, ни на колесе кататься.

– Ну, так надо было погибнуть в бою, – ответил Волков.

– Надо было доспехи надеть, я этим дуракам говорил, а они смеялись. Досмеялись теперь, все мертвые лежат.

Начали подходить люди. Бабы стояли подальше, мужики ближе, а мальчишки так и вовсе лезли под коня.

– А ну-ка отошли все, – рявкнул Волков.

Мальчишки как воробы разлетелись в стороны.

– Ну, так что, сдаешься? – Спросил солдат.

– Да нет, конечно, – улыбаясь, ответил арбалетчик. – А ты

лют, брат-солдат, ну, прощай...

Он выхватил из рукава рубахи нож и кинулся на Волкова. Бабы завизжали. Волков просто выставил вперед меч, меч вошел в правую часть груди и вышел чуть ниже лопатки. Арбалетчик откинулся, выронил нож, попятился и плашмя упал рядом с водой на спину. Волков повернул коня и поехал к харчевне. Он не хотел смотреть, как умирает ламбриец, не было у него к нему никакой злости. Меч он в ножны не прятал, держал в руке и смотрел, как капли дождя смывают кровь со стали.

А тем временем на площади, возле харчевни, уже стояла большая телега. Мужики складывали на нее стражников барона и коннетабля. Волков подъехал ближе, чтобы взглянуть на мальчишку, и, к своему удивлению, увидел в телеге синий тулуп ламбрийца, секиру, копье. Какой-то мужик тащил к телеге другое снаряжение ламбрийцев.

– А ну стой, – зарычал Волков.

Мужик испуганно остановился.

– Ты куда все это тащишь?

– Барону, – испуганно пробормотал мужик.

– Что?

– Барону отвезти приказано.

– Кем? – спросил Волков.

– Так старостой, – ответил мужик.

– Где этот староста? – Заорал солдат, оглядываясь.

От телеги отошел седенький мужичок и произнес:

– Тут я.

– Воруюсь, крыса ты амбарная?

– Ничего я не ворую.

– А куда мое добро тащишь?

– А нет тут вашего добра, – неробко отвечал староста. –

Все, что на земле барона найдено, все принадлежит барону. Такой закон.

– Закон? – Заорал Волков, выходя из себя. Он склонился к мужику и схватил его за волосы. – А не юрист ли ты?

– Я староста, – предупредил тот, пытаясь отодрать от себя руку солдата.

– Так вот, знай, вонючая амбарная крыса, – заговорил Волков прямо ему в лицо. – Все, что взято в бою, принадлежит взявшему, вне зависимости от того, на чьей земле это было. На земле барона или на земле графа, герцога, курфюрста, епископа или даже папы. Я взял это в бою, все эти вещи мои!

И тут он увидел мужика, который из конюшни выводил прекрасных ламбрийских коней.

– Эй ты, урод, – заорал Волков, – а ну верни моих коней в конюшню.

Мужик испугался и повел коней обратно.

– Ты понял, крыса амбарная? – Сказал солдат старосте. – Верни все мое добро на место. Иначе... – Он даже привстал на стремяна. – Если я узнаю, что кто-то взял хоть одну мелочь – я отрублю вору руку.

– Я доложу об этом барону, – обиженно произнес староста, – он-то вас не похвалит за такое.

Волков уже его не слушал. Он подъехал к мужику, который стерег его добро, слез с коня, кинул ему поводья.

– Собери все мои вещи, потом почисть и покорми коня и смотри, чтобы ничего не украли.

– Уж я расстараюсь, – заверил его мужик.

– Как тебя зовут? Яков, наверное.

– Ёган.

– Ну да, конечно, Ёган, и одежду мою потом вычистишь.

– Вычищу! – Обещал мужик.

Глава вторая

Постоялец

Диего, этот еретик меня проткнул

Я истекаю кровью

А. Перес-Реверте

«Солнце Бреды»

Во время схватки он почти не чувствовал боли, было не до того, а теперь боль пришла. Торчавший из ноги болт при каждом шаге будто бы вырывал кусок плоти. Аж зубами скрипеть хотелось. Около лужи все еще валялся ламбриец с почти отрубленной рукой. Он был весь в круглых мелких ранках. Его кололи вилами не менее десяти раз. Волкова это не удивило – обычное дело. Мужики при первой возможности всегда отыграются на солдате. Стоит только упасть, как

со всей округи сбегутся мужики, чтобы пырнуть тебя вилами. Чтобы ответить за все те непотребства, что солдаты вытворяют со смердами. Везде, где только не запретит офицер. Как говорил маршал фон Бок: «Война должна кормить себя сама». Война и кормила. Солдаты грабили смердов, а фон Бок и его капитаны набивали свои сундуки золотом, ну а крестьяне, где могли, мстили солдатам.

Волков вошел в харчевню, и к нему тут же подошел пузатый мужичок в чистых штанах и рубаше. И даже в небольшой зеленой фетровой шапочке, такой, какие носят представители городских цехов, на шапке даже было небольшое перо. Мужичок поклонился. Не очень низко, и шапку не снял. Произнес:

– Я хозяин этого заведения и я благодарю вас, господин рыцарь.

– Я не рыцарь, – прервал его солдат.

– Да? – Хозяин харчевни чуть растерялся. – Ну а...

– Мне нужна горячая вода, – опять перебил его солдат, – чистые тряпки, мне нужен кузнец и врач.

– А у нас нет врача, только коновал, а воду и тряпки сейчас сделаем.

В беседу робко вмешался пацан, мальчишка лет шестнадцати:

– Так в монастыре есть монах-лекарь.

– А ну займись делом, болван, – рыкнул на него хозяин, – лезет еще. Кто тебя спрашивал?

– Помолчи, – остановил его солдат, – где есть лекарь?

– Да в монастыре же есть! Но до монастыря ехать долго. Засветло туда уже не попасть, а ночью они ворота не откроют, сколько не проси. В городе тоже есть врач, но до города еще больше ехать.

Волков с трудом дошел до скамьи и уселся под светильник. Поманил парня:

– Эй, парень, подойди.

Тот сразу подошел.

– Помоги снять доспех. Расстегивай ремни. Как тебя звать?

– Меня? Ёган.

– Ёган? Естественно, Ёган, а как же иначе? – Усмехнулся солдат. – Первым делом сними горжет.

У парня не сразу получилось.

– Да не так это делается, криворукий, – прокомментировал хозяин, глядя на работу парня, – вот болван уродился.

– Я просил горячую воду и тряпки, – рыкнул на него Волков. – Неси, а он без тебя разберется.

– Сейчас распоряжусь, – пообещал хозяин и ушел.

– Ты у него работаешь? – Спросил солдат, глядя на уходящего хозяина.

– Ага, – ответил Ёган, ковыряясь в пряжках. – Это мой отец.

Наконец он смог расстегнуть горжет и принялся за наплечник. Парень пыхтел, дело не двигалось.

– Ну? – Нетерпеливо подгонял его солдат. Его начинало подташнивать, и от потери крови кружилась голова.

– Пряжка замялась, погнулась, – объяснял парень. – Сильно же вас вдарили, все железки помялись.

– Тогда режь ремень.

– Всё, нет нужды, расстегнул.

Он стянул наплечник и положил его рядом с бувигером. Снял правый наплечник, стал снимать панцирь. Волков морщился от боли. Плечо и ключицы болели, удар топора был страшный.

Ёган, тот Ёган, которому Волков приказал почистить коня и собрать все снаряжение ламбрийцев, вошел в харчевню с охапкой оружия и лат.

– Господин, куда это? – Спросил он.

– Положи на стол. – Сухо ответил солдат.

Слуга стал складывать на стол седла, роскошное ламбрийское оружие, великолепную ламбрийскую броню, сбрую. Солдат чувствовал себя нехорошо, но сразу в уме прикидывал, сколько это стоит. Сумма выходила немалая. На секунду он даже забыл о боли в ноге.

– Господин... – Ёган замялся.

– Ну?

– Вот тот, что у стола лежит...

– Ну?

– Сапоги у него хорошие.

– И что?

– Мне в пору.

Волков посмотрел на его коротковатые грязные штаны и босые ноги, а молодой Ёган снимал наголенник как раз с левой ноги. Любое прикосновение к которой вызывало боль. Чуть подумав, солдат сказал:

– Бери.

Тот Ёган, молодой Ёган, отложил наголенник и удивленно посмотрел на солдата, спросил:

– Вот те сапоги вот этому босяку? Да ему и онучи счастьем были.

Волкову захотелось двинуть парню кулаком в физиономию, еле сдержался. Только рыкнул:

– Снимай дальше. И сапоги снимай, и поаккуратней.

Он чувствовал себя все хуже. Видимо, действительно потерял много крови. Ёган взялся за левый сапог. Волков уперся в лавку руками и сквозь зубы произнес:

– Тяни.

Парень с трудом стянул сапог с ноги и сказал:

– Бог ты мой, да он весь в кровище.

Волков тяжело дышал и молчал.

– Кровь обмыть нужно, – сказал Ёган, – сейчас сестру позову.

А таверна тем временем наполнялась людьми. Пара теток смывала кровь с пола, еще одна шевелилась у очага. Ёган большой раздевал трупы, собирал вещи, складывал их на стол рядом с Волковым. Вскоре большой стол был завален,

а сам Ёган уже ходил в красивых сапогах.

– Господин, – произнес он вкрадчиво, – я у них деньги нашел. Два талера. И медь.

– Что все, что ли?

– Все, что нашел. И вот еще, что в сапоге было, – отвечал Ёган, протягивая солдату бумажку.

– Что там?

– Не знаю, я не грамотный. Буквы какие-то.

– Кинь на стол, – сказал солдат. Ему было сейчас не до бумажек. – Ты в конюшне был?

– Был, господин. Кони кормлены и ваш, и ихние. Все седла и уздечки я сюда принес.

– Хорошо. Теперь мне надо болт из ноги вытащить.

Глаза мужика округлились:

– Ох, господин, не знаю, смогу ли. Руки у меня грубые.

– Ты и не должен. Коновал мне нужен и кузнец, видишь? – Солдат указал на черную, от крови, палку. – Кузнец нужен, обрезать ее. А потом щипцы нужны, наконечник достать.

– В Верхней Рютте есть и кузнец, и коновал.

– Бери коня и скачи. Скажи, чтобы инструменты брали.

– Коня? Мне?

– Верховом ездить умеешь?

– Умею.

– Ну, так давай.

– Я бегом, господин. – Он кинулся бегом из харчевни.

«Старается, надеется заработать какую-нибудь деньгу по-

мимо сапог», — подумал Волков.

Пришел молодой Ёган, принес чистые тряпки, присел рядом и стал рассматривать торчащий из ноги болт. Сказал:

— Сейчас сестра воду принесет. — Помолчал и спросил: — А не страшно вам было одному с дезертирами биться?

— Мне сейчас не до рассказов. Мне сейчас монах врачующий нужен. И лекарства нужны.

— Лекарств у монахов много. Тюки, травы, мази, банки разные.

— Бери коня одного из конюшни. Скачи, попроси лекарств, если сам приехать не сможет.

— Лекарств? А каких?

— Чистотел в порошке, сарацинской воды, маковых капель, сухой ромашки. Запомнил?

— Нет. Какой воды?

— Сарацинской, болван. Он должен знать, они ее делают. Если спросят денег — скажи, что заплачу, сколько скажут.

А коня с седлом брать?

— Бери с седлом.

Парень обрадовался и убежал.

Волков увидел молодую женщину, которая несла большую глиняную чашку горячей воды, которая обжигала ей руки. Солдат узнал ее. Этот она лежала между столом и лавкой, а ламбриец ставил на нее ноги. Она была высокой, не худой, Волков не назвал бы ее красавицей, но другие его сослуживцы девиц таких обожали. Грудастая, с крепким задом и силь-

ными бедрами. Волосы светлые, с заметной рыжинкой, а под глазом у нее был синяк, и ухо левое было сине-фиолетового цвета. Одежда ее была замызгана и заношена, если у нее был муж, то он явно ее не баловал. Женщина поставила чашку воды на стол рядом с солдатом.

– Вот, вы просили, – чуть пришепётывая произнесла она.

– Я просил ведро.

– Ведро? – Удивилась молодуха. – Куда ж вам ведро, вы ж не барыня. – Волков заметил, что у нее нет зуба.

– Это тебя дезертиры били? – Спросил солдат, рассматривая ее лицо.

– Ага, по глазу и по уху, – кивнула девица.

– А зуб?

– Нет, зуб это меня теленок в детстве боднул.

– А ты замужем?

– Нет, сваты сто раз приходили, да папка не благословляет.

Она чуть повернулась, чтобы уйти, а Волков машинально всей пятерней схватил ее за зад. Зад у нее был молодой, крепкий, словно каменный.

– Эй, чего это вы лапаетесь? – Девушка оттолкнула его рукой, возмутилась и пристыдила его: – Из них кровь хлыщет, палка из ноги торчит, а они все туда же, лапаться.

Она гордо вскинула голову и пошла прочь. Отступившая на пару секунд боль вернулась снова, и солдат вспомнил первого в своей жизни вербовщика – одноглазого сержанта и его

фразу: «Раны, болезни и смерть к контракту прилагаются».

Раньше паренек в таких заведениях не был. Впрочем, он и в других не был, а уж в таких чистых и светлых тем более, но он знал, что именно здесь, в таверне «Дверь настежь», сидит настоящий вербовщик, поэтому он и пришел сюда. Вербовщиков было несколько, он узнал их сразу, в ярких одеждах и начищенных латах они втроем сидели за чистым столом. Перед ними горели свечи и стояли тяжелые глиняные кружки.

– Эй, – окрикнул парня крупный мужик в замызганном камзоле. – Ты чего тут?

– Я к вербовщикам, – ответил мальчик. Мужик молча указал направление пальцем, но парень и без него уже знал, куда идти. Обходя столы с шумными и не очень посетителями, он подошел к столу, где сидели военные.

– Так-так, – сказал одноглазый, седой мужчина, – никак еще одна птаха летит в наши силки. Так ты к нам, солдат?

Одним глазом он уставился на парня, двое других тоже разглядывали его, и все улыбались.

– Ну да, я завербоваться хотел, – произнес мальчик.

– Ну что ж, мы можем записать тебя в отряд капитана Блоха. Мы вербуем добрых парней для капитана Блоха.

– Ну, давайте к Блоху, – согласился парень.

Он чувствовал себя неловко, так как почти все посетители таверны с интересом наблюдали за ним.

– Трактирщик, эй, ты, чертов трактирщик, а ну пива, но-

вому бойцу славного капитана Блоха, – заорал на всю таверну краснощекий военный, сидевший по правую руку от одногоглазого сержанта.

– Садись, – почти приказал мальчишке сержант, и указал на лавку напротив себя. – И давай-ка поговорим как старые друзья.

Тут же перед парнем появилась большая кружка с пивом.

– Хлебни-ка, – приказа сержант, – и хлебни побольше, и запомни этот вечер, потому что сегодня начнется твоя новая жизнь, в которой у тебя будет куча серебра...

– А может и золота, – вставил краснощекий.

– А может и золота, – согласился сержант. – Все у тебя будет: схватки, пиры, победы, молодые девки.

– И опытные бабы, – снова вставил краснощекий. – Вот ты, каких любишь баб? Молодых или опытных?

– Э, – только и смог сказать мальчик.

– Видно парень еще не определился с этим вопросом, – сказал сержант. – У него еще есть время.

– Да, пока ему еще не намотали кишки на пику, – вставил третий.

Люди, сидевшие за соседними столами, дружно засмеялись.

– Не слушай его, – сказал одноглазый сержант. – Мне почти шестьдесят, а мои кишки при мне.

– Кишки-то твои при тебе, а вот где твой глаз? – Снова вставил сидевший по левую руку военный.

Люди за соседними столами снова рассмеялись.

– Хлебни-ка, парень, и запомни: только с мечом в руке ты можешь стать по-настоящему богатым, – продолжал сержант.

– А если тебе повезет, – продолжил за товарища краснощекий, – то ты можешь стать и благородным.

– Точно, сказал сержант. Я своим единственным глазом видел, как посвятили в рыцари одного человека. Так что не упусти свой шанс, парень. Ну, что, ты готов записаться в отряд славного капитана Блоха? Только сразу не отвечай, сделай хороший глоток пива.

В таверне все притихли, все наблюдали за парнем. Тот послушно сделал большой глоток и вместо согласия задал вопрос:

– А какова плата будет?

Посетители довольно загудели, а сержант произнес:

– Молодец, сразу видно – человек дела, – он одну за другой выложил на стол перед парнем четыре новеньких серебряных монеты, – гляди, какие красивые талеры. Отчеканены на монетном дворе курфюрста Пеннеланда. Эти прекрасные монетки ты получишь за год верной службы, а одну из них ты получишь сразу, как только поставишь палец под контрактом. Ну что? Как они тебе?

Мальчик, не отрываясь, смотрел на монеты. Это были огромные, огромные деньги, которые бы решили все вопросы мамы и сестер.

– Глядите, как ему нравятся эти монеты, оторваться не может! – Заржал краснощекий.

– Да, парень, чтобы заработать такие деньжищи хорошему мастеру-булочнику нужно не разгибаться полгода. Да при этом платить городской налог в магистрат, цеховой сбор, плату за улицы, за сажу, десятину попам и черт его знает еще что. А мы, вольные люди, никому ничего не платим.

– И даже, наоборот, с кое-кого мы сами можем собрать. – Вставил краснощекий и довольный собой отхлебнул пива. – А бабы, – добавил он, – тот же булочник должен еще и кормить свою бабу. А ты никому ничего не должен, а баба у тебя будет не одна, а десять. Маркитантки, крестьянки, горожанки.

– И даже монахини, – вставил третий военный, который, как показалось парню, был уже изрядно навеселе.

– Бывает и такое. – Согласился краснощекий. – В общем, все хотят подружиться с молодым и красивым солдатом.

– Ну, так что? Готов вступить в отряд храбрецов, которым будет командовать славный капитан Блох? – Спросил одноглазый сержант, улыбаясь.

– Готов. – Сразу согласился парень.

Зеваки за соседними столами, наблюдавшие за этим представлением, радостно заголосили и даже застучали кружками о столы.

– Вот и молодец, – сказал одноглазый, доставая из сумки бумагу. – Вот, твой контракт. Как тебя звать, парень? Нужно

внести сюда свое имя.

– Ярослав Волков.

– Что? – Поморщился сержант. – Что это за имя такое? А ты, парень, какую веру исповедуешь?

– Нашу. – Молодой человек испугался, что сделка может сорваться, а ему так были нужны деньги, он судорожно из-под ветхой рубахи достал крест.

– А не еретик ли ты? – Не унимался сержант одноглазый.

– Да не еретик он! – Крикнул кто-то из посетителей. – Я с ним в один костел хожу, на одной улице живу.

– Тебя-то самого еще проверять нужно, – буркнул пьяный военный кричавшему, и народ в трактире засмеялся.

– Ладно, вот только имя у тебя восточное какое-то. Нормальному человеку такое не выговорить. Как, еще раз скажи, тебя зовут?

– Ярослав Волков.

Солдат поморщился:

– Будешь теперь Яро Фолькоф, вот. – Он, видимо, остался довольный своей придумкой. – Звучит, а?

– Звучит, – согласился парень. Он согласился бы на любое имя, лишь бы получить деньги.

– Хлебни-ка пива, – сказал краснощекий, а сам достал чернильницу и перо и стал вписывать новое имя на бумагу.

Парень выпил пива и поставил кружку, а рядом уже лежал контракт.

– Давай-ка, парень, макни палец в чернила и ставь внизу

листа.

Но мальчишка взял лист и начал читать.

– Эй-эй, что ты делаешь?

– Как что? Прочитать хотел. Мне отец говорил, что всегда нужно читать, прежде чем подписывать.

– Читать? – Фыркнул краснощекий. – Читать – глаза лопать. Откуда вы беретесь, такие грамотные?

– Меня отец учил грамоте, – робко ответил парень.

– Тут тебе читать ничего не нужно. Макай палец и припечатывай.

– Может, расписаться?

– Макай! – Настоял одноглазый.

– Макай, макай! – Загалдели люди в трактире.

Парень макнул палец в чернила и поставил отпечаток на лист бумаги.

– Ну, вот и славно. – Сказал одноглазый. – Трактирщик, еще одну кружку храбрецу!

Он протянул парню новый блестящий талер.

– Держи, это твой первый, а у тебя их будет еще сотни.

– Да тысячи! – Вставил пьяный военный. – Если только ты не станешь один из костлявых трупов в канаве у какой-нибудь крепости.

Парень прислушался к нему.

– Сдохнуть быстро, свалившись с осадной лестницы – это, можно считать, легко отделался. Намного хуже, – это когда тебе что-нибудь воткнут в брюхо, а помереть сразу не удаст-

ся. Будешь лежать где-нибудь и выть. А от тебя будет вонять дерьмом и гнилью. А брюхо твое будет расти каждый день, пока не станет величиной с бочонок, пока не лопнет, и вся твоя требуха не вывалится наружу.

Все присутствующие внимательно слушали пьяного солдата, и самым внимательным слушателем был мальчик.

– Но это еще не самое страшное. – Зловеще улыбаясь, продолжал солдат.

– Заткнись уже, Ральфи. – Попытался прервать его краснощекий.

– Пусть говорит! – Загаддели посетители, которые стали собираться вокруг их стола.

– Самое неприятное, – продолжал пьяный Ральфи, – это понос.

Многие слушатели засмеялись, подумав, что это шутка, но мальчишка слушал внимательно и был серьезен.

– Сначала ты будешь просто бегать в кусты три-четыре раза в день, проклиная судьбу и ротного повара. А со второй недели из тебя начнет литься не только еда и питье, но и кровь. И ты заметишь, что ноги твои худеют прямо на глазах, и ходить на них все труднее и труднее. А с третьей недели ты просто не встанешь и гадить будешь под себя. А к концу четвертой недели тебя вывалят с такими же, как ты, в поле, накроют рогожей и будут ждать, пока помрете, а затем закопают тихонько. И все. Рядом с каждым большим лагерем целые кладбища таких храбрецов, как ты.

– Да заткнись ты уже, Ральфи, а то получишь пару оплеух. – Прервал его краснощекий. – Такое, конечно, бывает, парень. Но не так часто, как врет тебе этот дурак.

– А как же этого избежать? – Спросил мальчик.

– Поноса?

– Да, поноса.

– Был у нас при лазарете один монах припадочный. Бубнил нам все время, что если мыть руки перед едой и кипятить воду, а не лакать как собака из лужи, то никакого поноса не будет, – сказал одноглазый.

– А я так думаю, что он врал все. Хотя скажу одно наверняка, благородные и офицеры поносом никогда не страдают.

– Господин солдат, мне нужно сходить домой. – Произнес мальчик и встал.

– А ну стой! – Краснощекий перегнулся через стол и схватил его за одежду.

Мальчишка испугался.

– А ты часом не из этих, ли? – Зарычал краснощекий.

– Из каких «из этих»? – Испуганно спросил мальчик.

– Из дезертиров. Задаток за контракт возьмут и тут же исчезают.

– Ты дезертир? – Сурово спросил одноглазый.

– Нет, я только хотел отнести деньги маме и вернуться.

— Черта с два. – Рывкнул сержант. – Кто-нибудь знает его мамашу? Кто отнесет ей деньги?

– Я! – Сказал кто-то из-за спины парня.

Чьи-то ловкие пальцы вытащили талер из мальчишеской ладони. А мальчик был так растерян, что даже не взглянул на того, кто это сделал.

– Я отнесу, не беспокойтесь, друзья!

– Ну, вот и славно. – Сухо сказал сержант, единственным глазом рассматривая парня. – А то знаешь, что ждет тех, кто реши передумать и дать стрекача?

– Нет, – сказал мальчик, – не знаю.

– Их ждет длинная грубая веревка с петлей на конце. – Снова заговорил Ральфи. – Тебе еще предстоит сделать выбор, сынок: грубая веревка с петлей на конце, но один раз, или солдатская лямка на всю жизнь. Даже не знаю, что лучше. – Он невесело засмеялся.

– Брось, Ральфи, – сказал сержант. – У такого храбреца, как этот малый, дорогая будет усыпана серебром. Нужно только выбрать куда пойти.

– И куда же мне пойти? – Спросил парень.

– Куда-куда... – Задумчиво произнес сержант. – К примеру, в пикинёры тебя не возьмут. Потому что пика у них десять локтей, ты ее просто не удержишь. Да и доспех у них дорогой. У тебя есть деньги на доспех?

Парень отрицательно помотал головой.

– Вот и я про то же. В рейтары и жандармы тебя тоже не возьмут. Так как ты безлошадный. А если и дадут тебе какого-то конька от казны, то это будет такая сволочь, злобная и упрямая бестия, что не ты на нем, а он на тебе будет ездить.

Все засмеялись.

– В арбалетчики тебя тоже не возьмут. Потому что эти мерзавцы о себе слишком большого мнения. Абы кого со стороны не принимают. Да и арбалет простой ты натянуть не сможешь, а на арбалет с ключом нужно столько же денег, сколько и на коня. И что же тебе остается, парень?

– Не знаю. Может, меченосец? – Робко проговорил мальчик.

– Мечи носят те, у кого на них есть деньги. Но не робей. Есть у меня для тебя хорошее местечко.

– Какое?

– Теплое.

– Ну что за место? – Волновался мальчик.

– Место при кухарке капитана Блоха.

Все окружающие опять засмеялись.

– Понимаешь, кухарка хорошая, но малость староватая и больно толстая, пудов восемь чистого веса, и поэтому, из-за своей полноты, малость воняет, и честно говоря, не такую уж и малость.

Люди покатывались со смеху.

– Так вот, нужно помогать ей мыться хотя бы раз в месяц.

Зеваки, собравшиеся вокруг их стола, смеялись и даже улюлюкали, а сержант не унимался.

– Обмывать ее телеса, скажу тебе, дело для храбрецов, типа тебя.

Смеялся даже краснощекий и пьяный Ральфи. Все смея-

лись, кроме мальчика. Он сидел и внимательно смотрел на сержанта.

– Потому что, – продолжал сержант, – не все, кто видел ее промежности остались в своем рассудке. Вот погляди на Ральфи, он видел, и с тех пор пьет не просыхая.

– Ну, хватит уже, – вдруг произнес мальчик. Громко, сухо и даже резко.

Никто из собравшихся не ожидал, что этот мальчишка так может. Все перестали смеяться.

– Говорите, господин военный, в какой цех вы меня запишите?

– Ну, хватит так хватит, – произнес одноглазый, отхлебнув из кружки, – Пойдешь к корпоралу Ральфи, в лучники. Он, конечно, пьяница, но стрелок добрый. Думаю, и тебя стрелять научит. Я пишу в твой контракт, что ты теперь лучник.

Он макнул перо в чернильницу и что-то написал в контракте, затем свернул его в трубку и отдал бумагу краснощекому.

– Все, парень, теперь ты контрактованный лучник капитана Блоха. Задаток ты получил, а увечья, болезни и смерть к контракту прилагаются.

– Увечья, болезни и смерть к контракту прилагаются, – повторил солдат поговорку старого сержанта. Волков так и не узнал, дошел ли его первый талер до матери, он часто ду-

мал об этом. А сейчас солдат сидел в унылой харчевне разглядывая коновала.

Коновал был высокий, грузный, лысеющий мужчина с плохо выбритым лицом. Он первым делом надел грязный кожаный фартук и осмотрел стрелу.

– Надо просто вытащить эту стрелу? – Предположил он.

– Надо, – согласился солдат. – Но она крепко засела в железе и выдергивать нельзя, потому что наконечник останется в ноге. Нужно будет сделать надрез.

– Ох, – тяжело вздохнул коновал.

– А вы, господин, и вправду хотите, чтобы эту стрелу вытаскивал я?

– А ты видишь здесь других коновалов, идиот? Ты ж вскрываешь свищи коням, нарывы коровам?

– Да, господин, но то коровы и лошади, или даже мужичье, а то вы...

– А потом рану нужно будет зашить. У тебя есть кривая иголка? Ты зашивал кожу лошадям?

– Да, господин, но то были лошади...

Солдат только сплюнул с досады, дал бы ему в морду, да встать не мог.

А вот кузнец солдату понравился. У него была пегая борода, крепкие руки и черные заскорузлые пальцы.

– Я обрежу деревяшку заподлицо, – сказал кузнец. – А потом приподниму, –он разглядывал болт. – Потом мы снимем доспех и попробуем вытянуть ее.

– Ты щипцы принес? – Спросил солдат. – Наконечник так не выйдет, его придется щипцами тянуть.

– Щипцы принес.

– Хорошо, как вытянем наконечник, нужно будет зашить, пару стежков сделать.

– Шить я не мастак, господин, – сказал кузнец.

– Ну, хоть обрежь деревяшки и сними поножь. – Сказал солдат.

– Делаю. – Произнес кузнец, доставая из большого ящика инструменты и раскладывая их перед собой.

– Садитесь на стол, господин. А ты, деваха, давай сюда лампу и встань слева, чтоб свет не застит. Ближе подноси. Ну, держитесь, господин.

Солдат вцепился в край стола и вздохнул.

«Увечья, болезни и смерть к контракту прилагаются» – вспомнил он слова сержанта. Каждое движение кузнеца отдавалось болью, а тот, как назло, не мог сделать что-то с одного раза. Не мог обрезать стрелу, не мог поддеть сталь. Почти все движения повторял дважды. Солдат понимал, что такую работу он делал впервые, поэтому молча терпел. Пальцы, ногти, вцепившиеся в стол, побелели. Со лба на нос скатилась капля пота. Но он молчал. Наконец, кузнец обрезал стрелу и снял доспех с ноги. Встал, вздохнул.

– Ну, вроде, я свою работу сделал. – Он поглядел на коновала, а на том лица не было.

– Ну, что встал? Давай, – пригласил коновала Ёган, – вы-

тягивай палку из ноги.

– Я не могу, – вдруг сказал коновал, – не невольте меня.

Вдруг этот крупный мужчина всхлипнул и кинулся их харчевни прочь.

– Вот дурак, а, – удивленно произнес Ёган.

– Боится, – сказал кузнец. – Он молодому барону коня лечил, тот распорол кожу на груди во время охоты. Он ее, вроде, зашил, а конь все равно сдох. Молодой барон его на конюшне два дня держал. Его и сына. Бил обоих. Вот он и боится.

– Даже инструмент забыл. – Произнес Ёган.

– Вытаскивай ты, – сказал солдат кузнецу.

– Вытащить попробую, а вот шить я точно не возьмусь, не с моими пальцами. Мне ими и иголку не удержать.

Он снова сел на корточки перед столом, взял щипцы.

– А ну-ка, деваха, свети. Мне внутрь заглянуть надо.

Солдат знал, что сейчас начнется то, от чего он будет скрежетать зубами. Так оно и произошло. Кузнец потянул за древко. Древко вышло, а наконечник остался в ноге. Тогда кузнец своими черными пальцами стал раздвигать рану, чтобы увидеть наконечник. Еще одна капля пота повисла на носу у солдата.

– Вижу его, подлеца, – сказал кузнец. – Хорошо, что неглубоко сидит. Только кровь его застит. Свети ближе, прямо сюда.

Девушка еще ближе поднесла лампу. Солдат зажмурился

от боли, а кузнец все ковырялся и ковырялся в ране, пытаясь поддеть наконечник. Солдат уже был готов не выдержать, у него уже звенело в ушах, когда кузнец сказал:

– Все. – И бросил на стол рядом с солдатом черный, весь в сгустках крови, похожий на шип наконечник болта. – Фу, как будто целый день работал.

Волков чуть отдышался и произнес, глядя на девушку.

– Шить тебе придется.

– Эй, Брунька, – сказал Ёган, – бери иголку, кроме тебя здесь шить никто не умеет.

– Ноги-то я не шила ни разу, – сказала девушка.

– Больше некому, – сказал солдат, – придется тебе.

– Ну, раз некому, – девица залезла в сумку коновала, достала оттуда иголку, вдела нить, достала оттуда туес, открыла его, понюхала.

– Ну, что там? – Спросил Ёган.

– Она. – Сказала девица. – Мы борова такой же мазью мазали, когда его собаки подрали.

– Ну, что стоишь? Сшивай.

– Шить? – Спросила девушка Волкова.

– Сначала обмой водой, чтоб было видно, что шьешь.

Девица оказалась на удивление ловкой. Руки ее не дрожали, зрение было хорошее. Она быстро смыла грязь и в три стежка стянула рану. Потом смазала мазью из сумки конова-

ла, затянула рану чистыми тряпками, после чего Волков переоделся. Он надел исподнее, то, что носил зимой, остатками теплой воды помылся. Ёган и Брунхильда помогали ему. Кузнец просто сидел на лавке и ждал оплату, вертел в руках наконечник болта, восхищался.

– Железо доброе, так его еще и закалили. Хорошая закалка. Железо пробил, и даже кончик не погнулся.

– Сколько я тебе должен? – Спросил его Волков, отправив девицу за едой.

– Случай особый. Пять крейцеров попрошу. Дадите еще два – я ваши поножи починю.

– Дам еще один, и почини поножи.

– Ну, пусть так. – Сказал кузнец, прихватил поножи и ушел.

Девушка принесла еду. Солдат совсем не хотел есть, но знал, что есть нужно. Взяв тарелку и деревянную ложку, попробовал еду и отодвинул тарелку.

– Это что? – Спросил он у девицы.

– Так известно, что – горох.

– Без сала, без масла?

– У нас поденщики, да каменщики, да купчишки мелкие и так едят, трескают за милую душу. Не капризничают.

– Так тут даже соли нет.

– Так они и без соли трескают.

– Я тебе не поденщик.

– Да уж вижу, капризный, как барыня.

– Принеси молока с мёдом.

– И все?

– Да, все. Кстати, а где поденщики твои спят?

– Известно, где. На полу да на лавках.

– А комнаты есть? – Солдат вовсе не хотел спать ни на полу, ни на лавке.

– Есть одна.

– С кроватью?

– И с кроватью, и с тюфяком.

– Я буду там спать.

– Папаша никого в ту комнату класть не велит.

– Плевать мне на твоего папашу. Спать буду в той комнате на кровати с тюфяком, а сверху простыню постели.

– С простыней? – Ехидно фыркнула девица. – И правда, барыня.

– Еще раз сравнишь меня с барыней – получишь по заду, а рука у меня тяжелая. Неси молоко и постели постель.

Буркнув что-то едкое, девица ушла.

– Ёган! – Окликнул Волков мужика, сидевшего и дремавшего на лавке.

– Да, господин.

– Перебери тряпки, посмотри, что можно отстирать, что зашить. Остальное выброси.

– Все доспехи и оружие отнеси в мою комнату. Лошадь мою почисть, а всех остальных покорми, – солдат кинул мужику маленькую серебряную монету.

– Все сделаю, господин. – Ответил Ёган, ловя крейцер.

– А где тот мальчишка, что поехал к монахам?

– Не знаю, господин. Дорога не близкая, но, думаю, он уже должен ехать обратно.

Тюфяк был старый, влажный и вонял гнилью, а вот простыня была хорошей, плотной. На некоторое время такая простыня задержит клопов. Нога, если ее не тревожить, почти не болела, а вот плечо ныло, ныло, ныло и ныло. Хотелось все время перевернуться и лечь поудобнее, или сесть, но, как он не вертелся, боль не проходила, выматывала, не давала уснуть.

«Увечья, болезни и смерть к контракту прилагаются, – в который раз вспомнил слова старого сержанта солдат. – Это уж не извольте сомневаться. Ad plenum». Он подумал, что без маковых капель заснуть не сможет, и тут же заснул.

Глава третья

Приглашение от сеньора

На свете жил сеньор не старый

Хотя уже не молодой

Песня

– Господин, господин! К вам пришли! – Тряс его Ёган.

– Что?

– Пришли к вам.

– Кто?

– От барона нашего.

Волков приподнялся на локте, огляделся, он был не в духе, заснул только под утро.

– Кто пришел-то? Ты можешь сказать? – Чуть раздраженно спросил солдат.

– Так командир стражи нашей. Удо его зовут.

– Один пришел?

– Один.

– Пусть входит.

Волков сел на кровать, прислушиваясь к своим ощущениям. Нога чуть кольнула, когда он сел, а вот с плечом все обстояло куда хуже. Шевелить рукой было больно.

И тут в комнату вошел высокий, под самый потолок, воин. Начищенный шлем, судя по эфесу, добрый меч, старинный кольчужный обер с капюшоном, не раз бывавший у кузнеца, поверх кольчуги чистый сюрко, белый с голубым. Цвета местного барона, как на щите при въезде в землю. Вошедшему не было и пятидесяти. Его подбородок был свежевыбрит, а почти седые усы свисали чуть ли не до груди. Сразу было видно, что это муж добрый, из старых воинов.

– Здрав будь, господин, – с заметным поклоном сказал он.

– Для тебя я не господин, но и ты здрав будь, брат-солдат. Пригласил бы тебя присесть, но, видишь, тут не на что.

Комната была, забита оружием, седлами, доспехами, попонами и сбруями. Все остальное пространство занимала кровать.

– Вижу, – кивнул великан. – Я слышал, и мой сеньор тоже слышал, что ты вчера бился за нас. Барон просит тебя в гости. Рассказать, как было, как погиб коннетабль. А то баба-дура плетет не пойми что.

– Не знаю, смогу ли сегодня, – ответил Волков, отбрасывая плащ одного из ламбрийцев, которым укрывался. На левой штанине исподнего красовалось большое бурое пятно засохшей крови, – хочу сначала, что бы доктор осмотрел рану. А то вчера ее здешняя девица зашивала.

– Да и плечо у тебя, брат, нездорового цвета, – заметил великан.

Волков покосился на свое плечо и ужаснулся. Даже в свете маленького окна было видно, что ключица и плечо сине-багрового цвета. Волков поморщился.

– Да, доктор тебе не повредит, – заметил человек барона. – Меня зовут Удо Мюллер. Я сержант барона. – Он протянул солдату руку.

– Яро Фолькоф, отставной солдат. – Волков пожал ее.

– Солдат? Просто солдат? Кухарка говорит, что ты один всех ламбрийцев перебил, – говоря это, сержант поднял с пола добрый нож в красивых ножнах, – простой солдат, вряд ли смог бы. Да и доспех у тебя добрый, да и конь не солдатский.

– Нравится нож? – Не стал хвастаться Волков.

– Ламбрийский, работы доброй.

– Дарю, – произнес солдат.

Сержант ухмыльнулся:

– Ну, спасибо. Ну, а что мне сказать барону?

– Скажи, что помяли меня, и болт я в ногу получил. Отлежусь, подлечусь и через пару дней приеду.

– Ну, добро. Лечись, брат.

– Бывай.

Сержант вышел из комнаты.

– Ёган, – позвал Волков.

– Что, господин?

– Пусть приготовят что-нибудь на завтрак. Два яйца вареных, хлеб, и молока согреют. И меда. Не забудь меда.

– Ага, распоряжусь, – он повернулся.

– Стой, и еще пусть ведро воды согреют. И девку вчерашнюю позови.

– Хильду что ли?

– Брунхильду, да.

– Так не придет она. Горе у них.

– Горе? Что за горе?

– Так старший сын трактирщика, брат ейный, которого вы к монахам послали, так сгинул он.

– Как сгинул?

– А так и сгинул. Уехал, и более его никто не видел.

– Он же на моем коне уехал.

– Ага, еще и седло взял. И, скорее всего, взял черного же-

ребца. Самого дорогого. Да, точно. Вороново взял. – Радостно сообщил Ёган. – Любой бы в его возрасте захотел бы по деревне на таком коне проехать.

– Чему ты радуешься, болван? Тот конь дороже, чем эта харчевня будет. Это боевой конь, он этого дурака сбросил где-нибудь да сбежал. Этот дурак с переломанными лытками в дорожной канаве валяется, а коня мне искать придется.

Но если и нужно было кого упрекать солдату так это себя, это он позволил мальцу взять такого коня, сам виноват, впрочем, вчера ему не до коней было.

– Ну, так я подсоблю, – сразу стал серьезней Ёган, – вместе искать коня будем. Мне седлать коней?

– Сначала завтрак и воду, затем перебинтовать ногу, только потом седлать.

– Ага, распоряжусь.

Топая по лестнице, Ёган сбежал вниз, не закрыв дверь, а сам Волков повалился на кровать. Он стал прислушиваться к себе, к своим ощущениям. «Увечья, болезни и смерть к контракту прилагаются». А вот и она, самая страшная часть фразы – ожидание болезни после увечья. Он даже вспомнить не смог всех боевых товарищей, которые умерли после не смертельной, казалось бы, раны. И всё у них всегда начиналось с двух верных предвестников смерти – жар и лихорадка. Волков вспомнил одного своего старого друга, который получил стрелу под ключицу. Стрелу и наконечник благополучно извлекли, а друг слег от жара, и его трясло как пара-

литика. В летнюю жару он тянул на себя одеяло и тряся от холода. И бесконечно пил. Пил и пил воду. На время он терял сознание, и ему становилось жарко, он скидывал одеяло. Но только на время. Затем снова кутался.

– Лихорадка, – сказал доктор.

– Пути Господни... – Сказал поп.

Он еле выжил, но былую силу так и не набрал, ушёл из солдат больным.

Вот теперь Волков лежал на кровати, слушал дождь и прислушивался к себе. Нет, жара, судя по всему, у него не было. А лихорадки тем более. Но он знал, что эти два верных предвестника болезни и смерти на первый день после ранения могут и не прийти. Когда-то он даже пытался читать медицинские книги, но про то, откуда берется лихорадка и почему приходит жар, там не было. Там было все: про разлитие черной желчи, про легочную меланхолию и про грудных жаб, но ни про лихорадку, ни про жар ничего. Только какая-то муть про то, что лихорадку приносит восточный ветер, а жар случается от духовных потрясений и любовной тоски. Но вся беда заключалась в том, что всех его знакомых и друзей нельзя было уличить ни в одном, ни в другом, да и восточный ветер с ними бы не совладал. Поэтому Волков продал толстые фолианты с картинками, которые он захватил при взятии Реферсбруга одному хитрому юристу. Как потом выяснилось, всего за пятую часть их настоящей стоимости.

Он встал, попробовал наступить на ногу. Боль была терпимой, намного менее чувствительной, чем в плече. Да, плечо болело, и болело так, что он даже не смог бы сам одеться.

– Ёган! – Крикнул в открытую дверь.

И услышал топот по лестнице.

– Завтрак еще не готов, вода не согрелась.

– Не могу сам одеться, помощи.

– Рубаха ваша постирана, высушили над очагом, – сказал Ёган, вытаскивая рубаху из сложенных в углу вещей. – Садитесь, давайте левую руку. Ух ты, ужас.

– Что там?

– Вчерась плечо таким синим не было. Косточки б целы бы были.

– Нужно ехать к монахам.

– Сейчас поедem, господин. Позавтракаете и поедem. Только вчерашние ваши сапоги не просохли, я их от крови-то отмыл, но у огня сушить не стал, что б не заскорузли.

– Правильно, посмотри у меня в вещах, еще одни должны быть.

– Так я уже их достал.

– Молодец. Ты-то мне помогаешь, а дела свои делаешь?

– А какие сейчас дела? До уборки еще шесть недель, коровёнка наша сама пасется, в огороде жена ковыряется. Дел-то особых нету. Крышу, правда, хотел покрыть, течет. Да к зиме покрою. Авось, до зимы не смоет. А вот вы вчера монетку дали и сапоги. – Он поглядел на свои начищенные са-

поги, которые резко контрастировали с остальным его гардеробом. И сказал удовлетворенно: – Хорошие сапоги. Где бы еще такие взял? Да нигде. Мне все наши мужики завидуют. Ихние бабы их пилят, меня в пример ставят. Говорят, что я проворный. Господина щедрого нашел, а я вас-то и не искал, просто первый на глаза попался.

– Пошли, проворный, умыться мне поможешь.

Даже завтрак становится непростым делом, когда работает только одна рука. Волков завтракал, а Ёган сел за соседний стол и что-то рассказывал. Солдат не прислушивался. У него болело плечо. И тут Ёган сказал:

– Вот, у дезертира в сапоге нашли, – и положил на стол кошельки.

– Кто нашел?

– Жена моя, да жена трактирщика. Полы мыли да за лавкой нашли. А еще в одежде и в вещах.

Он вытряс деньги на стол перед Волковым. Денег было немного, но кроме денег там было золотое кольцо. Тяжелое, с красным камнем. А еще там был клочок хорошей бумаги.

– Два с половиной талера без меди, мы посчитали. Никто ничего своровать не мог, мы все вещи собрали. Все цело.

– Да? А где тогда арбалет? Я его ни в вещах, ни в оружии не видел.

– Какой арбалет? – Спросил Ёган.

– Из которого мне ногу прострелили.

– Я спрошу у трактирщика. А еще трактирщик сказал, что

эта бумажка, – он постучал по бумажке пальцем, – это вензель.

– Что? – Не понял Волков.

– Вензель. Трактирщик говорит, что в городе, в одном месте, он, правда, не знает, в каком, по этой бумаге можно кучу денег получить.

– Вензель?

– Ага.

– Может, вексель?

– Ага.

Волков никогда не видел векселей. Все расчеты в ротах происходили наличными. Он взял бумажку, но одной рукой развернуть ее не смог. Ёган помог ему. И он прочитал написанное, поглядел на мужика, спросил:

– Ты где ее взял?

– Так в сапоге было. Вот в этом, – Ёган похлопал рукой по правому сапогу. – Я его с мертвяка то тяну, а она и упала.

– Это не вексель.

– А что же? Трактирщик, вроде, грамоте и обучен, а прочесть не мог.

– Потому что она на ламбрийском.

– Трактирщик так и сказал. Не знаю, говорит, что за язык, не нашенский. Наверное, это вексель. А раз не вексель, то что это?

Волков знал ламбрийский. Почти треть его сослуживцев в гвардии герцога де Приньи были ламбрийцы. А еще Волков

пару лет провел во Фризии. Там язык схожий. Он свободно писал и говорил на этом языке. Но он не все понимал в этой записке. Но в сути ни секунды не сомневался.

Волков почесал щетину и спросил:

– А в служении у барона есть ламбрийцы?

– Да по чем же мне знать? У него в замке куча всякого люда, может, и есть кто. А что в бумаге то?

Волков еще раз перечитал записку:

– «Сопляк, кажется, узнал про мельницу, – солдат чуть сомневался, правильно ли он перевел последнее слово, – предупредите господина с мельницы, а с сопляком разберитесь, иначе донесет барону. Но разберитесь так, что б никто не подумал».

Теперь Волков понял, почему ламбрийцы не стали договариваться, и почему хотели знать, несколько раз переспросили, кто из них коннетабль. Никто ничего и не подумал бы, пьяная свара в кабаке, и мальчишка мертв. А это было не свара. Точно не свара, его хотели убить.

– Ну, а что в бумаге? – Не унимался Ёган.

– Коней седлай, принести мне стеганку, кольчугу и оружие, но сначала помоги одеться.

– А зачем она вам? – Удивился мужик.

– Как-то беспокойно тут у вас.

Надев кольчугу с помощью Ёгана, он еще посидел и поразмышлял о записке, пока Ёган седлал лошадей.

Волков вышел на улицу и осмотрел осёдланных лошадей.

Он был не доволен, ткнул пальцем:

– Это что?

– Потник. На лошадок кладут.

– Вот это вот, – он еще раз ткнул пальцем, – потник под вальтрапом сложился в складку. Если весь день ездить будем – к вечеру здесь будет потертость. А если потертость, то, может, и к вашему придурковатому коновалу придется идти... А это что? – Он потянул за подпругу.

– Что?

– Слабо. Во-первых, подпругу затягивать надо в два этапа. Затянул, дал выдохнуть лошади и еще раз подтянул. Во-вторых, что ж ты ей ее на пузе затянул? К груди надо ближе, на одну ладонь от ног. А уздечка...

– Что уздечка?

– Зачем коня душишь? Зачем так плотно под горлом затянул? Сделай все как следует.

– Да, господин.

Солдат прошел до конца харчевни, разминая ноги. И на углу харчевни увидел трех мужиков и старосту, с которым он вчера конфликтовал. Мужики грузили на телегу трупы ламбрийцев. Волков подошел ближе и коротко спросил:

– А поп где? Вы что, без попа хоронить собираетесь?

Мужики остановились и все дружно уставились на старосту, а тот смотрел на солдата и молчал.

– Оглохли? – Сурово спросил Волков. – Отвечай ты. – Он

ткнул пальцем в ближайшего мужика. – Без попа хоронить собрались?

– Не знаю я, – сказал мужик.

– Что не знаешь?

– Вот это... Староста наш... – Мужик, моргая, косился на старосту, но тот продолжал молчать.

– Я знаю, что он староста. Я спрашиваю, где поп?

– Староста сказал... Это...

– Что «это» сказал староста? Отвечай, болван.

– За околицу.

– Что за околицу? Кладбище у вас там?

– Нет. Помойка там.

– Людей на помойку? Как пададь?

– Староста сказал... – Мужик был близок к потере сознания. – Сказал за околицу.

Волков повернулся к старосте.

– Бандиты они, душегубы. Чего с ними церемониться? – Наконец затараторил староста.

– То есть, ты тут решаешь, кого на кладбище хоронить, а кого на помойку выбрасывать? То есть, ты тут решаешь, кого надо отпевать, а кто еретик поганый или изверг отлученный?

Старосту выворачивало от раздражения, он даже покраснел. Но ответить боялся, молчал.

– Везите на кладбище. – Сухо сказал солдат мужикам. – Они тоже люди, и нашей веры.

– Командует он, – зло шипел староста. – Ишь... Как будто

это его вотчина. — И уже громче добавил: — А платить? Платить-то кто будет? Яму то выкопать крейцер будет, да попу за отпой три крейцера.

Волков залез в сумку, достал несколько мелких монет и дал ближайшему мужику:

— Пусть поп отпой как следует, и на могилу крест поставьте. Локтей десять, чтоб издали видно было.

— Да, господин. — Сказал мужик и с поклоном взял деньги.

— Командует он... — Продолжал шипеть староста. Его пегая бороденка тряслась. — Докомандуется...

Солдат его не слушал, пошел к лошадям. В этот раз Ёган переседлал лошадей правильно. Он помог Волкову сесть в седло и забрался сам.

— Куда едем? — Спросил солдат.

— А все на юг, туда, — Ёган указал рукой.

— Я с юга приехал, и ехал оттуда, — Волков указал чуть западнее.

— Ага. Там дорога вдоль реки, долгая. А вот так на юг к графскому замку и аббатству. По ней сынок трактирщика и поскакал.

— Ну, поехали.

Они неспешно выехали из деревни.

— Домов много пустых, — заметил солдат, оглядываясь во круг.

— Так-то после чумы. Сорок дворов было. Шесть вымерло

подчистую.

– А мне показалось, что пустых домов больше, чем шесть.

– Конечно, больше. Многие съехали. Вольные уехали отсюда на север. Несколько семей. А из крепостных кто-то в Большую Рютту перебрался.

Так они и ехали. Шел дождь. У солдата болело плечо, а Ёган болтал без умолку. А дорога больше напоминала две неглубоких канавы с водой. С одной стороны, справа, дорога поросла кустарником и редкими пучками орешника. С другой стороны, редколесье, на долгие мили залитое огромными лужами, попросту став болотом, только с деревьями. Солдат накинул капюшон, дождь не прекращался.

– Староста, почитай, каждый день хоронил людей. Похоронит ребенка, а потом, глядь, и мать этого ребенка слегла. Опять могилу копай. С таких семей поп, дай Бог ему здоровье, под конец, за отпевание и деньги уже не брал. У людей и денег уже не было, семьи вымирали, – бубнил Ёган. – А потом, вроде, все на лад пошло. Даже свадьбы играть стали. И тут новая напасть.

– И что за напасть? Дезертиры?

– Не, дезертиры на юге лютуют. Вчерашние – так это у нас первые были. Молодой барон пропал.

– Как так?

– На войну поехал и пропал. Солдаты, что с ним были, вернулись, а он – нет. Ранен был. Поехал, наверное, домой, а по дороге его дезертиры убили где-нибудь.

Такое иногда случалось. Дестриэ, рыцарский конь, мог стоить огромных денег, доспехи тоже. Раненый рыцарь – желанная добыча для бандитов.

– У него, наверное, был хороший конь? – Сказал солдат.

– У него было два коня. Говорят, что одного из них он купил за двенадцать имперских марок. Я даже не знаю, сколько это денег.

– Это примерно пятьдесят коров. – Прикинул Волков.

– Пятьдесят?! – Ужаснулся Ёган.

– Примерно. Может, больше. Я точно не знаю, по чём у вас тут коровы.

– Моя худоба крейцеров на сорок потянет.

– Ну, тогда он еще больше отдал за своего коня.

– С ума сойти. А вдруг, такого коня убьют?

– Дестриэ – это турнирные кони, их редко убивают на турнирах. А в бой на таких только герцоги и графы идут. У них на много таких коней денег хватит.

Волков переехал с одной стороны дороги на другую, чтобы избежать огромной лужи. И увидел то, что они искали. Ёган продолжал говорить что-то про коров и коней, когда солдат его окликнул:

– Стой.

Лошади встали.

– Видишь? – Спросил Волков.

– Нет, а чего?

Ёган, скорее всего, и правда, не видел, а вот у Волкова

глаз был наметан. Он такие картины видел сотни раз. Всю сознательную жизнь смотрел такое:

– Не видишь?

– Нет, а чего видеть-то?

– Вон, – солдат указал вперед, – копыта из канавы торчат.

– Где?.. А-а, вот она наша коняга.

Ёган проехал вперед шагов тридцать и спрыгнул с коня, Волков двинулся за ним.

Полузатонувший труп лошади лежал в придорожной канаве, только ноги торчали в сторону дороги. Дорогой конь был убит. Какое-то животное вырвало ему кусок из шеи. Ёган встал руки в боки и со знанием дела заявил:

– Волки.

– Где ты видел, чтобы волки нападали на всадников, да еще такой кус из шеи могли вырвать. А почему дальше жрать не стали? Или волк один был? Да один бы никогда не напал бы.

– А кто ж тогда? Медведь?

– Не знаю. А у вас тут медведи водятся?

– Не видал, – признался Ёган. – Кабаны – да, лоси, опять же...

– Ты где-нибудь видел, что бы лоси грызли лошадей? – Спросил Волков и, оглядевшись вокруг, добавил: – Интересно, а куда парень делся? И следов никаких.

– Да какие тут следы? Все утро дождь льет. Хотя стоп, вот след. – Ёган остановился, – вот еще... Босые ноги...

Солдат тоже увидел отпечатки босых ног на глине.

– А парень босой уезжал?

– Не, они босые не ходят.

– Кто – они?

– Ну, они, семейство трактирщика.

– А не помнишь, в чем он был?

– Не помню. Может, в чунях, может, в деревяшках. Но не босой точно.

Волков слез и чуть прошелся подальше в редколесье. Следы терялись под водой, которой было залито все вокруг. Ёган стал орать, звать малого, но все было тщетно. Никто не откликнулся и следов они больше не находили. Было тихо, сыро и безлюдно.

– Ты с коня седло сними. – Сказал солдат. – Седло ламбрийской работы.

– А то, как же, че ж бросать такую вещь, дорогую. Я бы подковы отодрал, да инструмента нет. А подковы то хорошие. Наш кузнец за такую работу крейцер попросит.

Волков смотрел, как Ёган ловко снял седло с мертвой лошади, которая, к тому же, была полупритоплена.

«Из него вышел бы неплохой солдат, – подумал он, – из крестьян всегда солдаты получаются лучше, чем из городских».

Наконец, вымазавшись в глине, Ёган вытянул седло из-под мертвой лошади, отмыл его в луже.

– Красивое, – заметил он.

– Ламбрийское. У них все красивое.

– А почему так?

– Не знаю, – ответил солдат. – У них всегда все красивое.

Наверное, земля такая.

– Какая? – Ёган залез на коня и поместил седло позади себя. – Вы там были, господин?

– Бывал.

– И как там?

– Там красиво. Горы, долины, дожди, много солнца, много рек. Все растет, все цветет. День – два пути до моря.

– Прямо рай там.

– Прямо рай, – согласился солдат. – А города один богаче другого. И все время воюют между собой.

– А чего воюют? Чего хотят?

– Не знаю. Благородным всегда чего-то не хватает. То земля, то денег.

Так, за разговорами, они доехали до монастыря. Широкий, приземистый со старыми стенами. Монастырь был старый, как говорится, намоленный.

«Стены толстые, но не высокие, локтей двадцать. Башен нет, рва нет. Ворота дубовые, на железной петле, но петли в кладке ходят. Три-четыре удара бревном – ворота вывалятся, хотя останутся целыми. Две сотни еретиков за два часа взяли бы этот монастырь, а они монастыри любят. В них всегда есть чем поживиться», – разглядывал монастырь солдат.

У ворот монастыря, на бревнах и пеньках, сидели люди. В основном бабы с детьми, но были и мужики. Все хворые и один увечный, с замотанной в окровавленную тряпку рукой. Его поддерживал мальчишка. Ёган спрыгнул с коня и постучал в дверь. В двери открылось небольшое окошко.

– Моему господину нужно к брату-лекарю, – сказал он.

Ворота открылись, и солдат въехал во внутренний двор монастыря. Толстый монах закрыл за ними ворота.

– Отец, а когда отец Ливитус посмотрит раны моего господина? – Спросил слуга у толстого монаха.

– Братья трапезничают, – сообщил тот, – а после будет молебен, а после он вас примет. До вечера примет.

– Мы приехали из Рютте, нам бы до вчера обратно успеть. Может, позовешь отца Ливитуса? – Заискивающе произнес Ёган.

– Сын мой, сюда все приезжают издалека. Всем нужен то отец Ливитус, то брат Иорис. А у нас сейчас трапеза, а затем молебен, – монотонно и пискляво бубнил монах. – Хотите, станьте под навес и ждите. Я и так пустил вас внутрь, хотя все страждущие ждут за воротами.

Волкова взбесил этот монах. Возможно, потому что под промокшим плащом, под холодной кольчугой боль в плече заметно усилилась. Он подъехал к монаху, наклонился, схватил за шкурку и произнес прямо в лицо:

– Будь добр, жирный брат мой, сходи за отцом-лекарем и скажи, что человек, который получил ранение в схватке с

дезертирами, просит его помощи. А иначе этот человек слезет с коня и тебе самому потребуется помощь отца Ливитуса. Ты понял, брат мой?

Монах скорчил елейную физиономию, закатил глазки и смиренным голосом ответил:

– Сын мой, а стоя перед воротами обители Господа нашего, что ты скажешь привратнику, когда спросит он тебя? А не обижал ли ты служителей Господа?

– Мой жирный брат, я отвечу привратнику, что почти двадцать лет воевал с еретиками и пару десятков их отправил в преисподнюю. А кости я переломал только одному жирному, спесивому монаху, который отказывал воину Божьему в сострадании.

– Не пойду я, господин, в трапезную. Пусть ваш холоп сам за Ливитусом идет, – ответил монах и обиженно ушел.

Ливитус был стариком лет шестидесяти, не утратившим, в свои года зубов и рассудка. После того, как Ёган и совсем молодой монашек помогли Волкову раздеться, отец Ливитус стал трогать и мять плечо. Он поднимал его руку вверх, отводил в сторону, чем причинял солдату боль. Но тот терпел.

– Да, господин, кто же вас так крепко приложил? И, главное, чем?

– Секирой.

– Секирой? И вы выжили?

– Я был в кирасе и бувигере. Знаете, что это?

– Хе-хе-хе, знаю, господин рыцарь, знаю.

– Я не рыцарь. Я простой солдат.

– Ах, вот как. Алчущий сольдо. Брат-солдат.

– Да. Брат-солдат.

– Ну, что ж сказать. С плечом у вас не все так плохо, как казалось.

– А, что, могло быть хуже?

– Осколочный перелом намного хуже. Но хорошего у вас тоже мало. Повреждена суставная сумка. И, кажется, вам, брат-солдат, придется искать другой хлеб, ибо ни щит, ни лук так хорошо, как раньше, вы держать больше не сможете. – Он повернулся к молодому помощнику. – Связывающую тугую повязку на ключицу и плечо, и примотать к торсу. Бодягу и выварку шиповника с райской кашей под повязку каждый день. Покажи слуге господина солдата, как накладывать повязку, а я посмотрю ногу.

Молодой высокий монашек с огромными глазами смотрел на солдата с благоговением и начал учить Ёгана, как накладывать повязку. А отец Ливитус, осмотрев ногу, спросил:

– Кто шил? Чем обрабатывали? И зачем рану смазывали дегтем с медом? Вы ж не лошадь. Чем присыпали?

– Чистотелом, – ответил Ёган.

– А шил ты? – Спросил монах у Ёгана.

– Не-е, девка одна, дочь трактирщика.

– Молодец девка, дочь трактирщика. Замуж ее возьми.

– Да я уже женат.

– Слава Богу, рана не воспалилась. Добрый знак. – Ска-

зал монах. — Дегтем мазали? Наверное, коновал насосоветовал. Это лишнее, брат Ипполит даст мазь, и ждем три дня. Если жара не будет — значит, все хорошо.

— Я смотрю, вы сведущи в ранах, — заметил солдат, левую руку которого брат Ипполит затягивал широким бинтом.

— Сын мой, как и вы, я ел солдатский хлеб. Правда, солдатом не был. Сначала я собирал раненых, а потом стал помощником лекаря. Так, что ран я повидал достаточно.

— Думаю, вы преуспели в медицине.

— Почему вы так думаете?

— К вашим годам вы сохранили все передние зубы и выглядите бодрым.

— Избегайте излишеств, сын мой. Не ешьте, когда не голодны, не пейте вина и пива до пьяна. Ну, а зубы... Крепкая нитка, мел, мята и щетка. Ну, и сарацинская вода. Чистить два раза в день, и ваши зубы доживут до моих лет. Если, конечно, до моих дней доживете вы, что с вашей работой маловероятно.

— Приготовьте мне все это к следующему визиту, буду хранить зубы.

Юный монах и Ёган помогли ему одеться.

— Не взыщите, сын мой, но деньги я с вас возьму. С крестьян стараюсь не брать, у них нет ничего, а с вас возьму, не побрезгаю.

— Сколько?

— Мне нужны две козы. Вернее, не мне, а одной бабе с

двумя детьми, у которой на стройке амбара мужика привалило бревнами. Теперь у нее два ребенка и муж-калека.

– Сколько стоят две козы?

– Девять монет.

– Ух ты, меня еще никогда так дорого не лечили. Но делать нечего, – Волков вытащил из кошелька две монеты по пять крейцеров. – Сдачу отдайте бабе с мужем-калейкой.

– Благослови вас Бог, сын мой. Брат Ипполит проводит вас.

После мази и утяжки плеча боль в нем заметно притихла. Солдат стал разглядывать монастырь и, заглянув в одну раскрытую дверь, сразу остановился:

– Брат Ипполит, а у вас здесь, что, библиотека?

– Да, – сказал молодой монах и, помедлив, добавил: – но посторонним туда нельзя.

– И что, много там книг?

– Не перечесть. Сотни.

– А что за книги? На каких языках?

– Книги разные, прашуры наши были мудры. Философы были, геометры, богословы, ботаники.

– Ботаники? Кто это?

– Люди, знающие толк в выращивании капусты и пшеницы.

– А, что, есть и такие? Я думал, в таком ремесле любой мужик разбирается. А что еще есть там?

– Есть древние, воспевающие полководцев и битвы.

– А, историки.

Монах посмотрел на него удивленно. И кивнул:

– Да, историки.

Они вышли во двор. Ёган помог Волкову сесть на лошадь.

– Ну, спасибо, брат Ипполит, – сказал солдат.

– Через три дня мы вас ждем, а повязку перетягивайте каждое утро.

Выехав из ворот, Волков неожиданно увидел красивый замок, стоявший на холме. Когда они ехали к монастырю, он его и не заметил.

– Чей это дом? – Спросил он у Ёгана.

– Госпожи Анны.

– Хозяйка – женщина?

– Несчастливая женщина.

Волкову было неинтересно про чужие несчастья, но Ёган продолжил:

– Коннетабль, которого убили дезертиры, был ее сыном.

– А-а, тот мальчишка? Как там его звали? Хельмут Грюн?

– Нет, его завали Рут. Кавалер Рут.

– Так в этом доме живет его мать?

– Жалко женщину. – Сказал Ёган. – У нее месяца три назад пропала дочь.

– А муж?

– А мужа у нее вообще не было.

– Так бывает, – философски заметил солдат.

– Говорят, что она была это... того... – Он перешел на

шепот, – дети ее были детьми старого графа.

– Барона?

– Да графа. Это земля графа, но не этого графа молодого, который сейчас граф, а его отца покойного, старого.

– А-а, Анна была любовницей графа, понял.

– А коннетабль кавалер Рут служил нашему барону. А у него была сестра, не помню, как зовут, вот она и пропала.

– А что это у вас люди пропадают? Девушка эта, а теперь сын трактирщика.

– Так у нас, почитай, раз в две недели кто-нибудь пропадает. С зимы началось.

– А что ж граф не наведет порядка? Чем барон занимается?

– Так молодому графу пятнадцать лет, он с друзьями своими паскудными охотится, пьет да девок портит. А барон наш так просто пьет. Не до того им.

– Барон пьет, значит?

– Ага, как сын пропал – так и пьет.

– А пропавших никто не ищет?

– Искали. Вот кавалер Рут и искал. А где искать-то? Кругом болота. Раньше хоть леса были, а сейчас вода одна. Даже собаки не сыщут.

– Ну, хоть мысли есть, куда люди девались?

– Лихо.

– Что лихо?

– Чума, война, дезертиры – лихо, – объяснил Ёган.

– Болван ты, Ёган. Что еще за лихо? Чума у вас закончилась еще зимой, дезертиров я видел четверых, что они тут делали? Добрые воины, такие везде нужны. Таким хорошие деньги платят, а они тут прохлаждались. Война так вообще вас не коснулась, и монастырь у вас не разграблен, и замков не пожгли, и в деревнях люд есть. Какое еще лихо? Порядка у вас нет.

– Это да, порядка у нас нет. Так я же говорю, барон то пьет, а граф молод еще. Раньше хоть коннетабль следил, а теперь-то кто?

– Да найдет кого-нибудь.

День шел под гору, когда они вернулись в Рютте. Харчевня была набита людьми, не то бродягами, не то нищими.

– Что это они, здесь ночевать будут?

– Ага, подёнщики? В монастыре, вроде как, стройка собирается, так сюда люд со всей округи попер. За любую деньгу работать готов.

– Эй, вы, – рявкнул солдат, обращаясь к троим поденщикам, собиравшим резать старого козла прямо в харчевне, – вы что делаете?

– Еду готовим. – Ответил один из них.

– А ну, пошли на улицу.

– Нам хозяин дозволил, – робко заметил другой.

– Вон, я сказал! – Заорал Волков.

Люди увели козла, а остальные в трактире притихли.

– Ёган, умыться и обед. Не забудь потом коней почистить.

– Все сделаю, – пообещал слуга.

Солдат остановился в нерешительности. Все столы в харчевне были заняты, Ёган заметил это.

– А ну-ка, – он подошел к одному из столов, – господа хорошие, переселяйтесь отсюда.

– Куда ж мы пойдем? – Спросили люди.

– Поищите, поищите. – Не особо церемонился с ними Ёган, выталкивая их.

– И кружки свои заберите.

– Да куда ж нам, на пол, что ли? – Возмутился один.

– Иди-иди, не доводи до греха моего господина.

Наконец, стол был освобожден, и Волков уселся на лавку.

– И позови мне трактирщика, – сказал он.

Пока готовили еду, Волков умывался и увидел трактирщика, который подошел к нему и поклонился.

– Все ли вам нравится у нас, господин? – Спросил трактирщик, елеин улыбаясь.

– Все.

– Мы вам так благодарны, не иначе как Господь послал вас, мы молимся о вашем выздоровлении.

– Молитесь? Это хорошо... Вот, если б ты еще не брал с меня за постой...

– Так мы можем договориться, – замялся трактирщик, – сколько дней вы хотите у нас пожить? А харчи считать будем? А простыня вам всё время будет нужна? А дровишки считаем? Ведь воду вам каждый день греем.... Все ж денег

стоит.

– Не врал бы ты – никаких денег тебе это не стоит. Хворост тебе работник твой собирает. На простыне я только одну ночь поспал, да и стирать ее ты дочь бесплатно заставишь... Ладно, я не про это.

– А про что? – Спросил трактирщик.

– Арбалет где?

– Какой арбалет? – Спросил трактирщик немного наигранно.

По этой наигранности солдат заподозрил, что плут знает про арбалет:

– Тот арбалет, из которого мне ногу прострелили.

– Не могу знать... Не могу знать, все, что в трактире было, мы все в вашу комнату сложили. Все вещи этих отродий в вашей комнате, и деньги все, и сапоги со всех сняли.

Теперь солдат был уверен, что он врет.

– Знаешь что, – сказал Волков, – я, пожалуй, дам двадцать крейцеров тому, кто видел арбалет. Я думаю, что кто-нибудь да видел его, и не дай Бог, если он окажется у тебя. Я поеду к твоему барону и скажу, что ты вор, и попрошу тебя повесить.

Волков говорил специально громко и все находившиеся в харчевне внимательно слушали его.

– А если барон не даст согласия, то я поеду к графу. Ну что, объявлять мне награду в двадцать крейцеров?

– Зачем же, господин, деньги тратить? – Поморщился трактирщик. – Я сам поищу, у людей поспрашиваю.

– Поспрашивай, поспрашивай, я думаю, что обязательно найдешь.

Ёган помог солдату снять кольчугу, и тот немного подремал, сидя за столом, пока готовилась еда. Статная Брунхильда принесла сковороду жареных с салом бобов, большой кусок ливерной колбасы, кувшин пива, свежий хлеб, лук. Налила пиво в кружку. Волков сделал глоток и поморщился.

– Ну и дрянь, – сказал он. – Вы из чего его делаете?

– Все пьют, не жалуются, – нагло заявила девица с вызовом глядя на солдата, – а вы прям как барыня.

– Я тебя уже предупреждал, чтобы ты не сравнивала меня с бабами.

– А то что? Саблей своей меня рубанете? – Ещё более нагло поинтересовалась Хильда. – Я прям боюсь.

– Вот видно, что не зря тебе дезертиры фингалов понаставили – язык как помело.

Девка зло, как кошка, фыркнула и гордо ушла.

– Эх, какая... – восхитился Ёган. – Аж жаром от нее пышит.

Волков усмехнулся и стал есть. Ёгана он за стол не пригласил, но половину еды ему оставил.

Удивительно приятно проснуться и осознать, что у тебя ничего не болит. Такое с ним бывало в детстве, а после того, как в одном из первых сражений его сбил рейтар на огром-

ном коне, такого не было. Он помнил это до сих пор. Рейтаров было совсем не много, лучников было в три раза больше, но кавалеристы разметали их в пух. Это было в последний раз на памяти Волкова, когда он видел лучников в открытом поле. В осадах они были еще нужны, а в чистом поле... уже тогда их век закончился.

В то удивительное, ясное, теплое утро, он получил повреждение, когда огромный рейтар в сверкающих латах на огромном рыжем коне врезался в него с хрустом и грохотом и поскакал дальше, разбрасывая других лучников, даже не заметив столкновения. С тех пор левое плечо и предплечье не давали ему спать на левом боку. Это было давно, после этого к боли в плече добавились другие боли, они то затихали, то возобновлялись снова. Одна из самых последних ран была рана в голень. Почти в стопу. Из-за нее он хромал. Её он получил совсем недавно, зимой. Но сегодня утром ни она, ни плечо не беспокоили солдата. Он лежал в теплой кровати. На простыне. На простыне были видны следы от клопов, но даже клопы не смогли разбудить его ночью, потому что у него ничего не болело, и он прекрасно спал. Где-то вдалеке ударил колокол. Внизу, в харчевне, кто-то ронял посуду со звоном, ругался.

Вставать не хотелось, хотелось лежать, но снова ударил колокол. Для утренней службы было поздновато. Волков нехотя сел на постель, и нормальная жизнь вернулась к нему. Плечо заныло. Он дохромал до двери, открыл и крикнул:

– Ёган!

– Да, господин, иду.

Ёган был тут.

– Бродяги разбежались?

– Ага, еще до зори, в село пошли.

– Ты ж говорил, они в монастырь идут работать.

– Ага, в монастырь. Но после похорон. Сегодня в Большой Рютте похороны.

– А кого хоронят? – Не понял спросонья Волков.

– Как кого? Коннетабля и его людей, которых дезертиры порубили. Весь народ на похороны пошел. Думают, раз коннетабля хоронят, то кормить будут.

– Дьявол, совсем из головы вылетело. Надо съездить от-
дать должное. Мальчишка был храбрый и один из стражников, можно сказать, мне жизнь спас.

– Умыться? Завтракать и лошадей седлать?

– И еще руку перетянуть, бинты ослабли, и смазать мазью нужно.

– Все сделаю, господин, – он, было уже, пошел, но остановился. – Ах, да, чуть не забыл, трактирщик передал вам...

Ёган показал арбалет.

Солдат сразу понял, почему трактирщик пытался его оставить себе. Он, как был, в исподнем спустился вниз и взял арбалет в руки. Это было не оружие, это было произведение искусства.

– Сам он, конечно, передать мне его не захотел, – заметил

солдат, разглядывая арбалет. – Теперь ясно, почему он хотел его припрятать.

– Ага, не захотел. Лежит, вон, в хлеву воет.

– Воет из-за того, что арбалет пришлось отдать?

– Да нет, из-за сына. Я ему сказал, что коня то мы нашли, а его сынка – нет. Сынок его сгинул, вот он и воет.

– Как бы он там не удавился в хлеву.

– Не удавится, у него еще два сына есть и две дочери. И еще трактир. Кто ж от такого богатства удавится?

Ёган распорядился насчет завтрака и воды и вернулся перебинтовывать плечо.

Солдат сидел на кровати и держал в руке удивительно красивый арбалет. На нем не было ни орнаментов, ни узоров. Арбалет был великолепен своим совершенством и законченностью форм. Ложе из желтого, твердого и легкого дерева. Волков не знал, что это за дерево. Оно было зашлифовано до гладкости стекла. Легкая и тонкая направляющая, колодка из каленой, клепаной стали, болты и клёпки тоже каленые, намертво стягивающие плечи. А сами плечи, он таких и не видел, но знал, что такие называются рессорой. Три тонкие кованые пластины были стянуты в одну огромную силу. Зажим для болта, спуск, механизм натяжения, ручка. Все было великолепно, совершенно.

Вошел Ёган. Волков протянул ему оружие:

– Возьми. Попробуй натянуть.

– Чего? За веревку тянуть?

– За веревку, – сказал Волков с усмешкой.

– А как?

– Как хочешь.

Ёган взял арбалет и попытался натянуть тетиву. С таким же успехом он мог бы попытаться натянуть оглоблю.

– Руки режет. Не могу.

– Хороший арбалет, – сказал солдат, – специально бить броню, сделан. Из таких рыцарей убивают.

Он взял из рук слуги оружие и одной рукой, при помощи ключа, натянул арбалет. Это было не сложно даже с одной рукой.

– Хорошо, сейчас я вас перевяжу, а вы есть будете. А я коней пойду седлать.

– Болты мне найди.

– Это что такое?

– Стрелы для арбалета. Должны быть в вещах дезертиров.

– Хорошо.

Волков сел на кровати, а Ёган стал снимать бинты.

– Не знаю, даже, как сказать, – начал он.

Солдат сразу подумал, что речь пойдет о деньгах:

– Так и говори.

– Трактирщик просит шесть крейцеров и восемь пфеннигов.

– Это за что еще столько денег? – Удивился Волков, – можно подумать, я тут на серебре ем. Его пиво – это помои. Он его бесплатно должен разливать.

– Не знаю, мне пиво нравится, я к такому привык. Только деньги он не только за пиво просит, а за овес для коней. Говорит, что кони наши овса на крейцер в день съедают. И вам, говорит, еду отдельно готовят. Вы мужичьей едой брезгуете. И в комнате спите, и на простыне, вот и набежало.

– Врет, паскуда, – беззлобно сказал Волков, – не могут четыре коня овса и сена на крейцер в день съесть.

– Это точно, пфеннингов семь, не больше. – Согласился Ёган.

– Значит, сына потерял, лежит в хлеву, воеет, а про деньги помнит?

– Ага, он у нас такой, про деньги всегда помнит.

– Ну, значит, не удавится, дай ему пять крейцеров, а если начнет ныть, напomini ему, что он арбалет хотел у меня украсть.

– Напомню.

Ёган прибинтовал плечо и руку к телу.

– Не туго? – Спросил он.

– Хорошо, – ответил солдат.

Ёган заметно мялся. Что-то хотел.

– Что? – Спросил солдат.

– Я, вот, думаю, если мы сейчас на кладбище поедem, можно мне какую-нибудь рубаху из дезертирских надеть, а то моя больно ветхая, а там люди будут...

– Люди? Ну, надевай.

– А можно мне ту, кожаную. Ту, в которой дезертир был

убит. Тот, чьи сапоги я ношу.

— Кожаную? Зачем тебе кожаная? Это рубаху под кольчугу надевают.

— Значит нельзя?

— Ты знаешь, сколько такая стоит?

— Красивая она, наверное, талер.

— Да, талер она и стоит, если брать у маркитантки. А если у мастера, то и все два.

— Ну, ясно, — вздохнул Ёган.

— Ты объясни, зачем она тебе?

— Ну, пояс у меня есть, от отца остался. И кинжал в ножнах. Я бы эту рубаху надел с поясом, и кинжалом, и сапогами, красиво было бы.

— Эта рубаха для войны, а не для красоты.

— Ну, понятно.

— Я собирался платить тебе крейцер в день. Ты за эту рубаху сто дней работать будешь?

— Я согласен, — сразу оживился Ёган.

— Ну и дурак, — сухо сказал Волков. — Да и не собираюсь я сидеть в вашей дыре три месяца.

— Ну, понятно, — опять вздохнул Ёган.

— Ладно, бери, но имей ввиду, денег я тебе платить больше не буду, пока рубаху не отработаешь.

— Я согласен, господин.

— Болван.

На кладбище было много народа... Бродяги, поденщики, мужики из обоих деревень, с хуторов, бабы, дети. Хоронили не кого-нибудь, а коннетабля барона и его людей. Волков и Ёган остановились чуть поодаль, слезли с коней.

– Барона видишь? – Спросил солдат.

– Не видать. Нету его. Фрау Анну вижу, попа нашего и его служек, сержанта вижу, управляющего вижу. Ни барона, ни баронессы нету. Да и гробов не видно, видать, схоронили уже.

– Фрау Анна это вон та, в черном, что у бочек за столом?

– Ага, она. Старая, а выглядит как молодая. Видишь, угощения сама раздает людям, не брезгует.

Высокая, стройная женщина в черном платье забирала у слуг куски сыра, колбасы и хлеба, и сама отдавала их людям, собравшимся на похороны. Люди брали, кланялись, шли к столам пить дармовое пиво. Бабам и детям давали пряник. Народ терпеливо ждал очереди. Священник был тут же, и он что-то втолковывал жующим людям.

Волков отдал повод коня Ёгану.

– Жди здесь.

– Господин, вы мне тоже колбасы возьмите, – сказал тот.

Волков взглянул на него неодобрительно и ничего не ответил. Растолкав людей, он подошел к фрау Анне, дождался момента, когда она заметит его, поклонился. Женщина, заметив его, перестала раздавать еду и подошла к нему.

– Здравствуйте, вы, видимо, тот рыцарь, который сражался с моим мальчиком с дезертирами.

– Да, мадам. Но я не рыцарь. – Волков разглядел ее. Он не дал бы ей сорока, и для своих лет она очень хорошо выглядела. Даже отсутствие одного из нижних зубов ее не портило. Солдат не сомневался, что в молодости она была красавицей. Не удивительно, что граф имел с ней общих детей.

– Надеюсь, – ее голос дрогнул, до сих пор она была спокойна и холодна, а тут вдруг послышались слезы, – надеюсь, он вел себя достойно.

– Безукоризненно, мадам.

– Я воспитывала его рыцарем.

– Вам это удалось.

– Вы... – она замолчала, и посмотрела солдату в глаза, – вы не могли помочь ему в бою?

– Нет, мадам. От арбалетного болта нет защиты. Если выстрел точный, это либо рана, либо смерть. Ему не повезло.

– Вы отомстили за него? – Она всхлипнула.

– Да, мадам. Я убил арбалетчика. Я убил их всех.

– Мне очень приятно, – она говорила сквозь слезы, – мне очень приятно, что такой воин, как вы, так высоко оценил моего мальчика.

Волков достал из кошелька черную от старости большую и тяжелую имперскую марку. Протянул ее женщине.

– Что это? – Спросила та.

– Это он дал мне перед боем за то, чтобы я помог ему.

Хочу вернуть ее вам.

– О чем вы? – Она даже отшатнулась.

– Я зря взял эти деньги.

– Если вы не рыцарь, то вы солдат, а это ваше сольдо. Если мой мальчик дал вам эти деньги, и они помогли избавить деревню от дезертиров, значит, мой мальчик поступил верно. Спрячьте деньги. Как вас зовут?

– Яро Фолькоф, – ответил Волков, пряча марку.

– Так вот, господин Фолькоф, мой мальчик правильно сделал, что нанял вас, а вы правильно сделали, что перебили этих бешеных собак. Я горда своим мальчиком.

– Для меня было честью сражаться с ним рядом, – Волков поклонился. – До свидания, фрау Анна.

– Господин Фолькоф.

– Да, фрау Анна?

– Мой дом рядом с аббатством. Знаете, где это?

– Знаю. Я езжу к монахам лечить раны. Я видел ваш дом.

– Заезжайте, я буду рада вас видеть.

Волков низко поклонился.

Они заехали к кузнецу, тот восхищался, осматривая арбалет, и обещал сделать к нему десять болтов.

– Господи, что ж за люди его сделали? Что за мастера? Видно не люди, а боги!

– Ты бы не богохульствовал, кузнец, при незнакомых людях, – беззлобно заметил Волков. – Бог у нас один, а арбалет

сделали люди.

– Великие мастера, – произнес кузнец.

После этого солдат и Ёган поехали к себе в Малую Рютте.

– Господин, – начал Ёган.

– Ну?

– Я тут подумал насчет рубахи...

– Какой еще рубахи? – Не понял Волков.

– Ну, вот этой, – Ёган хлопнул себя по груди, – кожаной.

– Ну и что надумал?

– Вот вы сказали, что отрабатывать мне ее три месяца, а вы тут у нас три месяца сидеть не собираетесь.

– Ну и? Вернешь рубаху?

– Нет. Не верну, я с вами поеду. Слуга вам нужен. Добра у вас много разного, а слуги нет, конюха нет, а вы ведь даже сейчас одеться не можете.

– Чтобы меня на первом кордоне схватили за укрывательство беглых крепостных?

– Так я ж не крепостной, я вольный! Мой отец с отцом барона договор заключал. Его земля – наши руки.

– А бабу свою, детей с собой возьмешь? А корову свою?

– А что, надо корову взять?

Волков не ответил, просто посмотрел на него.

– Корову не надо? Так оставлю ее детям.

– А детей?

– А детей брату.

– И жену брату?

– Не-е-е, жену не брату, хвора́я она у меня. У нее давно пальцы крючит. Она давно в монастырь хочет уйти. Да дети у нас, хозяйство.

– То есть ты все уже обдумал?

– Ага. Детей брату, он их любит, своих то у него всего двое, одна девочка и еще один дурачок. Он моих часто к себе берет, пряники им покупает, мед. А бабу в монастырь. И корову брату, и огород. А на детей я ему еще и с жалования деньгу давать буду. Всем хорошо будет. И вам хорошо. Вы без меня и огня сейчас не разведете.

– Болван! Я солдат, а не благородный. Большую часть жизни я прожил в палатке. Спал на земле, и даже на снегу, и в грязи. Половину своей жизни я провел в осадах. Либо ломал стены, либо сидел за стенами. Как ты думаешь, какое главное оружие солдата?

– Не знаю... Стрелы, наверное, или копье.

– Топор, мотыга и лопата. Мечом машешь редко, а лопатой каждый день. Я земли выкопал больше, чем ты. Я с утра приказы писал, днем копал, а вечером, когда другие солдаты отдыхали, я лейтенанту коней чистил, упряжь ремонтировал и за его доспехом следил, где к кузнецу ходил, где и сам делал. Понимаешь?

– Понимаю, – грустно вздохнул Ёган.

– У меня никогда не было слуг. Даже когда я попал в гвардию. Там у многих были слуги, они могли себе это позволить, но я все делал сам. Сам мыл свою лошадь, даже стирал,

если не было прачек, да и денег у меня не было на слуг.

– А сейчас то у вас вон, сколько вещей, лошадей, седел, талеров на сто.

– Может, и на сто, только часть из них нужно отдать.

– Кому? Барону?

– Нет, при чем тут барон. По обычаю военных корпораций десятина – деньга мертвых.

– Мертвых?

– Да, это доля принадлежит родственникам погибших. Так и называется – десятина мертвых.

– Десятина... Прямо как попом. И что ж, всегда по-честному отдавали?

– Как правило... Корпорации, роты, набираются в одной местности, там все друг друга знают, а зачастую еще и родственники. Ротмистры за этим следили, чтобы родственники всегда свое получали. Чтобы офицеры вели себя честно.

– А что, бывают нечестные?

– Бывало. Иногда не все отдают, а бывало и вообще ничего.

Ёган помолчал и спросил:

– Значит, не возьмете меня в работу?

– Некуда мне тебя брать. У меня ни кола, ни двора.

– Так двор тут можно купить, – оживился Ёган, – тут много пустых дворов, за дарма можно взять.

– Угомонись ты, – сказал Волков, – подумаю я.

За разговором они подъехали к харчевне.

У харчевни, с удивлением, солдат заметил, как местный мужик выводит из конюшни одного из двух оставшихся у него коней. Подъехав к мужику, Волков схватил его за волосы, запрокинул ему голову и зашипел прямо в лицо:

– Куда ты, смерд, повел моего коня?

– Староста... – мужик вылупил от страха глаза, махнул рукой. – Староста...

Волков бросил мужика, спрыгнул с коня и кинулся к старосте, которого сразу не заметил. Тот только успел злобно твякнуть:

– Мне...?

Кулак солдата заткнул его, сбил с ног. Староста упал на спину возле лужи, схватившись за лицо руками, заныл противно и фальшиво, Волков не остановился, пнул старосту сапогом в ребра, затем ещё раз, и ещё. Люди вокруг стояли и смотрели ужасом.

– Вор! – Орал солдат пиная старосту. – Крыса!

Староста пополз по грязи, пытаясь заползти под телегу, и визжал:

– Сказали мне, сказали коня взять

– Кто? – Орал Волков. – Кто сказал?

– Люди барона!

– Воровать тебе сказали?

Староста кряхтел, скулил, молчал. Солдат пнул его ещё раз в морду:

– Кто тебе сказал? Что сказали? Где они?

– Там! – Староста махнул рукой в сторону харчевни. – Там они!

Волков пошел туда, Ёган кинулся следом. Трактирщик, стоящий на пороге, кинулся в сторону, чтобы не попасть под горячую руку, но Волков схватил его за рукав:

– Где они? – Сухо спросил он.

Трактирщик сказать не смог, только указал пальцем на лестницу, что вела в его комнату. Солдат взлетел по лестнице, забыл про боль в ноге, толкнул дверь и увидел троих.

Это были люди барона, а именно: огромный сержант Удо Мюллер и два откормленных молодых детины. Они были в шлемах, в замызганных стеганках. У них в руках были копья, на поясах висели фальшионы. Морды наглые смотрели с издевкой. Один из них сидел на его кровати, разглядывал дорогую сбрую. Сержант стоял посреди комнат с кольчугой в руках, а третий присел у груды вещей, копался там.

– Сержант Удо, – сказал солдат, забирая из рук сержанта кольчугу, – а что ты делаешь в моей комнате, когда меня нет? Никак воруеть?

Тот, что сидел на кровати, встал, отбросил сбрую, взял в руки копье. Он был почти с сержанта ростом. Откормленный, румяный, морда наглая. Усмехаясь, сказал:

– Мы своё берем.

– Уходите, – сказал Волков, – иначе завтра расскажу барону.

– А, может, нам барон разрешил? – Сказал сержант Удо.

– Вот я завтра у него и спрошу.

– А, может, и не спросишь, – загадочно произнес мордатый стражник.

– Так значит, грабите постояльцев на земле барона, – солдат улынулся.

– Никого мы не грабим, – ответил стражник, – за своим пришли.

– За каким своим? Что-то я тебя тут не видел, в харчевне, когда тут ламбрийцы живые были.

– Тут были мои люди, – сказал сержант.

– А, так вы за деньгами мертвых пришли? – Догадайся Волков

– Да, за деньгой мертвых, я их офицер и должен отследить, что бы родственники погибших получили свою долю добычи

– Я им занесу, – произнес солдат.

– Мы сами им принесем, – сказал мордатый стражник, – и сами посчитаем, сколько с тебя взять.

«А что им будет, если они меня сейчас убьют? – Подумал Волков. – Кто их будет судить? Барон будет? Не будет. Никто не будет. Убьют и всё. Для них эти вещи – огромное богатство».

Солдат четко понял, что по-хорошему эта встреча уже не закончится. Но он попытался ещё раз:

– Завтра я принесу ваши деньги, здесь добра талеров на сто. Семьям ваших людей причитается десятина.

– Никому ты ничего не принесешь, – сказал мордатый

стражник уже без ухмылки, – мы всё заберем и всё сами посчитаем.

Волков, как бы невзначай, взялся за эфес, но ни как обычно, а как бы наоборот: большим пальцем от гарды, а не к ней.

– А ну не тронь железо! – Зарычал мордатый.

Тот, что копался в куче добра, тоже встал на ноги. Он тоже бы рослый и тоже был крупный.

– А ну-ка стойте, – вдруг заорал Ёган, хватая от стены ламбрийское копье.

Лучше бы он этого не делал. Держал он его, как крестьянин грабли.

– Стойте, – продолжал орать Ёган, – сейчас к Барону побегу. Доложу, что вы разбойничаете.

Сержант и стражники повернулись к нему, глядели на него, смеялись, один из них спросил:

– А не зарезать ли нам тебя, смерд?

Стражник, скорее всего, шутил, но Волков не стал выяснять, шутит он или нет. Зашипел меч, вылетая из ножен, и по ходу руки со всей силы солдат ударил в нос мордатого, снизу-вверх, через зубы. Удар запрокинул стражнику голову. Он выронил копье, схватился за лицо руками, заорал.

Обратным движением меча второму Волков ударил по древку копья. Тот был не собран, копье держал некрепко, оно упало на пол, звонко хлопнув. Сержант вылупил глаза, схватился за эфес. Волков плашмя шлёпнул его мечом по

руке. Сухо и коротко сказал:

– Отрублю.

Стражник, уронивший копьё, присел и попытался его поднять. Волков наступил на древко. Стражник упорствовал. Тогда Волков чуть толкнул его бедром, и тот уселся на пол. Мордатый, отплевываясь кровью, потянул с пояса фальшион и заорал:

– Убьем его, он мне зуб чуть не выбил!

Солдат не стал дожидаться, пока тот достанет оружие. Он сделал выпад прямой и быстрый. Меч вошел в мощную ляжку здоровяка на два пальца, и Волков чуть-чуть провернул его. Он знал, какой это производит эффект.

– А-а-а! – Заорал мордатый, роняя фальшион. Кровь залила ему штанину.

Сержант снова было хотел вытащить меч, но Волков снова шлёпнул его по руке, окровавленным мечом забрызгав сюрко и произнес:

– Я не шучу, отрублю руку.

Сержант несколько секунд стоял и смотрел на него.

– Уходите, – твердо сказал Волков.

– Что расселся? – Заорал Ёган и древком копьё ткнул сидевшего на полу стражника. – Не зли моего господина!

Стражник встал, поднял копьё и подставил плечо раненому товарищу, вывел его. Сержант еще пару секунд постоял, глядя на солдата, затем тоже вышел. Ёган вслед им выкинул из комнаты копьё и фальшион мордатого, заорал в трактир:

– Трактирщик, отдай этим болванам их барахло.

– Болванам? – Спросил его Волков. – А что ты будешь делать, когда я уеду?

– Да мне теперь тоже уезжать придется, – отвечал Ёган. – Если останусь, они меня повесят.

– Ну и дурак же ты, – сказал Волков и сел на кровать.

На него вдруг навалилась усталость, как после боя:

– Ты насчет обеда распорядился?

– Нет.

– Распорядись. И коней почистить не забудь.

– Не забуду.

Волков повалился на кровать и вздохнул, глядя в потолок.

– А чего вы вздыхаете? Вы молодец. Вон, как этих дуруломов уgomонили. Их обе наши деревни и все окрестные хутора ненавидят.

– Надо съезжать отсюда.

– А чего?

– Да ничего, вот только друзей у меня тут все больше и больше с каждым днем. Как бы не убили.

Он сел на кровати, стал вытирать меч от крови тряпкой:

– И найди-ка мне купца. С такой кучей барахла никуда не деться. Может, бежать приспичит. Тогда все это бросить придется. А не хотелось бы.

– Конечно, не хотелось бы. Тут деньжищ-то сколько... После обеда съезжу в Рютте, там всегда хоть какой-нибудь купчина да есть.

Купец и впрямь был «хоть какой». Убогая повозка с дражным верхом, в которую был впряжен полумертвый от усталости и старости, почти слепой мерин. Сам же купец был молод, костляв и энергичен. Но после того, как Волков спросил:

– Сколько у тебя денег?

Купчишка как-то сразу сник и даже сгорбился.

– Оборотных денег мало, мой старший партнер не дает мне развернуться.

– Я хотел продать тебе коня. Боевого. Он дорогой. Сколько у тебя денег?

– А как бы взглянуть на коня?

– Пошли.

Они вышли из трактира и зашли в конюшню.

– Вот этого я продаю, – сказал Волков, показывая гнедого.

– Да, это боевой конь, – сказал купец, вздыхая.

– Именно. Я и сам, покупая этого коня, торговался бы. До двадцати пяти. Я бы взял его за двадцать пять. Тебе отдам за двадцать.

– Шутите?! Он что, больной?

Волков поднял с земли кусок навоза, показал его купцу:

– Разбираешься?

– Ну не так, чтобы... Я не конюх... Я...

– А я конюх. Этому коню пять лет. Смотри сюда: все зубы целы. – Он показал зубы коня. – Всю жизнь в стойле стоял, не надрывался. Не ранен, не болен, хорошо кован. Отличная

выездка. С умом будешь торговать – двадцать пять за него получишь.

– Да, конь хорош. – Купец разглядывал коня.

– Ну, что, есть у тебя деньги?

– Ну есть... – Купец помялся. – Мой старший партнер...

– Я слышал уже про твоего старшего партнера. Сколько денег у тебя?

– Двенадцать талеров с мелочью.

– Ну, на этом торги можно считать закрытыми.

– Господин, подождите!

– Что еще? – Солдат был разочарован.

– Давайте так – я вам дам двенадцать талеров и еще одежду.

– Ты, дурак, пьяный что ли?

– Подождите, я сейчас все объясню. У меня хорошая одежда. Такую носят богатые горожане и даже благородные господа на севере.

– Ты в своем уме? Что за одежда? Сколько ее, что она стоит восемь монет?

– Это первосортная одежда, – купец вцепился в здоровую руку солдата и поволок его к своей повозке. – Поглядите. Такие куртки носят в Дредбурге и Солле. Даже благородные такое носят.

– Что это за дрянь? – Солдат с удивлением рассматривал куртку. Та была из хорошей ткани, но кургуза, а ее рукава были необыкновенно широки и разрезаны на ленты, под ко-

- торыми был виден дорогой атлас. – Хозяина собаки драли?
- Нет, что вы? Это специальные разрезы, посмотрите какой внутри дорогой материал.
- Ну уж нет.
- Ну, тогда вот, берет. С пером фазана.
- Убери.
- Посмотрите, какой бархат!
- Я тебя мечом рубану.
- Благородные только такое и носят.
- Я не благородный.
- А вот шелк, рубаха. – Купец достал черную, почти до колен, рубаху из шелка с узорами. – Драгоценная вещь.
- Дурень, это женское платье. Если только подол обрезать. – Рубаха солдату определенно нравилась. – И что это за ворот? Это же женский ворот. И рукава расшиты.
- Нет, что вы, это мужская рубаха. Стоит всего два талера.
- Талер.
- Не могу, – купец молитвенно сложил руки. – Отдал за нее шесть пудов пшеницы и четыре пуда меда.
- А это что? – Волков заглянул в повозку купца.
- Панталоны. Тоже шелк. Их отдам за талер.
- Полтора талера за рубаху и штаны.
- Накиньте хотя бы двадцать крейцеров.
- Замолчи, показывай, что еще есть. Там у тебя что?
- Это ленты, нитки, крестьяне берут перед свадьбой.
- А там?

– Иголки, гребешки, ножи, точила.

– А тут? – Волков ковырялся в вещах купца.

– Пряники, леденцы, соль.

– Перец, гвоздика, шафран есть?

– Откуда? Мой старший партнер...

– Я понял, ничего больше у тебя нету.

– Вот, – купец потянул с пальца крупное серебряное кольцо с красным камнем. – Семейная драгоценность. Мой отец...

– Не смей мне врать. Стекляшка. Каждый купчина такой таскает. Простак дурачить. Отдает всегда как последнюю ценность.

– Да тут серебра на пол талера.

– По лбу дам. Тут серебра на пять крейцеров.

– Ну, хорошо. – Купчина полез под рубаху и достал оттуда крест, протянул его Волкову.

Волков взял, осмотрел. Золото было настоящим.

– Пять талеров, – сказал купец.

– Ты доиграешься. Золото, конечно, настоящее, но его тут не больше, чем на три.

– Это по весу. А работа? Посмотрите, какая работа. Этот символ достался мне от матушки.

– Так же, как кольцо от батюшки. Ладно, допустим. И того восемнадцать с половиной талеров. Это все, что ты можешь дать за коня, стоимостью двадцать пять?

– У меня больше ничего нет, – чуть не плакал купец. –

А давайте так, — он оживился, — я оставлю вам своего коня и товары, возьму вашего и поеду в город, завтра к вечеру вернусь и рассчитаюсь полностью.

— Твои товары стоят пол талера, да и то вряд ли. Лошадь твоя, может тебя не дожидаться, сдохнет завтра, а живодер за ее кожу и трех крейцеров не даст. А твоя повозка стоит десять крейцеров, — солдат помолчал. — Ладно, я согласен, поедешь в город на моем коне и привезешь сюда своего старшего партнера, скажешь ему, что у меня товара на сто сорок талеров.

— За сто сорок талеров он приедет, — радостно кивал купчишка, — только вот...

— Что?

— Седло бы мне.

— Ты мои седла видел? Они ламбрийской работы. Два с половиной талера каждое.

— И вправду дорогие, — сморщился купец.

— Ламбрийская работа.

— Да-да, ламбрийская работа.

— Берешь?

— Ну, а что ж делать, беру.

— И того, с тебя двадцать два с половиной талера. Ты мне дал денег и товаров, на восемнадцать с половиной, с тебя четыре монеты. За такие деньги я тебя найду и повешу, если попытаешься сбежать.

— Не волнуйтесь, я вернусь. Я здесь все время торгую. Зав-

тра привезу вам деньги.

– Главное – ты партнера своего привези. Скажи ему, у меня оружие, лошади, седла и сбруя.

– Он приедет, – пообещал купчишка.

Когда он уехал, Ёган и Волков залезли в его повозку, стали копаться в вещах.

– Ух, ты, – обрадовался Ёган, – леденцы. А это что?

– Сахар, – сказал солдат.

– Сахар!

– Ты что, не видел его никогда?

– Видел, только никогда не покупал. А это что? Пряники, – он достал большой квадратный пряник, – леденцы и сахар не покупал, их разве укупишь? А вот пряники покупал. А что тут написано?

Волков взял огромный и твердый как доска пряник и прочитал:

– Цех пекарей славного города Вильбурга.

– Вильбург... я там бывал, – вспомнил Ёган.

– Так как же его есть можно? – Удивился солдат. – Он же как камень.

– Зато стоит всего два крейцера. Его на всю семью хватит. Дети его очень любят.

– Да на нем все зубы оставишь, – солдат постучал пряником о край телеги.

– Ничего не оставишь! Толкушкой разобьешь, в молоке замочишь... Вкуснятина!

– Забирай все себе. Раздай детям. Леденцы тоже. И не только своим, чужим дай тоже чего-нибудь. Скажи, пусть молятся за погибшего коннетабля. Как там его звали?

– Его звали кавалер Рут, – сказал Ёган.

– Да, кавалер Рут.

– Господин.

– Ну?

– Я вот, что хотел сказать. Мне оставаться в деревне теперь, резона нет. Сержант с дружками меня сгнобят. По-всякому уходить придется, с вами или без вас. Я бы хотел, чтобы вы меня научили мечом рубить.

Честно говоря, солдат и сам уже об этом подумывал. Он уже решил взять Ёгана с собой. Волков понимал, что он с одной рукой даже коня оседлать не сможет и рассматривал Ёгана как своего слугу. И думал о том, что крепкий мужик с копьем или арбалетом, стоящий за спиной, значительно облегчит жизнь отставному гвардейцу.

– Научу.

– Значит, берете меня в службу? – Заулыбался Ёган.

– Ну не бросать же тебя, дурака, на съедение сержанту, – ухмыльнулся Волков.

– Хочу научиться мечом...

– Владеть мечом – удел благородных. Сложное оружие. Долго учиться придется. А вот копье – оружие настоящего бойца.

– Копье? – Разочарованно спросил Ёган.

– Да, копьё. При равном доспехе и равном опыте, копейщик всегда зарежет меченосца.

– Да неужели? А от чего все благородные носят мечи, а не копьё.

– Благородные носят мечи, чтобы между собой драться. И смердов безоружных рубить.

– А ещё для красоты, – добавил Ёган.

– Ну, не без этого.

– А я бы, все-таки, хотел мечом...

– Болван. Мечом овладеть – нужны годы. Нужно руку держать, кисть, плечо. Нужно опыта набраться.

– Руку держать? Это как?

– Нужна сильная кисть.

– Так у меня сильная! Я с вилами ещё как управляюсь, могу целый день солому кидать.

– Пойдем-ка в харчевню, я покажу тебе, что такое надержанная рука.

Они зашли в харчевню, сели за стол друг напротив друга.

– Ставь локоть сюда, – сказал солдат.

– А... на ручках бороться хотите? – Обрадовался Ёган. – Ну, давайте.

Они взялись за руки.

– Ну, вали меня.

– Сейчас.

Ёган напрягся, и его рука тут же оказалась прижатой к столу.

– Как так? – Удивился он.

– Что?

– Давайте-ка еще.

Через секунду рука мужика была снова прижата к столу, а он возмущался:

– Да как так-то?

– А так, – отвечал Волков, – я солому целый день кидать не смогу. А вот меч в руке держу уже лет двенадцать или тринадцать. А в гвардии фехтование было у нас ежедневным занятием. И скажу тебе по секрету, по владению мечом я едва ли попадал в первую сотню.

– Не уж-то? А сегодня вы наших олухов вон как мечом проучили.

– Потому, что они олухи, и я застал их врасплох.

– А сколько лет нужно чтобы научиться мечом... Ну, как вы.

– Чтобы владеть мечом, нужны три вещи: скорость и реакция, сильное плечо, и очень, очень, очень сильная кисть. Кисть у тебя не слабая, плечо хорошее, а вот скорости в тебе я не вижу. Тебе все что угодно подойдет, но не меч. Меч – оружие молниеносное и точное, а для тебя... секиры, чеканы, алебарды, молоты, копья. Копье лучше всего. Настоящее орудие убийства.

– А я бы, все-таки, хотел меч.

– Болван ты, вот что я тебе скажу. Иди, бери копьё и маленький треугольный щит.

В харчевне никого не было. Пара мужиков храпела на лавках, да кухарка гремела чаном.

Ламбрийское копьё в шесть локтей, легкое, как игрушечное, но это вовсе не игрушка. Отличная сталь наконечника в локоть длинной, острое, как шило. И очень прочное. Древко легкое, идеальное, пружинистое.

– Хорошая вещь, – рассмотрел копьё солдат. – Никакая кольчуга не спасет. Жалко тебе такое давать, пока не научишься. Вставай чуть боком, левую ногу чуть вперед. Только не выставляй далеко. Зазеваешься – проткнут сразу. Щит, конечно, маленький, кавалерийский, но других нет. Поэтому подсаживайся. Щитом нужно работать все время. Чтобы и лицо, и пах мог прикрыть.

– Да как же это можно? Его же не хватит на все.

– Им надо работать. Давай к стене, сюда, – солдат подвел Ёгана к стене, указал на нее. – Тут лицо врага, тут пах, тут ляжки.

– Ага... И чё?

– Шаг вперед – удар в лицо.

Ёган послушно ткнул копьем в стену.

– Закрылся щитом, шаг назад. – Руководил солдат.

– А в живот не бьем?

– На животе панцирь. Шаг вперед, удар в левую ляжку, закрылся щитом, шаг назад. Шаг вперед, удар в пах, закрылся щитом, шаг назад.

Ёган все послушно выполнял.

– Шаг вперед, удар в левую ляжку, закрылся щитом, шаг назад. И еще раз то же самое в лицо.

– Сделал. – Отрапортовал Ёган. – Всё?

– До сколько умеешь считать?

– Да хоть до скольки.

– Ну, тогда повтори всё это триста раз.

– Триста?

– И давай пошевеливайся, ужин скоро.

Солдат сел на лавку и комментировал:

– А ты что прямо то стоишь? Мишенью работаешь? Подприсядь.

– Да ноги заломило.

– Так и должно быть.

В харчевне появилась Хильда. Она с любопытством наблюдала за Ёганом и спросила надменно:

– А чего вы это стенку каляете?

– Забава у нас такая, – сказал солдат. – Посидишь со мной? Выпьем пива или вина.

– Дурь какая-то, а не забава. А с вами сидеть мне не досуг. Авось не дура и не гулящая. – Фыркнула девица и ушла.

– Не останавливайся, – сказал Волков Ёгану. А сам поднялся себе в комнату, куда слуга снес вещи купца. В этих вещах он нашел самую яркую ленту. Рулончик он положил себе в кошель.

Брунхильда вытирала столы тряпкой.

– Хильда, – позвал ее солдат, – пойди, что покажу.

Девушка посмотрела на него настороженно и с подозрением.

– Чего еще покажите? Не пойду.

– Подарочек тебе.

Девушка ломалась, но уж больно хотела посмотреть, что за подарочек. Солдат достал ленту и положил на стол.

– Подарочек тебе, – повторил он.

Девушка бросила тряпку на стол, подошла.

– Чего это? За что?

– Да ни за что. Давай посидим, пивка выпьем.

– Мне папаша не велит с мужиками за столом сидеть.

– Так я и не мужик. Я солдат.

– Тем более. С вами, с благородными.

– Ну, бери просто так.

– Просто так? – Не верила девушка.

– Да, просто так.

– Ни за что? – Она все еще сомневалась.

– Это просто подарок. Ты красивая, хочу сделать тебе подарок.

– Прям уж, красивая. С синяками, в этих лохмотьях. – Хильда заметно покраснела.

– Да, красивая.

– Ой, да мне все это говорят. – Сказала девушка и коротким движением, как кошка, схватила ленту. И чуть отошла, боясь, как бы не отняли. Отойдя, она распустила ее, посмотрела и осталась ей довольна.

– Ну, спасибо вам, – произнесла она и ушла.

– Эх, – сказал Ёган, – вот это девка, у нас в деревне на нее все мужики облизываются.

– Ну не мудрено, статная девица.

– Зад у нее волшебный, у нас один мужик говорил, что дал бы крейцер, если б она позволила хоть один палец ей в зад засунуть.

– Вот как, – солдат усмехнулся.

– Я б тоже дал бы крейцер, я вот думаю, – начал было Ёган.

– Ты сколько раз сделал? – Перебил его Волков.

– Сто двадцать два.

– Дodelывай давай, а то до ночи будешь стену тыкать, а тебе еще коней чистить. Стоит он... мечтает про бабы зды.

Ёган вздохнул и отвернулся к стене.

– И еще, чуть не забыл, – вспомнил солдат, – одежду, ту, что сегодня купил, постирай и высуши к утру.

– Ага, повешу, у огня высохнет.

– Не вздумай, это шелк, стоит огромных денег, спалишь мне одежду, она легко горит.

– А что, вшей не выжигать?

– Это шелк, в нем не бывает вшей.

– Удивительно.

Утром они были на ногах с первыми петухами. Поденщики, ночевавшие в харчевни, с завистью смотрели на сковороду жареной колбасы с яйцами, на теплое молоко с пшенич-

ным хлебом и медом, которые носила на стол солдата Брунхильда. Она мудрено подвязала волосы лентой, которую ей подарил Волков, а он сидел за столом и откровенно любовался ею. Ловкая, сильная, грациозная. Ему было наплевать и на синяк, и на отсутствие зуба, и то, что ухо еще было фиолетовым. Для солдата это были незначительные мелочи, а вот длинные ноги, широкие бедра, красивые плечи и тяжелая грудь под ветхой кофтой и нижней рубахой его очень даже трогали.

Когда Волков поел, она принесла еще хлеба Ёгану, который сел доедать за солдатом. Хотела уйти, но Волков поймал ее за руку.

– Чего еще? – С вызовом спросила девица.

– Ты красавица, наглядеться не могу.

– Ой, вы прям спозаранку начали.

Солдат молча разогнул указательный палец девушке и надел на него серебряный перстень со стекляшкой, тот, что забрал у купчишки.

– Мне? – Искренне удивилась Брунхильда.

– Да нет, мамаше твоей, – съязвил Ёган.

Она даже не взглянула в его сторону, неотрывно разглядывала перстень.

– Нравится? – Спросил солдат.

– Нравится то нравится, а чего это вы мне кольца-то дарите? Благородные простым кольца не дарят.

– А я и не благородный.

– Да хоть и так, а все одно – думаете, как благородный. Думаете, подарю ленту, да кольцо, а потом буду тискать на конюшне.

– А что ж, замуж ему тебя звать что ли? – Опять съязвил Ёган.

– Тебе-то, голодранцу, замуж меня звать – пустое, даже будь ты не женат, – высокомерно заявила девица, – и если господин твой позовет, я ещё и то думать буду.

– Наглая, а? – Восхитился Ёган и хотел было дать ладонью девице по заду, но та грациозно увернулась и гордо ушла. – Ну не наглая, а?

– Доедай и коня мне седлай.

– А мне не седлать?

– Тебе нет, я поеду к монахам, пусть руку еще раз посмотрят.

– А что, опять болит?

– Нет. На удивление. Монахи – хорошие лекари. Как у них были, так плечо с тех пор ни разу еще не болело, а про ногу так вообще забывать стал. Хромаю только из-за старой раны.

– Может, мне с вами? Дороги то не спокойные.

– Что за дурь? Я же не девица. Я, что, до монастыря один не доеду?

– Доедете, конечно, – согласился Ёган, – только вдвоем надежнее было бы.

– Нет, ты возьмешь телегу купчишки и поедешь к кузнецу. Поговори с ним, может, он эту рухлядь в добрый тарантас

превратит? Может, новые оси железные поставить?

– Поговорю, господин. Только, скажу вам честно, из этой рухляди путного ничего не выйдет. Купчишка за телегой не следил. Гнилая она.

– Тогда будем новую присматривать. И конягу простого, не боевого же в нее впрягать.

– Найдем, господин.

– И не забудь у него мои поножи забрать. И болты к арбалету.

– Заберу, господин.

Совсем скоро солдат забрался на лошадь и отправился в монастырь. Сильно не гнал, но и шагом не плелся. Доехал быстро. Как в прошлый раз, не без скандала с привратником-толстяком попал к отцу Ливитусу на прием.

– Вы оторвали нас от утренней молитвы, – назидательно заметил монах. – Я общался с Богом.

– У вас и у Бога впереди бесконечность, а у меня сегодня куча дел. Так что вы уж извините. К тому же, две козы стоят утренней молитвы.

– Не богохульствуйте, сын мой, – монах погрозил пальцем, едва заметно усмехнулся.

– Я принес деньги, – солдат протянул монаху две монеты по пять крейцеров.

Отел Ливитус денег брать не стал, их взял брат Ипполит.

– Вы жертвуете на доброе дело, – произнес монах. – Гос-

подь не забывает о таких делах.

– Никогда не сомневался в этом.

Брат Ипполит помог солдату раздеться.

– Как вы себя чувствуете? – Спросил отец Ливитус.

– Намного лучше.

– Ну, что же, вижу. – Монах стал осторожно разминать левую руку солдата. – Получше стала, получше. Но это не от мази, это от перетяжки. Брат Ипполит, накладывайте повязку снова.

– И долго мне ее носить?

– Если хотите владеть рукой, то до зимы.

– До зимы!? – Удивился солдат.

– Да, сын мой, до зимы. Вам разворотили суставную сумку, я вообще удивляюсь, что вы можете ее поднять.

Брат Ипполит примотал руку к торсу бинтами накрепко.

– Так, давайте, показывайте ногу. Ну, тут все заживает как на младенце. Жара, озноба не было?

– Нет, не было. Чувствую себя нормально. – Он вздохнул. – Неужели придется носить бинты до зимы?

– Да, сын мой, придется.

– Я хотел завтра покинуть ваши края. Кстати, а что вы говорили про сохранность зубов? Какой-то мел нужен, сарацинская вода?

– Мы вам все приготовили.

– Сколько с меня?

– Вы уже за все заплатили, – сказал отец Ливитус. – Брат

Ипполит вам все уже приготовил. И для зубов, и для плеча. И бинты, и мазь. Если не уедете – через три или пять дней приезжайте. Поглядим вашу руку.

– Все-таки уеду.

– Жаль. Такой человек нам в графстве был бы нужен.

– Нужен?

– Нужен. Вы же видите, что порядка нету.

– Я много где был. Сейчас порядка нигде нету. Война столько лет идет, да и чума еще.

– Ну, если надумаете остаться, я представлю вас аббату. Я говорил ему о вас. После уборки бароны устроят съезд перед фестивалем. Думаю, многие захотят видеть у себя такого человека. А может, и молодой граф созреет к тому времени.

– Вряд ли я так долго задержусь здесь.

– Что ж, еще раз очень жаль.

Они попрощались. Брат Ипполит дал солдату холщовую сумку с мазями, бинтами, средства для зубов, заодно рассказал, как этим всем пользоваться, проводил до двора и даже помог сесть на коня.

– И тебе здоровья, молодой человек, – ответил солдат и выехал из монастыря под недобрый взглядом толстого при- вратника.

Как выехал – так сразу зарядил дождь. Мелкий, нудный. Морось. Все утро его не было. Казалось, вот-вот выглянет солнце. Но не выглянуло. Пошел дождь проклятуший. Волков накинуд капюшон, двинул лошадь легкой рысью, по-

глядывая на дом фрау Анны. Дом был – небольшой замок. Небольшой, но красивый. В не очень узких окнах блестели стекла. Видимо, у фрау Анны водились деньги. Даже балкончик был. Волков видел уже балконы, далеко на юге. В здешних местах балконы были редкостью. Около замка стояло пять или шесть домишек. Бродил десяток коров вдоль леса. Лес плавно переходил в болото. Вскоре все это осталось позади.

Глава четвертая

Холерный мужик

**Откуда взялся ты:
из смрада трупной ямы?
Иль тварь тебя из ада породила?
«Тотентанц» XVI век**

Было не холодно, но дождь не прекращался. Солдат рано встал, и его заметно клонило в сон. Спать в седле – дело очень опасное. Но именно в седле так хочется спать. Особенно если конь идет шагом. Время от времени солдату приходилось взбадривать себя, ставать в стременах, шпорить коня, пуская его в рысь, вытирать лицо мокрой перчаткой. Но, чуть проехав, он снова начинал клевать носом. И вот в один такой момент, когда он едва не закрыл глаза, его верный конь вдруг взбрыкнул. Коротко всхрапнул, он вытянул голову вперед и

прижал уши. Он шумно дышал и начал пятиться. Таким, за все три года владения, солдат его не видел.

— Эй, ты чего? — Волков похлопал коня по шее, тот остановился, затанцевал и вдруг лягнул воздух. — Да что с тобой, дьявол тебя бери? — Он снова гладил коня по шее, пытаясь его успокоить. — Давай-ка потихонечку вперед.

Конь буквально затанцевал на месте, но вперед не шел.

— Да какого ж дьявола ты так распалился? Тут на три лиги ни одной кобылы нет, чего ты танцуешь?

Но конь продолжал перебирать ногами, готовый вот-вот встать на дыбы.

— А ну-ка успокойся, доиграешься. — Повысил голос солдат. Он с силой натянул поводья, хотя одной рукой это было сделать непросто. — Успокойся, волчья ты сыть.

И тут он услышал плеск воды и хруст кустарника. Он поднял голову, чуть обернулся и увидел, как по болоту шлепает огромными ножищами здоровенный, почти голый мужик. На мужике были только остатки драных штанов. Волос у него было мало, но они были длинные, редкие космы свисали до плеч. Сам он был крупный, если не сказать огромный. Одутловатый, словно больной. С неестественным свисающим брюхом. Но даже по болоту мужик двигался очень проворно. Огромными ладонями с черными ногтями он отодвигал редкие орешины и шёл прямо к Волкову. Тяжело дышал, но шёл быстро. Волков с удивлением рассматривал его лицо. Мужик был явно тяжело болен. Глаза его были бес-

цветные, водянистые. Губы распухшие, серые, в пол-лица, а кожа серо-зеленая.

– А ну, стой! – Крикнул ему солдат. Уж больно недобр был мужик.

Но тот продолжат идти. Конь под солдатом просто бесился, но Волков тянул и тянул на себя узду, не давая коню поднять голову. А больной мужик хрипел и шлепал по болоту огромными ножищами все ближе.

– Эй, ты, чумной! Или желтушный. А ну, не подходи! Стой, говорю! Меч возьму – располосую.

И тут конь захрапел, заржал сдавленно и жалобно. Страшный мужик неумолимо приближался. Он буквально пожирал солдата глазами. При этом он стал еще чавкать, как будто захлебывался слюной, и уже тянул руку, хотя был еще в десяти шагах. Чтобы достать меч, Волкову пришлось бы бросить поводья, а конь почти взбесился и ждал этого.

– Надо бы освежевать тебя! – Крикнул солдат. – Чтобы ты не пугал людей, но сейчас мне некогда.

Он чуть отпустил повод, и... даже шпорить коня не пришлось. Тот рванул так, как никогда в жизни. Солдат чуть не завалился на спину от неожиданности, еле удержался в седле.

Почти всю свою взрослую жизнь Волков провел в седле. Он даже вспомнить не мог, сколько жеребцов, меринов и кобыл у него было. Под ним только четырех убили. И в умении держаться в седле, если он и уступал кому-то, то, наверное,

только рыцарям-турнирщикам да старым кавалеристам. Это его и спасло. Поэтому и не вывалился. Но, как бы хорошо не был кован конь, если он несется изо всех сил по глине и лужам, он поскользнется.

Так и случилось. Пока солдат восстанавливал равновесие, пытаясь взять коня под контроль, конь поскользнулся. Перебирал ногами, пытаясь устоять, но уже летел боком в большую лужу, образовавшуюся в колее. Все, что успел сделать Волков, – это вытащить ноги из стремени. И когда конь уже летел в лужу, тот перекинул ногу через седло и очень удачно спрыгнул. Скользя по глине, пробежался, пытаясь удержать равновесие. «Лишь бы не на руку. Лишь бы не на руку», – твердил он и почти удержался на ногах, но все-таки упал на бок, безопасно, но изрядно перемазавшись в глине. Конь пролетел мимо него, поднимая фонтан брызг. Скользя, Волков с трудом встал на одно колено, а страшный мужик, шлепая по лужам, бежал к нему. Он был уродлив и близок.

– Ну, ты сам этого хотел, – сказал Волков и потянул меч.

До уродца был десяток шагов. Солдат встал в стойку, отвел меч вниз и чуть в сторону. Ждал. Огромное пузо колыхалось из стороны в сторону на каждом шагу, так и манило ткнуть прямым уколом с выпада, но что-то остановило солдата. Он уже знал, что сделает, но почему-то хотел рассмотреть этого мужика поближе. Поэтому, когда до мужика оставалось всего два шага, а тот просто летел на него, выставив вперед руки, Волков просто сделал шаг в сторону, вле-

во, подприсел и секущим ударом с оттягом врезал уродцу в ногу, чуть выше колена. Секущий удар со всего размаха срежет любую ногу не защищенную доспехами. Солдат рассчитывал увидеть брызги крови и уродливую отечную ногу в луже. Но произошло невероятное, меч глухо звякнул, как будто им пытались разрубить толстую дубовую ветку и чуть не выскользнул из руки. Солдат даже не понял, что произошло, но его спасло то, что чумной мужик со страшным хрустом полетел в не глубокую придорожную канаву с водой, поросшую хилым орешником. Не дожидаясь пока он начнет вставать, солдат кинулся к лошади на ходу пряча меч и надеясь, что лошадь ничего себе не сломала. Он еле успел поймать коня. Тот был здоров и уже готов был броситься бежать.

– Да стой ты! Дьявол в тебя что ли вселился? – Ругал солдат коня, пытаясь попасть в стремя. – Получишь у меня плети.

Он влез на коня с большим трудом, в седло еще не уселся, а конь, как ошпаренный, полетел прочь. Через двести шагов Волкову удалось остановить коня. Он оглянулся назад, но ничего не увидел. На дороге никого не было, вот только лошадь и он сам были перепачканы в глине, да и у коня был разодран правый бок. Видно разодрал стремянем, когда упал. Солдат достал из ножен меч и осмотрел лезвие.

– Да что ж такое, – на великолепном клинке он нашел маленькую, в толщину ногтя, зазубрину. – Ну надо же, – он сильно расстроился, – надо убираться отсюда побыстрее. Что

за места такие поганые.

Левой ногой он чуть тронул коня шпорой, а тот, шальной, сорвался и полетел.

– Да не несись ты так, дурень, – зло сказал Волков, придерживая его, – мало ты кувыркался сегодня в лужах, чертов сын.

У харчевни стояла добротная, большая телега, покрытая крепкой дерюгой с добрыми мериными, впряженными в нее. Там же пара оседланных лошадей с вооруженными людьми, явно неместными. Тут же были небольшие возки. Вооруженные люди внимательно осмотрели Волкова, когда тот подъехал. На встречу ему выбежал взбудораженный Ёган.

– Купец приехал! – Сообщил он. – Не купец, а прямо граф какой-то, я таких даже в городе не видал. А что это с вами? Весь плащ у вас в глине.

– Пошли кого-нибудь за коновалом. Только скажи, что не мне, а коню нужно. А то этот дурак побоится прийти.

– А с конем-то что?

– Поскользнулся.

– Вижу, вон бок подрал. Сейчас отправлю за коновалом кого-нибудь. А вы-то как? Рука-то целая?

– Цела. Помоги плащ снять.

Они вошли в харчевню, где Волков сразу увидел двух купцов. Вчерашнего купчишку и купца настоящего. Они отличались как день и ночь. Вчерашний купчишка походил на

богатого крестьянина, настоящий купец был похож на городского вельможу, а вовсе не на графа, как казалось Ёгану.

Черный бархат, тяжелая серебряная цепь, роскошный берет, с пером заморской птицы. Пальцы... все пальцы в золотых кольцах и перстнях. Купцы встали. Городской купец был крупный, лет под пятьдесят, борода уже седая. От избытка крови все лицо в мелких сосудах. Не дойдя до купца трех шагов, Волков остановился и поклонился. Купец поклонился тоже, хотя берета не снял.

– Меня зовут Яро Фолькоф, я отставной солдат.

– Я Альфонс Рицци. Я глава купеческой гильдии славного города Вильбурга. Доверенное лицо отца нашего, герцога Карла Оттона четвертого курфюрста Ребенрее, – заговорил купец низким голосом с заметным южным акцентом.

– Рицци? Вы из Фризии или из Ламбрии?

– Я из Верго.

– Из Верго! – Солдат даже обрадовался. – Я шесть лет назад со своей ротой стоял в Верго на зимних квартирах. Самые добрые воспоминания об этом городе. В порту там есть харчевня, где собирались сарацинские купцы. Я там научился пить кофе. Они добавляют в кофе сахар, – солдат внимательно следил за купцом. – Уверен, что вы пробовали. Наверняка были в портовой таверне.

– Пробовал, хотя это было очень давно и эту черную жижу тогда пили без сахара. С мускатом. А в портовых тавернах я не бываю. И предпочитаю наши вергийские вина.

– У вас хороший вкус.

Они сели за стол, где тут же появился трактирщик.

– Вина или пиво? – Спросил Волков.

– Пиво. Для вина еще рано.

– Два пива, – сказал солдат.

Трактирщик исчез.

– Как добрались?

– Отвратительно, дороги размыты, сыро. Выехали в ночь, а добрались только что, – отвечал купец, чуть спесиво выпячивая губу добавил. – Надеюсь, я не напрасно сюда ехал?

Волков смотрел на него, улыбаясь. «Ты летел сюда, жирняк, всю ночь, из-за торговли на сто талеров, значит, для тебя это хорошая торговля», – думал солдат и произнес:

– Ну, что ж, не будем тянуть. Пойдемте в конюшню, у меня есть хороший конь.

Они пришли в конюшню.

– Ёган, отвяжи гнедого, выведи на свет, – приказал солдат.

– Неплохой конь, – сказал купец Рицци, осматривая жеребца.

– Конь отличный. Я хочу за него тридцать.

– О-о-о, – сказал купец, пристально уставившись на солдата, – да я вижу, вы шутник? Вы пригласили меня, чтобы я посмеялся над вашими шутками?

– Смеяться вы будете не над моими шутками, а надо мной, когда продадите коня потом за сорок.

– За сорок? А почему не за сто сорок?

– Потому, что он стоит сорок.

– Он стоит двадцать два талера. Двадцать два. И это, если вы еще найдете покупателя. Рыцарство и дворянство обнищало. У людей нет денег.

– Любой интендант-офицер даст за него двадцать пять, и вы это знаете.

– Да, но вы предлагаете мне его за тридцать.

– Но вы же не будете продавать его интендантам. И рыцарям не будете. Вы ведь уже знаете, кому его продадите.

– Уж не герцогу ли? – Скривился купец.

– Нет, не герцогу. Вы продадите его какому-нибудь знакомому заводчику, смотрите, – солдат подошел к коню, – посмотрите на его зубы. Четыре года. Все целы. Голова сухая, уши длинные, грудь роскошная, выкормлен правильно, значит, сердце и легкие хорошо сформировались. Голень длинная, смотрите, круп, спина, колени – все идеальное. Такой конь на хорошей рыси целый день будет идти и даже не заметит этого, этот конь лучший, что у меня когда-либо был. В общем, любой заводчик даст за него сорок монет, и вы это знаете. Я б сам его продал, да нет времени искать заводчика. Хочу уехать побыстрее.

– Дам двадцать пять, – нехотя сказал Рицци, – да и то после того, как мой человек на нем прокатится.

– Обязательно прокатится, – кивнул солдат, – если дадите двадцать девять.

– Не дам я вам двадцать девять, – раздраженно сказал ку-

пец. – Наверное, я зря сюда приехал.

«Видимо, не привык, жирдяй, что тебе перечат», – солдат уже знал, что купчина купит все, как бы не раздражался.

– Не глупите, заплатите вы двадцать девять талеров. Разве вы упустите одиннадцать монет прибыли? Даже для вас это большие деньги.

– Не дам, – сказал купец.

Волков понял, что купцу главное не уступить, и поэтому уступил сам.

– Двадцать восемь. Ведь вы уже знаете какого-нибудь барона-заводчика, который выложит вам сорок.

– Двадцать шесть. И никто из моих знакомых не даст сорок серебряных за него.

– Двадцать восемь. Даже если отдадите за тридцать пять, то получите кучу серебра.

– Двадцать шесть с половиной дам.

– Хорошо, двадцать семь с половиной.

– Двадцать шесть и семьдесят крейцеров.

– Прекратите, вы сейчас до пфеннигов дойдете. Ладно, последняя цена двадцать семь монет.

– Будь по-вашему, – недовольно произнес Рицци. – Пусть мой человек прокатится на нем.

– Ёган, оседлай коня. Кстати, хорошее ламбрийское седло. Отдам за полтора талера.

– Вы меня за дурака держите?

– За хитреца.

– Здешние мастера делает седла не хуже, и просят за них семьдесят крейцеров.

– Да, но знать предпочитает ламбрийскую работу, и за нее платит два талера.

– Ну, вот и продайте свое седло знати, а я посмотрю.

– Я продам вам.

– Я не куплю.

– За талер тридцать.

– Нет, я не сумасшедший.

– За талер двадцать.

– Талер.

– И еще двадцать.

– Пятнадцать.

– Вы опять сейчас до пфеннигов дойдете. Берите, даже если вы отдадите это седло перекупщикам за бесценок, вы выиграете сорок крейцеров.

– Ладно, – купец вздохнул, – где вы так научились торговаться?

Волков улыбнулся. Он был доволен. Коня и седло он собирался отдать за двадцать шесть.

– Девятнадцать лет я торговался со всякой маркитанской сволочью. Они готовы были торговать всем, даже собственными дочерьми. И торговались до самых мелких монет. С ними и научился. Пойдемте, выпьем пива.

Не дожидаясь, пока человек купца прокатится на коне, они вернулись в харчевню, и трактирщик сразу подал пи-

ва. Стоял, улыбался, жал следующего заказа. Купец и солдат сделали по глотку. Купец сразу скривился:

– Что это? Ты это в луже зачерпнул или в пруду, мошенник?

– Сам варил, – ответил трактирщик испуганно.

– Лучше б ты в пруду зачерпнул, – заметил солдат. – Несика нам вино.

– И всех моих людей покорми, и доброй едой, а не тем, чем ты кормишь бродяг, – крикнул ему вслед Рицци.

Тем временем Ёган стал носить из комнаты в зал вещи ламбрийцев: латы, оружие, седла, потники, великолепные сбруи. Последним он принес арбалет. Купец сразу схватил его:

– Хорошая вещь, – сказал он, рассматривая оружие. – Душа, стоит пять серебряных монет.

– Он стоит двадцать, но продавать я его не буду, он мне нужен. Ёган, унеси.

– Опять цену набиваете?

– Нет, это мое личное оружие. Меня из него ранили, я знаю его силу. Я его себе оставлю.

– Вас из него ранили в руку?

– Нет, в ногу. По плечу я получил секирой.

– Жаль. Я бы такой арбалет купил бы.

– Я б сам такой купил бы.

После этого трактирщик принес вина, и добрые господа занялись добрым делом: руганью и торговлей. В результате

Волков оставил себе еще одну кольчугу. Не сошлись в цене. Кольчуга была отличной, из мелких паяных колец. За бесценок такую солдат отдавать не хотел. Так же он оставил себе хорошие боевые перчатки, пару крепких стёганок, шлем, горжет, копьё удивительной работы для Ёгана, секиру и великолепную алебарду. Все остальное купец купил. За все Волков получил восемьдесят одну монету. Люди Рицци поволокли вещи в фургон, сам Рицци, вроде, был доволен, а Волков не мог закрыть кошелек от серебра. Он понимал, что с такими деньгами опасно находиться в этой глуши. За такие деньги даже Ёган может зарезать, и солдат сказал:

— Послушайте, Рицци, раз вы родом из Верго, значит, у вас есть свой банк. Вы же не только купец, но еще и меняла?

— Разумеется.

— И деньги в рост даете?

— Разумеется.

— И векселя пишете?

— Мои векселя ходят отсюда и до Фризии. На любую сумму.

— Под какой процент берете деньги?

— Один процент годовых. Без ущерба при расторжении раньше срока.

— Давайте два, и я дам вам сто монет.

— И не надейтесь. Вы и на пол процента согласитесь, еще и спасибо скажете.

— С чего бы?

– Да с того, – купец усмехнулся, – у вас кошель не застегивается от денег. Значит, кроме моих, там еще и ваши были. А вы тут один. И, какой бы вы не были искусный воин, вас может любой зарезать. Хоть трактирщик, хоть ваш холоп.

«Вот жирный мерзавец, – подумал Волков. – Все видит».

– Поэтому соглашайтесь на мой один процент, и я напишу вам вексель.

– Ну, что ж... Один так один, – произнес солдат. – Пишите бумагу.

– На предъявителя?

– Только именной.

– Фернандо! – Крикнул купец одному из своих людей. – Выпиши вексель господину воину.

Купец вскоре уехал в свой Вильбург, уехал довольный. Волков сидел в харчевне, следил за Хильдой, которая босая и с подобранной юбкой мыла полы, когда пришел Ёган.

– Коновал сказал, что конь будет здоров через неделю. – Произнес слуга. – А что с конем произошло?

– Да напугал его урод какой-то, он поскользнулся и упал. – Отвечал солдат, любуясь, как под ветхой кофтой девицы, в такт её движениям, колышется тяжёлая грудь.

– Урод? Что за урод?

– Да не знаю, толи холерный, толи чумной. Хотя не чумной, язв на нём не было. Выскочил из болота, конь поскользнулся и упал на бок, на стремя.

– Из болота? – Удивился Ёган. – Неужто водяной?

– Да почем мне знать? Больной весь, уродливый. Толи желтый, толи серый. У вас раньше таких видели?

– Слыхом не слыхивал. Даже от стариков.

– Ну и черт с ним, готовься к барону ехать.

– Я готов.

– Кольчугу наденешь и меч возьмешь.

– Ох, господин, меня аж потом прошибает. Неужто я меч привяжу? Прямо как благородный.

– Ты молись, дурень, чтобы им пользоваться не пришлось.

– А что, может, придется?

– Всякое может быть. Я уже столько людей барона побил, что он и осерчать может.

– А что будет, если осерчает?

– Меня убьют, тебя повесят, – абсолютно спокойно ответил Волков.

Ёган молчал, смотрел на него чуть растерянно.

– Ну что ты глазами хлопаешь? Уже и меч не в радость? – Смеялся солдат.

– Ну...

– Да не бойся ты, Бог милостив.

– В том то и дело, что ко мне не очень-то.

– И что ж теперь? Не пойдешь со мной?

– Да как же не идти? – Ёган вздохнул. – Пойду. Мне теперь деваться некуда. Я теперь с вами до гробовой доски.

– Тогда давай одеваться будем. Сегодня ходим к барону, а завтра поутру, потуману, уедем отсюда. Ты все свои дела

сделал?

– Ага. Баба моя в монастырь пойдет, а дети, корова и надел брату. Так что поутру уедем.

– Вот и славно. Бриться давай.

В харчевне никого не было. Хильда носила горячую воду, делала ироничные замечания.

– Ой, прям как незамужняя готовится к ярмарке, и моются, и моются.

– Не смей меня сравнивать с бабами, – заметил солдат. – Получишь у меня.

– Ой, напугали.

– Не разговаривайте, господин, я вас порежу, – пыхтел Ёган, брея Волкова.

Брил он неловко, но старательно.

– Да не скреби ты так, кожу соскребешь.

– И то верно, – заметила ехидно Хильда. – Кожа-то у твоего господина нежная.

– Уйди отсюда, – рявкнул солдат.

– Так я воду принесла.

– Принесла и убирайся.

– О Господи, ну прям, в самом деле, как девки перед фестивалем. Осталось только ножкой топнуть.

– Уйди, – заорал Ёган, – сейчас дрын возьму!

Брунхильда чуть не бегом кинулась прочь, продолжая дразниться и смеяться.

А Ёган добрил солдата и спросил:

- Мне тоже побриться?
 - Щеки и подбородок выбрей. Усы оставь.
 - Ага.
 - Потом руку мне разбинтуй.
 - Так монахи не велели.
 - Разбинтуй. Не хочу со стянутой рукой, как калека, в замок идти.
 - А что, думаете, она может пригодиться?
- Солдат чуть подумал и ответил:
- Ну, если дойдет до того, что она мне понадобится, то потом она мне точно не понадобится.
 - Чего? – Не понял Ёган.
 - Ничего, – ответил солдат, – брейся и помоги мне одеться.

Глава пятая

Замок

Мосты подъёмные и рвы

Замкнутые владенья

Здесь ночью слышен смех совы

И бродят приведенья

К. Бальмонт

Волков надел бригантину, а Ёган кольчугу доброй ламбрийской работы. Заметные усы добавили ему мужественно-

сти, меч добавил воинственности. Кольчуга сидела, как вли-
тая, на широких плечах. Те, кто его видел в первый раз, ни-
когда б не подумали, что этот человек пахал землю. Выгля-
дел он закаленным воякой. Они сели на лошадей и поехали
к замку.

– Ты чего коня ногами-то душишь? Тебе каблуки с сапо-
гами зачем? – Произнес солдат, разглядывая спутника.

– Так непривычно. Я ж всю жизнь без седла ездил.

– Это видно. Выпрями чуть ноги. Каблуками в стремя
упричь. Расслабься, не ложись коню на шею. Наоборот, чуть
откинись назад, чтобы ехать вальяжно, чтобы было видно,
что едет воин, а не холоп.

– Так? – Ёган сделал всё, что это нужно.

– Так. Узду левой рукой держи, правая для копья или для
меча.

Солдат был доволен. Ёган действительно стал походить на
человека весьма немирной профессии, но Волков прекрасно
понимал, что это только видимость. Как на боевую единицу,
он на него не рассчитывал.

– А что там? Пшеница? – Спросил солдат, поглядывая на
поля, мимо которых они проезжали.

– Ага, какой-то дурень высадил, – ответил Ёган. – Считай,
что зерно в яму бросил.

– Не взойдет, думаешь?

– Не поднимется. Откуда при таких дождях-то? Солнца-то
нету.

– А там что? – Волков указал на зеленеющее поле.

– Там рожь. Она хоть как-то, хоть по малости пролезет. А пшеница – дело мертвое.

– Так, что, значит, урожая не будет?

– Так третий год его не будет. Солнца-то нет, а без солнца только щавель да репа растет.

– Что, голод будет?

– Нет, не будет. Раньше был бы, до чумы, когда люд был. А сейчас с чего бы? За пять лет половина дворов опустела. Рожь помереть не даст. Черного хлеба на всех хватит, да и трава хорошая. Скотина радуется.

Так, за разговорами, они не спеша доехали до замка. Замок был старый. Ров давно осыпался. Угол справа от ворот треснул, сами ворота кривые, требовали ремонта.

«С пятью десятками бойцов за три дня взял бы», – подумал солдат, въезжая внутрь.

Краем глаза, он увидел, как Ёган незаметно попытался осенить себя святым знаменiem. Волков поймал его за руку и зашипел:

– Даже не смей бояться, а уж если боишься, то не смей показывать. Понял меня?

Ёган закивал в ответ.

Они остановились у коновязи и слезли с коней. Волков кинул повод Ёгану и пока тот вязал коней, осмотрелся. На одной из стен, у лестницы, что вела в покои, стоял сержант, с ним еще один стражник. Еще двое у ворот. Солдат был

уверен, что это не все. Сержант с лестницы кивком головы указал куда двигаться. Солдат пошел туда, куда тот указал. Его догнал Егал и зашептал:

– А может еще ничего и не будет... Чего вы сделали нашему барону? Ничего не сделали, а наоборот даже, побили дезертиров.

– На въезде в его землю я избил его людей, – ответил солдат, – этого уже достаточно. Затем я ранил одного из его людей. Затем избил его управляющего. Мало тебе?

– Да уже не мало, – почесал голову мужик, – а ему-то вы ничего ж не делали?

– Дурень, я нанес ему оскорбление, избивая его людей. Во всяком случае, он может так считать.

– А-а, оскорбление, – понял Ёган.

Они поднялись по лестнице, сержант, не здороваясь, указал рукой, куда идти, и сам пошел следом.

– А еще я увел у него одного его холопа, – продолжал солдат.

– Это кого же? – Спросил Ёган.

– Догадайся, – покосился на него Волков.

Они вошли в темный, огромный зал. На стенах горели лампы, но это не добавляло света, потолка солдат не видел. В узкие окна без стёкол кроме дождя ничего не проникало. Какой-то свет давали два подсвечника, стоявшие на огромном столе и камин, в который мог войти взрослый мужчина, не склоняя головы. В камине начинали гореть две половинки

бревна. Во главе стола, рядом с камином, в жестком кресле с высокой спинкой сидел человек.

Солдат и Ёган подошли ближе. Солдат поклонился изысканно, а Ёган очень неуклюже. Как только они поклонились, в зал, вслед за ними, вошел сержант и четыре стражника в шлемах, стеганках и с копьями. Солдат мельком глянул на них и произнес:

– Рад приветствовать вас, господин барон.

Барон был немолод. Ему было чуть за сорок. Заметная седина тронула волосы, лицо было чуть опухлым, одутловатым. Его нос был сломан, нижняя губа и подбородок были рассечены. Сейчас там белел шрам. Он сжимал серебряный кубок, недобро смотрел на солдата и, наконец, произнес:

– А вот я не рад приветствовать вас, как вас там величают?

– Меня зовут Яро Фолькоф, я отставной гвардеец, правофланговый корпорал, охрана штандарта его высочества герцога де Приньи.

– Ух ты! – Притворно восхитился барон. – Да неужели? И вы всерьез полагаете, что это имя... имя какого-то... черт знает какого герцога произведет на меня впечатление?

Волков заметил, что барон не совсем, чтобы трезв.

– Ни секунды на это не надеялся. Я надеялся, что на вас произведет впечатление, то, что я воин, как и вы, а не бандит, дезертир, или дебошир.

– А вот ведете себя именно как бандит и дебошир, – заметил барон.

– Не могли бы вы уточнить, когда это и где было?

– Когда вы напали и ранили моего человека.

– Ну, что ж, я расскажу, как это было. Я снимаю комнату в харчевне, так как получил рану в стычке с дезертирами, в которой я участвовал по просьбе вашего коннетабля. И вот, возвращаясь от лекаря-монаха, я застаю в своей комнате вашего сержанта и еще двух людей, которые копаются в моих вещах. На мое законное требование покинуть комнату один из них заявляет, что сейчас они меня зарежут, и заберут все мое добро себе.

– Врет он, – рявкнул сержант. – Мы пришли забрать десятину мертвых, чтобы отдать бабам погибших наших людей. А он на нас напал.

– А почему вы пришли, когда меня не было?

– А что ж нам, ждать тебя что ли? Ты сбежать хотел, чтобы деньги не отдавать.

– В отличие от вас, я не вор, и законы воинской корпорации чту неукоснительно.

– Кто вор? Я!? – Заорал сержант.

– Ну а кто еще в отсутствии хозяина копается в его вещах, а когда его ловят на месте, пытается его убить? Так делают воры.

– Ну... – Начал было сержант, но его перебил барон.

– Замолчи, – он сделал глоток из кубка и спросил у Волкова: – так что вы хотите сказать, что мои люди воры?

– Вы это сами должны решить, господин барон. Когда я

в первый раз поймал вашего старосту на воровстве – я его предупредил...

– А что он у вас украл?

– Оружие. То, что я взял в бою у дезертиров. Он, не скрываясь, сложил его в телегу и хотел уехать. Я забрал оружие и предупредил его. Второй раз он пытался увести у меня коня стоимостью в двадцать талеров. Я остановил его, а он заявил, что это ему велел сделать сержант.

– Я ему такого не велел, врет он.

После этой фразы Волкову стало легче. Он понял, что сержант и староста действовали не по распоряжению барона, а сами по себе.

– То есть, – произнес барон, – вы утверждаете, что в моем феоде мои люди воруют у проезжих.

– Я думаю, что, в первую очередь, воруют они у вас. Ну, или что-то затевают против вас.

– Вот даже как? Вам придется подтвердить свои слова, – сурово сказал барон.

– Для этого я и пришел сюда, – смело ответил Волков.

Он достал из рукава пергамент, подошел и положил его на стол перед бароном. Тот взял лист бумаги, взглянул на него и швырнул рядом с кубком:

– Что это? Язык древних? Я не поп, чтобы читать на нем.

– Нет, это ламбрийский, – и подозвал Ёгана. – А ну ка скажи барону, где ты нашел эту бумагу.

– Ну, я снимал сапог, и там это было.

– Какой еще сапог? – С раздражением спросил барон.

– Ну, с дезертира, с мертвого, сапог стягивал, а она там была. Гляжу – на пол упала.

– И что здесь написано?

– Не знаю, – испуганно ответил Ёган.

– Замолчи, дурак, – рявкнул барон и кривым пальцем постучал по бумаге. – Что здесь написано? – Он смотрел на солдата.

– Здесь сказано: «Сопляк узнал про мельницу, предупредите господина с мельницы, а с сопляком разберитесь, иначе донесет. Но так, чтобы никто не подумал, чего».

– И что все это значит? Звучит как дурь какая-то.

– Звучит как дурь, если не знать, что под сопляком подразумевали вашего коннетабля, которого они заманили в харчевню и убили первым. Он очень мешал кому-то в вашем феоде, что-то знал.

– Да неужто мельнику? – Ехидно усмехнулся барон. – А может, обоим? У меня их двое.

– На вашем месте я бы проверил обоих. И еще бы выяснил, куда в вашем феоде люди деваются. Я, например, послал парня в монастырь за лекарствами, дал своего коня, только коня дохлого и нашли. А еще у вас по болоту ходит холерный уродец и на людей кидается.

– Какой еще холерный уродец? – Ехидство как рукой сняло, барон был серьезен. – По какому болоту?

– По тому болоту, что лежит вдоль дороги, которая ведёт

к монастырю.

– А кто вам про него рассказал? – Спросил барон абсолютно серьёзно.

– Я его сам видел, так же, как и вас. Конь его почуял и понес, я сам чуть кости не переломал. А что, вам про него уже что-то говорили?

Барон не ответил, он устался в стол перед собой. Все молчали. В огромном зале было тихо, только ветер завывал в камине, да громко треснуло полено, раскидав несколько искр.

– Садитесь, – вдруг произнес барон, указывая на стул рядом с собой.

Солдат попытался отодвинуть этот стул, но двигать одной рукой такую мебель было невозможно. Стул было невероятно тяжел и массивен. Хорошо, что Ёган догадался, подбежал и помог. Солдат уселся.

– Что у вас с левой рукой? – Спросил барон.

– Старая рана. Моя первая. А в харчевне получил по ней еще раз, очень крепко получил. – Он чуть помолчал. – Монахи сказали, что б левой рукой не шевелил.

– Я вас понимаю. Старые раны.

– Я вижу, что сия учесть и вас не миновала.

– Вы про лицо или про руку? – Барон показал правую руку, она тоже была заметно искалечена. Пальцы были ломаны, а на указательном не было ногтя. – Лицо – это турнирные забавы молодости, а рука – это Вербург. Это барон де

Шие. Мы с ним сшиблись, оба коня насмерть, я ему копьём в шлем, он мне в руку. Вечером мы с ним выпили, он оказался добрым малым. Добрым рыцарем.

– Я тоже был при Вербурге.

– Вы? – Барон посмотрел на солдата с недоверием. – Сколько ж лет вам тогда было?

– По-моему, пятнадцать уже исполнилось.

– А на чьей стороне вы были?

– Ну уж не на стороне еретиков.

– А кто был вашим капитаном?

– Не знаю, но платил мне тогда лейтенант Брюнхвальд.

– Брюнхвальд! – Радостно воскликнул фон Рютте. – Я ж его знал. Я пил с ним перед сражением, а где вы стояли?

– Слева.

– В низине?

– В самой низине. С рассвета и до полудня я простоял по щиколотку в воде.

Барон аж подпрыгнул. Он больше не был суров. Он был и радостен, и возбужден, и даже возмущен.

– Это ж вы, мерзавцы, побежали первыми, – кричал он, указывая на солдата кривым пальцем без ногтя.

– А где в это время были вы? – Спросил Волков.

– В это время я уже лежал в обозе с изуродованной рукой.

– Так вот, мы побежали, когда велийские ландскнехты ушли спасать свои шмотки после того, как кавалерия противника ворвалась в наш обоз. А с нами осталось только пол-

торы сотни копейщиков, которых шесть сотен рейтар даже не заметили, когда кинулись нас топтать. Что может сделать тысяча лучников с шестью сотнями добрых рейтар, которые смяли полторы сотни копейщиков и несутся на них во весь опор. Я даже одного выстрела сделать не успел. Расскажите-ка мне, барон, как кавалерия противника оказалась в нашем обозе?

– Ах-ха-ха! – Радостно засмеялся барон. – Дело то было веселое. Мы сшиблись с их рыцарями в центре, как положено, с хрустом и звоном. Сталь в сталь, мясо в мясо. Нас было чуть больше, но суть не в этом. Мы были лучше, и поэтому мы их опрокинули. Они откатились, а наши чуть увлеклись и решили немного порубить арбалетчиков, уж больно хорошо они стояли. Да уж...

– Да уж, а наемные кавалеристы противника смяли ваших оруженосцев и заехали в наш обоз.

– Ну, я то этого не помню, – сказал барон и заорал: – Ёган, Ёган!

Из сумрака зала шаркающей походкой старика пришел слуга.

– Кубок моему гостю, – сказал барон. – И давай ужин.

– Ужин, – удивился старый слуга. – Его еще не начали готовить, господин.

– Ну, тогда принеси нам вина и какой-нибудь еды. Вчерашний пирог, окорок, сыр. Неси, давай. – И он продолжил. – Я не помню, как все закончилось. У меня была раз-

дроблена рука и надо мной колдовали лекари.

– Ну, их кавалерия заехала к нам в обоз, а пять сотен великийских, да хранит Господь императора, ландскнехтов, которые нас прикрывали, побежали спасать свое барахло, а рейтары нас просто смяли. Говорят, из наших только половина осталась, не считая полторы сотни копейщиков, которые, кстати, не успели даже в баталию построиться. Так и стояли в две линии. После этого весь левый фланг побежал.

– Да-а, – протянул барон, вспоминая и улыбаясь, – веселый был денёк.

Солдат почему-то не считал тот день особо веселым. После того, как огромный рыжий конь сбил его с ног, он очнулся уже в телеге. Был вечер. И уж никак ему не удалось бы выпить с рейтаром, как это случалось у благородных, но ничего этого вслух он говорить не стал. Слуга принес красивый кубок для него, кувшин с вином и блюдо с едой: хлеб, окорок, сыр.

– Сержант, – крикнул барон, – отпусти людей. А этого, – он указал на Ёгана, – пусть покормят на кухне. И лошадей их тоже.

– Да, господин, – мрачно ответил сержант, которого, судя по всему, никак не устраивал подобный вариант событий.

– Как вас зовут? – Спросил барон.

– Яро Фолькоф.

– Фолькоф? – Переспросил барон.

– На самом деле Волков, но никто не может правильно

произнести это имя. Поэтому говорю Фолькоф.

– Так вы из Челезии?

– Нет, мой отец был с дальнего востока, а матушка с севера. Она из деревни, что на левом берегу Хельбы. Отец был купцом. Он сгинул в море.

Солдат замолчал, барон молчал тоже, снова оглушительно громко хлопнуло бревно в камине. И барон начал:

– Знаете, у меня сын не вернулся с войны. С рыцарями такое случается. Я считаю, что нет смерти приятнее, чем смерть в бою, ведь старость и раны намного страшнее.

– Я слышал о вашем сыне, я соболезнаю.

– Да-да, беда в том, что он не погиб в бою, – сурово произнес барон. – Он получил рану, ехал домой лечиться и исчез. Мне кажется, кто-то его убил. Я не знаю кто, я не знаю где, но если это так, то я хотел бы восстановить справедливость. Это меня удручает, понимаете? Мне нужно знать, что мой сын погиб или жив. Понимаете? Очень нужно!

Волков кивнул.

Барон выпил вина, солдат выпил тоже. Барон продолжил:

– А еще совсем недавно умер мой друг, мой сеньор. Двадцать лет мы провели вместе. Мы с ним жили в одной палатке, брали девок по очереди, пили из одного кубка, – барон помолчал. – Десять компаний вместе! Мы всегда приходили, когда герцог звал нас. Ни разу не притворялись больными. Собирались и ехали. Он был моим графом и моим другом. Нет, не так. Он был моим другом и моим графом. Он нико-

гда без нужды не козырял своей короной на гербе. Он был истинный рыцарь, и вот он умер. Он просил присмотреть за его детьми. Не теми детьми, что записаны в церковных книгах, а теми... – барон замолчал.

– За детьми фрау Анны? – Догадался солдат.

– Вы знаете и про нее? – Удивлённо спросил барон.

– Я кланялся ей на похоронах. Она пригласила меня в гости.

– Да? Вот как? Ну да, за ее детьми, а я за ними не углядел, понимаете? – Он своим корявым пальцем, почти без ногтя, начал стучать в кусочек бумаги с ламбрийскими словами. – Кто-то решил убить мальчишку, о котором я обещал заботиться. И убил его в моем феоде.

Он замолчал. Они молча сидели, слушали сквозняки и шум горящих бревен в камине.

– В моем феоде! – Вдруг заорал барон, вскакивая. – В моем феоде убивают сына моего друга, пусть даже и незаконно рожденного! Не в поединке, не при ограблении, а просто так, – орал он на солдата, как будто этот тот был виноват. – Потому что кому-то он, видите ли, мешал. Кому? Кому он мешал?

Барон упал в кресло, схватил кубок, часть вина расплескал, а остальное выпил и ударил об стол кубком так, что он погнулся.

– Ёган! – Заорал барон. – Ёган!

Старый слуга прибежал, схватил кувшин, налил вина гос-

подину в его кубок. Тот стоял кривой, но не падал.

– Принеси мне ларец, – велел барон.

Слуга молча ушел.

Они снова сидели в тишине, как вдруг до Волкова донесся детский голос. Солдат обернулся и увидел мальчика, лет семи-восемью на лестнице, ведущей из верхних покоев. За ним шла не худая, богато одетая дама. Волков встал, стоял, ждал их приближения, и когда они приблизились, он низко поклонился. Дама ответила кивком головы и едва заметной улыбкой. Мальчишка пробежал мимо солдата и прыгнул на барона. Тот радостно схватил ребенка.

– А-а-а, мой молодой рыцарь! Моя надежда. Посмотрите на него, – обратился барон к солдату. – Я выращу из него настоящего рыцаря. Будешь рыцарем, дорогой мой?

– Да, папа, – кивал мальчик и, уже хвастаясь, добавил. – А через два года папа повезет меня в Вильбург, к оружейнику, и он сделает мне доспех и меч.

– Броня – лучшая одежда для мужчины, – кивнул Волков. – Не сомневаюсь, что молодому барону латы будут к лицу. Но еще рыцарю нужен конь.

– Конь у меня уже есть, – крикнул мальчишка, – папа, пойдем, покажем твоему гостю моего коня?

– Не сейчас, дорогой. Обязательно покажем, но не сейчас. А сейчас идите с матушкой погуляйте до ужина.

– Ну, пап, я хочу с вами. Этот же господин тоже рыцарь?

– Этот господни добрый воин, и я воевал вместе с ним.

– О, вы тоже убивали еретиков? – Обрадовался мальчишка.

Волков улыбнулся и кивнул.

– Расскажите, сколько вы убили еретиков?

– Я потом все тебе расскажу. А сейчас идите, погуляйте. Иди, покорми своего коня. – Вместо солдата сказал барон.

Женщина взяла мальчишку за руку и повела, хотя тот упирался.

– До свидания, – произнесла она.

– Баронесса, – солдат снова поклонился.

– Моя последняя радость, – произнес барон не глядя им в след.

Тут появился старый слуга. Он принес тяжелый ларец, поставил его перед бароном. Барон снял с шеи веревку с ключом, открыл ларец и запустил туда руку. Судя по всему, ларец был почти пуст, потому что барон долго собирал что-то со дна, и, наконец собрав, он хлопнул ладонью об стол. Под ладонью что-то звякнуло. Барон убрал руку. На столе лежало семь монет. Желтые, толстые, даже на вид тяжелые. Волков сразу узнал эти монеты. Это были цехины. Три цехина были равны годовой зарплате гвардейца.

– Сколько здесь талеров? – Спросил барон. – Знаете?

– Ну, – начал солдат прикидывая, – один цехин равен почти двум гульденам еретиков. То есть шести имперским маркам. Значит около двадцати шести талеров.

– Ха-ха, – засмеялся барон. С такими знаниями вы могли

бы стать менялой. Не зря вас, солдат, называют любителями сольдо.

Солдат не обиделся, он всегда хорошо считал и хорошо все запоминал.

– У лейтенанта Брюнхвальда я считал зарплату всей роты. Пока не зажило плечо, я помимо прочего был заместителем казначея роты.

– Да как вы все успевали?

Солдат пожал плечами.

– Впрочем, я не о том. Вы знаете, что это за деньги?

– Нет.

– Сколько вам платили в гвардии?

– Здесь денег, – солдат указал на кучку золота, – на два с лишним года службы в гвардии какого-нибудь герцога.

– Я не герцог, но готов отдать вам эти деньги за то, чтобы вы поработали на меня. – Он смотрел на Волкова, ожидая его реакции.

– И что же вы хотите? – Солдат удивленно поднял брови.

– Мой коннетабль убит. Найдите тех, кто заказал убийство сына моего друга. Выясните, куда деваются мои люди на моей земле. Узнайте, кто бродит по болотам. Поймайте его или убейте. Разберитесь с моими старостами, если считаете, что они воруют. Наведите порядок в моем феоде, и эти деньги будут ваши.

Солдат был немного ошарашен. Он не ожидал такого, он понимал, что барон пьян и, возможно, завтра не вспомнит о

своем предложении, поэтому не знал, что ответить.

– Ну, что вы молчите?

– Я думаю, господин барон.

– А что тут думать? Перед вами деньги лежат. Или думаете, что я вру? Нет, я не вру. Хотите, я напишу вам бумагу и дам вам два цехина вперед? Прямо сейчас. Но вы мне должны обещать... Ведь я хочу, чтобы вы выяснили, кто виноват вот в этом, – его палец без ногтя снова стучал по бумаге, лежащей на столе. – Я хочу знать, кто убил моего коннетабля.

– Наверное, вы были хорошим воином, но торговец вы निकудышный.

– Что? Это почему еще? – Удивился фон Рютте.

– Вы предлагаете огромные деньги первому встречному. Предлагаете важную должность человеку, которого не знаете.

– Как же не знаю? Мы же были с вами в одном строю, в одном сражении. Вы же служили в гвардии, а туда, кого попали, не берут. Да и взялись же вы помочь моему коннетаблю.

– Во-первых, барон, в гвардии хватало и мерзавцев, и проходимцев, и трусов. Да и в одном строю вместе с вами мог стоять вор.

– Так вы вор или лжец?

– Не то, и ни другое. Но я мог бы быть и тем, и другим.

– К черту болтовню, – барон одним глотком допил вино из кубка. – Вы согласны или нет?

– Нет, господин барон, извините, но нет, – твёрдо сказал

солдат.

– Нет? – Искренне удивился барон.

– Нет, простите уж великодушно, но я еду домой. У меня была мать и две сестры, я почти двадцать лет их не видел. Я писал им, они мне не отвечали. Я хочу знать, что с ними.

Барон смотрел на него недоверчиво:

– Может, вам мало денег? Мы можем поговорить об этом.

– Нет-нет-нет, дело не в деньгах, господин барон. Будь у меня время и силы, я бы согласился помочь вам, а так...

– Честно говоря, я не ожидал, – произнес барон. – Не ожидал, что солдат пренебрежет золотом.

– Да с чего вы взяли, что я вообще справлюсь?

– Что ж вы думаете, я дурак? Я опросил людей, что общались с вами. Сержант приводил мне посудомойку из харчевни, и она клялась, что вы один одолели ламбрийцев. Я опросил своих дуроломов о стычке с вами. Признаться, они вас побаиваются, а они у меня не очень-то и робкие. Вы хладнокровный и умелый воин, ну, а то, что вы умнее всех, кто меня окружает, и, может быть, даже умнее меня самого – так это видно любому.

– Барон, я почти однорукий и хромой. Я ищу тихого места и спокойной жизни, – солдат помолчал, заглянул в кубок и потер подбородок. – Вам нужен железный кулак, закон феода, экзекутор, вешатель, знающий всё и всех. Я не подхожу вам на эту должность. Завтра, на заре, я хочу уехать лечиться. Мне даже в седло не сесть без помощи слуги.

– Завтра? Вы хотите уехать завтра? Дьявол. Я думал, мы хотя бы еще выпьем.

– Неужто вам не с кем выпить?

– А с кем? Все соседи, с кем я ходил воевать, померли. Их отпрыски – сопляки, которые не то, что на войну, даже к барьеру не выезжали. Расфуфыренные ничтожества в перьях, которые тратят всё, что у них есть, на шелка, специи да дорогих лошадей. А, чуть не забыл, да еще и навозные жуки.

– Жуки? – Не понял Волков.

– Ну да, рыцари, – барон усмехнулся, – которые только и делают, что ковыряются в земле вместе со своими холопами. Разве что к сохе сами не становятся. Я тут недавно одного из таких обозвал болваном, – барон погрозил Волкову пальцем, – болваном! При слугах! Что, думаете, он за меч схватился? Перчатку мне кинул? Потянул к барьеру? Черта с два! – Барон снова погрозил пальцем и засмеялся. – Он сделал вид, что не заметил! У них все мысли о быках производителей, да поднимется ли пшеница после дождей. И никаких поединков. Им хоть в морды плюй.

– Ну, вы старый вояка, с вами опасно связываться, – Волков налил вина себе и барону. – Возможно, он просто решил быть благоразумным.

– Именно! – Заорал барон, хватая кубок. – Они тут все благоразумны, у них нет выбитых зубов, у них нет отрубленных пальцев, у них лица как у женщин!

– То есть? – Не понял Волков.

– Вот у вас шрам на правом виске, откуда? Свежий еще.

– Зимой болт пробил шлем.

– Вот, зимой получил, а у них нет вообще никаких шрамов. И разговоры у них про цены на шелк да на шафран, про урожаи, да про то, что хмель нынче дорог, да про лошадей. – Барон почти орал все это в лицо солдату. – А еще они говорят про то, во что был одет герцог, парчовые у него портки или бархатные, да хранит Господь его августейший зад. А еще они говорят про золотые шпоры.

Он выговорился, сел и откинулся на спинку кресла. Посидел, поигрывая кубком, и продолжил:

– Мой последний боевой товарищ умер, его дочь пропала, сына убили, а я даже не могу наказать тех, кто в этом виноват. Потому что я не знаю, кто всё это делает!

Волков ничего не ответил, молчал.

– Значит, вы не возьмете деньги? – Спросил барон, чуть успокоившись.

– У меня нет уверенности, что я справлюсь, господин барон, я устал. Я болен.

– Судя по всему, вы честный человек, и вас нельзя отпустить. – Фон Рютте, смотрел на Волкова с прищуром. Он грозил ему пальцем. – Нельзя!

– Господин барон, мне пришлось завести слугу, потому что я сам не могу одеться...

– Да, и кстати, о слуге. Он ведь один из моих холопов? Он крепостной?

– Нет, говорит, из вольных.

– Вот, ещё и мужика у меня увели.

– Я был вынужден, я даже не могу одеться и сесть на коня, не говоря уже о том, что б оседлать... Лет пять назад я бы с радостью взялся за такую работу, а сейчас... – Волков покачал головой.

– Ладно, не буду вас неволить. Но скажите, что бы вы сделали на моем месте?

– Нанял бы хорошего коннетабля...

– Это я и пытаюсь сделать, – барон отмахнулся, – но что, если бы вы уже были коннетаблем?

– Первым делом выяснил, кто у вас владеет ламбрийским и умеет писать на нем.

– Служанка моей дочери из Фризии, ее привезла моя первая жена. Жена родом-то наша, но имела имущество во Фризии. Получила небольшую ферму в наследство, оттуда и привезла эту лошадь.

– Какую лошадь? – Не понял солдат.

– Да не лошадь, а служанку. Зовут ее Франческа. Но по внешности и силе она не уступает лошади. – Барон засмеялся, но как-то не очень весело.

Солдат тоже смеялся.

– Но, по-моему, – продолжал барон, – она из холопов. Не думаю, что она умеет писать и уж тем более указывать наемникам, что им делать. Да и откуда у нее деньги, чтобы нанять четверых ламбрийцев. Да и один ли у них язык?

– Дialeкты разные, но язык один, – заметил солдат.

– А что бы вы ещё сделали?

– Не знаю. Наверное, обыскал бы мельницу.

– У меня их две.

– Ну, обыскал бы обе. И как следует поговорил бы с мельниками.

– А ещё?

– Нашел бы больного уродца, что бродит по болоту и кидается на людей.

– Верно, это обязательно надо сделать, – кивнул барон.

– И главное... – солдат задумался.

– Ну, что?

– Все-таки провел бы аудит.

– А это что? Это то, что проводят попы, когда жгут еретика?

– Нет, то называется аутодафе. Аудит – это проверка на воровство. Нужны грамотные люди. На моей памяти такие аудиты проводили дважды в войсках, когда хозяева войск хотели знать, куда идут деньги. Знающие люди посмотрят гроссбухи, договора с крестьянами, посчитают все, что есть.

– Да кто ж такое сможет сделать?

– Не знаю, может, монахи? Поговорите с аббатом. Надеюсь, вы не обзывали его болваном?

– А-ха-ха, – засмеялся барон, – до этого я еще не дошел. Вас зовут Яро? Простите, запомятовал.

– Да.

– Фолькоф?

– Именно.

– Как жаль, Яро Фолькоф, что вы уезжаете. Мне нужен именно такой человек, как вы.

Волков развел руками, изображая смирение перед неизбежным.

– Черт, – барон потряс пустым кувшином, – пустой. С хорошим человеком даже не замечаешь, как кончается вино. Ёган, Ёган...

Глава шестая

Важная должность

... и должность ту принял

Тибо V граф Блуа и граф Шартра

коленопреклоненно. И целовал

на том королю руки, сеньору

своему...

Хроники XII век.

– Аккуратнее, господин, вы так расшибетесь, – Ёган поймал и удержал солдата от падения.

– Ты б хоть факел какой-нибудь нашел.

– Найду. Без факела в такой тьме – беда.

– Лошадь-то моя где?

– Куда вам на лошадь? Убьётесь.

– Я скорее пеший убьюсь. Где лошадь?

– Да вот она, сюда.

Он подвел Волкова к лошади.

– Вот стремя, ногу давайте. Куда мы в такую темень-то?

Я уж думал, мы сегодня тут переночуем.

– Ночевать надумал? Ты днем собирался в подвале сидеть.

– Это да. Честно говоря, всякое в голове было. А вишь, как оно вышло? Вы с бароном винище хлестали, а меня на кухне кормили. Жизнь такая штука. Я думал, что меня завтра на площади кнутом охаживать будут, давайте... Все, сели?

– Поводья.

– Вот они. Я вот думаю, может, на конюшне переспим? Куда мы в такую темень? Ни луны, ни звезд, дождь.

– Нет. Тут ехать две тысячи шагов. Доедем, не заблудимся.

– Тогда держитесь, – Ёган сам залез на коня. – Не дай Бог, упадете на руку.

– Болван. Скорее ты упадешь, чем я.

– Сколько же вы выпили?

– Бог его знает. Ты факел нашел?

– Два взял.

Ёган достал факела из связки, что лежала у ворот, зажег один из них. Стражники открыли ворота и выпустили их из замка.

Дорога от замка до Малой Рютте – сплошная длинная лу-

жа. Ночь. Темень. Хорошо, хоть дождь не шел. Изредка среди рваных туч мелькали звезды.

– Надо было остаться в замке, а утром бы поехали, – невесело бубнил Ёган, пытаясь осветить факелом дорогу.

– Нет, едем на заре, – беззаботно отвечал Волков. – Хочу побыстрее отсюда уехать.

– Так телега ж плохая. Кузнец говорит...

– Да к дьяволу твоего кузнеца. Вещи в мешки, на коней погрузим и увезем как-нибудь. Лишь бы уехать отсюда. Дурные тут у вас места.

– Места-то дурные, что ж сказать. Только, вот, раз барон у вас теперь в дружках – пару дней могли и подождать, пока кузнец телегу ремонтирует.

– А я смотрю, тебе понравилось на кухне у барона.

– А кому ж не понравится? Бобы с салом, целый горшок. Сказали – жри, сколько сожрешь. И хлеба ешь – сколько съешь. Так еще и пива дали. – Он еще что-то хотел сказать, как его конь резко дернулся в сторону, так, что Ёган чуть не уронил факел. – У, черт.

– Ты коня-то не дергай. Он в темноте лучше тебя видит, а еще и носом чует. – заметил Волков.

– Да я и не дергал его, – удивленно произнес Ёган. – Дурной он какой-то.

И снова конь дернулся, подсел а задние ноги, не захотел идти вперед.

– Да что с тобой? Не пойму, кто из нас пьян, болван, –

произнес солдат, и тут и его конь встал. — Эй, ну а ты-то что?

В ответ его старый добрый конь тихо заржал, почти заговорил.

— Ну, хватит тебе, — Волков погладил коня по шее. — Поехали потихоньку.

Он чуть дал шпор, и конь нехотя двинулся вперед, за конем Ёгана, за факелом. Тот чуть остановился впереди, дожидаясь солдата.

— Ну, хоть тучки разлетелись. Теперь видать, куда ехать. — Говорил Ёган. — Близко уже. Вон, уже и огонечек видно, что у харчевни висит.

И тут справа от них, в ночной тишине, оглушительно громко хрустнула ветка. Конь солдата снова тихо заржал. Конь Ёгана дернулся, чуть не роняя седока, сам он едва удержал факел.

— А, ну, тихо, ты, мешок с колбасой, — ругался Ёган.

И в этот момент снова оглушительно громко захрустели ветки, совсем рядом. Что-то большое и тяжелое мерно, но быстро ломилось через кустарник. Солдат и слуга смотрели в темноту в сторону источника звука. И одновременно оба в десятке шагов у себя увидели два зеленых звериных глаза. Большие, яркие, жуткие, смотрящие на них. Дышало оно с бульканьем, глубоко и надрывно. И низко подрыкивало с каждым движением.

— А-а! — Заорал Ёган. — Никак медведь. Медведь, господин, медведь!

Его конь рванул вперед так, что Ёган уронил факел. Конь солдата бросился вслед за ним. Солдата откинуло назад, и он каким-то чудом удержался в седле.

– Стой, ты, демон! – Рычал он на коня, здоровой рукой изо всех сил натягивая поводья. – Убьёмся же насмерть.

Но конь не слушал ни его, ни поводья и летел по ночной дороге, каким-то чудом перепрыгивая лужи и объезжая препятствия. Солдат не знал, гнался ли за ним этот зверь. Все, что он делал, – пытался не вывалиться из седла, потому что управлять конем было невозможно, до той самой минуты, пока они не въехали в деревню. Тут, на пригорке, где уже пахло навозом, золой и дымом, он смог успокоить коня, хотя тот продолжал гарцевать, дрожать и тихонько ржать.

– Ну, чего ты, дурень? Успокойся. – Говорил солдат, всматриваясь в темноту. – Нет никого уже, отстал он.

Сам при этом поглаживал эфес. И тут, прямо из тьмы, на них выскочил конь, с храпом пронесся мимо. Всё, что мог понять Волков, – это то, что Ёгана на нем не было.

– Испугал, зараза, – выругался солдат.

Он действительно испугался. Перевел дух и заорал в темноту:

– Ёган!

Где-то, совсем рядом, залилась лаем собака. Еще одна ей ответила. Переключку подхватила ещё одна, и так по всей деревне.

– Ёган! – Не унимался солдат. – Ёган!

Но отвечали ему только собаки.

– Так, – произнес он, чуть подумав. – Придется будить людей.

Он было хотел отъехать от деревни, покричать еще, но конь отказался, зло фыркнув и замотав головой, скакнул и встал, как вкопанный.

– Чертов трус, – сказал солдат. – Ладно, поехали в харчевню, разбудим людей. Будем искать этого дурня.

Весь хмель как рукой сняло. К харчевне он подъехал уже трезвый, и под фонарем харчевни увидел Ёгана.

– А я жду вас, жду, – обрадовался тот.

– Я ору на всю деревню.

– Не слышал.

– Конь где?

– Так на привязи он, вон.

– А ты как сюда попал?

– Так этот дьявол меня скинул, я за вами побежал.

– За нами? – Солдат смотрел на него с непониманием. – Я на окраине деревни орал тебе, аж охрип. Как ты пеший вперед меня здесь оказался?

– Так не знаю, за вами бежал. Прибежал, а вас нету. Потом конь мой прибежал, потом вы приехали. Я и не слышал, кто, где орет.

– Ясно, – сказал солдат, спрыгнул с коня и стал каблуком стучать в дверь. – Хозяин, отворяй.

– Идите с Богом, – кто-то крикнул из-за двери. – Лечь уже

негде.

– Отворяйте, дьяволы, а то запалю хибару, – орал солдат, ещё сильнее стуча каблуком в дверь.

Наконец, кто-то отпер засовы и открыл дверь. На пороге стоял хозяин с лампой и его батрак с топором.

– Ах, это вы, – облегченно вздохнул хозяин и жестом пригласил войти.

– Завтра на заре я съезжаю, – сказал солдат, переступая через спящих на полу постояльцев. – Посчитай все, а сейчас покорми коней.

– Слушаюсь, слушаюсь, – кивал хозяин.

– Ёган, – продолжал Волков, – проследи, что бы покормил и напоил, и почисть всех лошадок наших. Как почистишь – начинай собирать вещи. На заре поедем.

– То есть не поспать мне, – вздохнул Ёган.

– Потом выспишься.

Трактирщик, его батрак и Ёган пошли на конюшню, а Волков двинулся к своим покоям и прямо у лестницы увидел Хильду. Она только что проснулась, была простоволоса, в нижней рубахе и с лампой в руке.

– Вы прямо как разбойник, всех всполошили да напугали, – недовольно произнесла девушка.

Солдат залез в кошель, достал оттуда две монеты по пять крейцеров, протянул ей.

– Чего это? – Спросила девица глядя на монеты.

– Десять крейцеров. Придешь ко мне?

– Пряма разбежалась.

– Я на заре уеду. Упустишь деньги.

Он протягивал ей монеты, девушка лампой осветила их стояла в нерешительности. Не брала.

– Ну, берёшь? – Солдат ждал, не убирая денег.

– Тихо вы, – прошептала девица, огляделась, и, забирая монеты, произнесла. – Папаша ляжет, так приду.

Ёган еще гремел чем-то на конюшне, когда почти беззвучно Брунхильда поднялась по лестнице в покои солдата. Осветила их лампой, огляделась, стеснялась, стояла, как будто с духом собиралась. Солдат уже лежал в кровати. Девушка заметно волновалась, встала в двух шагах от кровати, но к ней не подходил:

– Ну что встала? Сюда иди. – Солдат приподнялся забрал у неё лампу.

– Лампу-то потушите.

– Нет, не потушу. Снимай рубаху.

– Ну прямо... И лампу не тушите, и рубаху вам снимай.

– Снимай, я сказал. Или сам сниму, встану.

– Вот малахольный, – девица заметно стеснялась, затем подошла к кровати. – Ой, – вскрикнула она.

– Что такое?

– Мизинцем об кровать, – она засмеялась.

– Да ложись ты уже, – солдат за руку потянул ее к кровати, – а то покалечишься еще. Ногa еще сломаешь.

Он схватил её за подол рубахи. Потянул, она пыталась вырваться. Он задрал ей рубаху.

Девушка опять засмеялась, повалилась к нему в кровать.

– Ну что, болван? – Спросил солдат слугу, когда тот вышел из конюшни.

Волков стоял босой, на улице дождя не было, было тепло.

– Ну, – Ёган почесался. – Так вы ж спали.

– Так ты, подлец, тоже спал.

– Ну, есть мальца. Коней я уже оседлал. Сейчас только мешки найду, и вещи будем складывать. Вещей-то много. Нам бы телегу. Алебарду, копье да секиру в мешок-то не спрячешь.

– Болван ты. Вот скажи мне, мы засветло до города доедем?

– Нипочем не доедем.

– И где будем ночевать? В лесу?

– Нет, мы засветло до трактира дорожного доедем, там и переночуем, а к следующему полудню уже в городе будем.

– Ищи мешки, дурень, и побыстрее, а то я уже вашу Рютте видеть не могу.

– Сейчас, я быстро устрою. Вы пока завтракайте, поможитесь, а я все найду, – говорил слуга, преданно смотря на солдата.

А солдат тем временем внимательно смотрел на дорогу, а не на него. Ёган тоже посмотрел в ту сторону и увидел всад-

ника. Это был сержант.

– Ну что, болван? Как ты думаешь, к кому он едет? – Спросил Волков с раздражением.

– А тут и думать нечего, к нам едет.

– Дать бы тебе разок по уху, – сказал солдат и даже поднял левую руку.

– Тихо вы, куда больной рукой машете? Надо вам ее забинтовать. Сейчас позавтракаете – забинтую.

Но Волков его уже не слушал. Он глядел на приближающего сержанта и думал о том, будет ли он говорить с ним сидя на коне, или все-таки слезет.

Сержант слез и даже поклонился, едва заметно, чем несказанно обрадовал Ёгана.

– Здрав будь, господин воин, – произнес сержант.

– И тебе здоровья, брат-солдат.

– Барон прислал, просил не уезжать, не повидавшись с ним.

– Скажи барону, что приведу себя в порядок и приеду.

Сержант снова, едва заметно поклонился и сел на коня. Уехал. А Ёган, глядя ему в след, спросил:

– И что? Поедем?

– Конечно, поедем, болван. Я же сказал, что поеду. Как я теперь могу не поехать?

– Да так. Сказали, что поедем, а сами не поедем. Позавтракаем и поскачем в город, – слуга чувствовал вину и говорил чуть сконфужено. – И что они? Догонять нас будут?

– Так поступают холопы, да купцы, да менялы, да горожане. Люди моей профессии так не поступают. Коли сказал – так делай. И впредь, даже не предлагай мне такого, – сурово произнес солдат. – Ищи мешки лучше, да сапоги мне принеси.

Солдат чуть замешкался, войдя в зал. Камин не горел, лампы тоже. Царил полумрак.

– Яро, что вы там встали, идите сюда. – Услышал он и пошел на голос.

Барон сидел на том же месте, в той же одежде, с тем же кривым кубком.

– Садитесь.

Волков сел. Барон заорал:

– Ёган, свечей и кубок гостю!

– Господин барон, вчерашнего кубка мне хватило, – произнес солдат.

– Да бросьте вы, мы вчера всего три кувшина выпили.

– Тем не менее, я все еще не совсем трезв.

– А я, зато, уже опять пьян, – произнес барон и весело заржал.

Солдат сидел, ожидая неприятных уговоров. Он очень хотел убраться отсюда побыстрее, и, как он и предполагал, все началось сначала. Старый Ёган принес ему кубок и поставил на стол подсвечник с тремя свечами. Барон снова начал доставать золотые монеты из ларца, выкладывая их перед сол-

датом на стол.

– Барон, я не хочу быть грубым, но вчера мы всё обсудили, – сказал Волков, даже не глядя на монеты.

– Всё, да не всё, – загадочно улыбнулся барон. – Яро, что вы так серьезны? Ну-ка улыбнитесь, у меня для вас хорошее предложение.

– Барон, скажу честно, вы хороший человек, но я хочу отсюда уехать.

– Да? – Барон перестал улыбаться. – И что же вас тут не устраивает?

– Здесь дурные места.

– Это я и без вас знаю и очень хочу сделать мой феод добрым местом. И надеюсь, что вы мне в этом поможете.

– Видите, – Волков указал на пустой рукав бригантины. Его рука было прибинтована к телу. – Я однорукий.

– Руки мы найдем, руки у нас есть. А вот найти голову сложно. Поэтому мне нужна ваша.

– Я вчера вам все сказал.

– А я вчера все слышал. Но из разговора с вами я понял одну вещь – вы из тех солдат, которым не нужны сольдо. Первый раз вижу такого. Но если солдату не нужны сольдо, значит, они у него есть. И значит, что ему нужно кое-что побольше, чем деньги.

– Да? И что же это? – Спросил солдат заинтригованно.

– Читайте, – сказал барон и кинул ему через стол бумагу.

Солдат взял лист, развернул его, подвинул к себе подсвеч-

ник и начал читать:

«Мой государь, вы, Карл Оттон Четверый, курфюрст Реннеберг, девять лет назад при осаде Цаппа при многих добрых рыцарях хвалили меня и спрашивали, что я хочу себе в награду за ту малую услугу, что я совершил во славу Вашу, в честь имени Вашего. Тогда я сказал, что для меня награда и честь – сражаться за Вас. Но Вы настояли, что за мной останется просьба, которую вы обещаете выполнить, коли я о ней попрошу. И теперь я попрошу вас о выполнении моей просьбы. Добрый воин и мудрый муж Яро Фолькоф оказал мне в моих землях столь большую помощь, что я прошу вас осенить его Вашим мечом и даровать ему рыцарское достоинство и герб, и внести имя его в поминальную книгу добрых рыцарей ваших. Уверен, что и вам его доблесть будет пригодна, так как воин он опытный и искусный, и умен и во многих вопросах толк знающ. О чем нижайше прошу Вас Ваш рыцарь Карл Фердинанд Тилль барон фон Рютте».

Прочитав это, Волков молчал. Барон тоже молчал и, глядя на Волкова, улыбался.

– «...Вас осенить его вашим мечом и даровать ему рыцарское достоинство и герб, и внести имя его в поминальную книгу добрых рыцарей ваших», – Волкову было приятно перечитать это вслух. И он перечитал это еще раз.

Он сидел и думал. Честно говоря, ему было неприятно это признавать, но признать это пришлось: да, барон попал в точку. Это было то, о чем он иногда всё-таки мечтал. Меч-

ты эти были давние, тонкие, почти забытые, почти безнадежные. Один раз у него даже вспотели руки. На секунду ему показалось, что эта мечта могла даже осуществиться. Но герцог, которому он служил и которого он спас от плена, вытащил меч и вместо того, что бы произвести его в рыцари, на что он так надеялся, подарил меч ему. Конечно, меч был баснословно дорогой, но Волков предпочел бы герб. Да любой предпочел бы герб.

– Ну, что? Как вам мое предложение? – Оторвал его от воспоминаний барон.

Солдат покосился на него, не ответил и стал снова читать письмо.

– И золото тоже будет ваше, – продолжал тот, грубой рыцарской ладонью придвигая монеты к Волкову. – Понимаю, вам нужно время подумать.

– Мне не нужно время, – ответил солдат. Встал, сам себе налил вина, выпил до дна и произнёс. – Я согласен.

– Согласны? – Барон даже встал.

– Согласен.

– Я знал! – Орал барон. – Я знал, что деньгами вас не купить! Ёган, ещё вина!

– Но давайте договоримся. Как только я навезу здесь порядок, я уеду.

– Ну, если не захотите остаться, – барон сгреб золото и бросил его в ларец. – Получите всё с полна, как разберётесь с проблемами.

Письмо герцогу он положил туда же. Он не скрывал своей радости. Сидел, сиял.

– Ну, с чего же вы начнете?

– Как положено в воинском подразделении, сначала познакомлюсь с людьми. С некоторыми я уже знаком, но хочу посмотреть всех бойцов.

– Отлично. А я могу чем-нибудь пригодиться?

– Конечно, можете. Я хотел вас об этом просить. Я слышал, что у вас псарня неплохая.

– Неплохая. А что нужно?

– Ничего сложного. Нужно будет немного поохотиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.